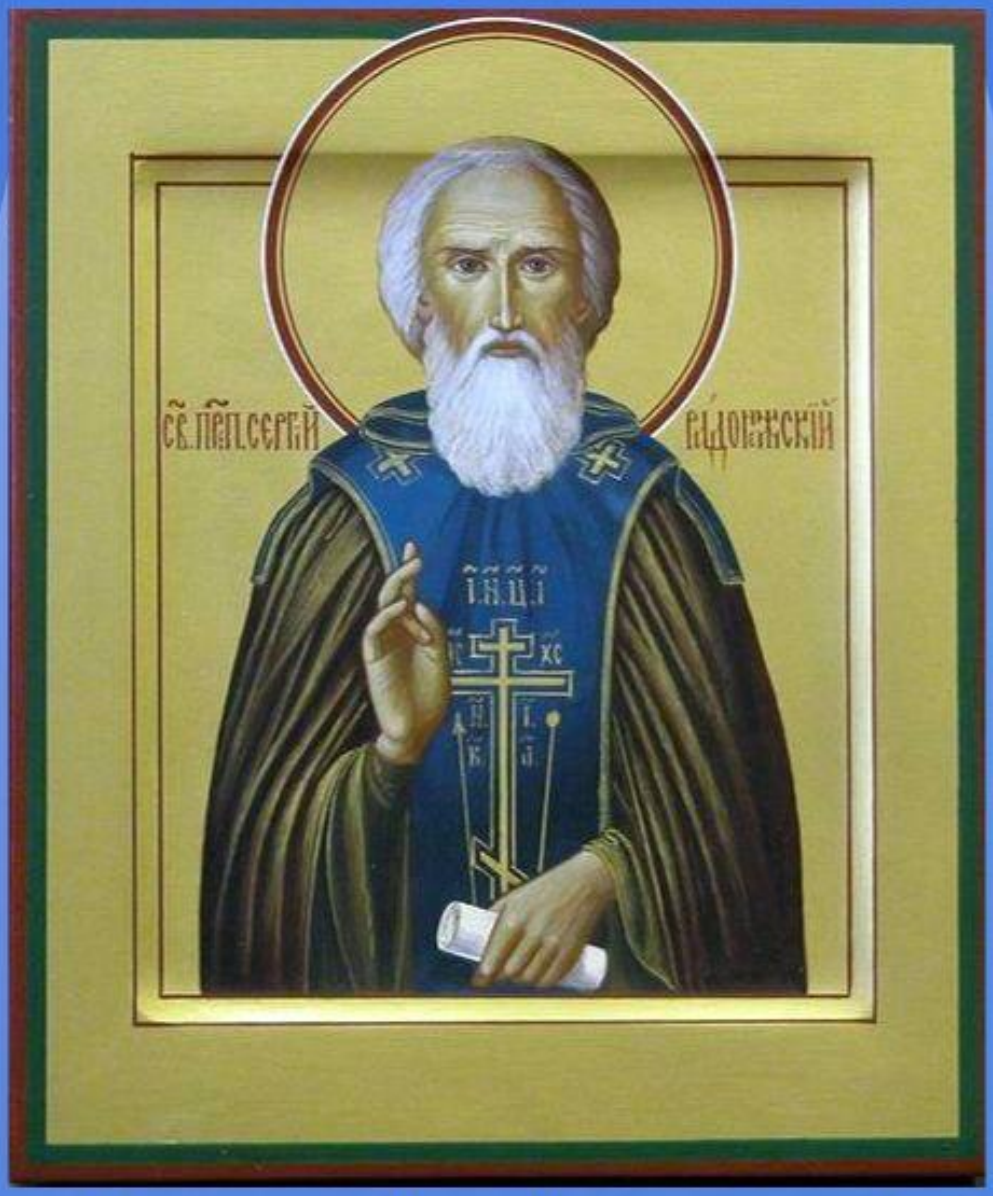
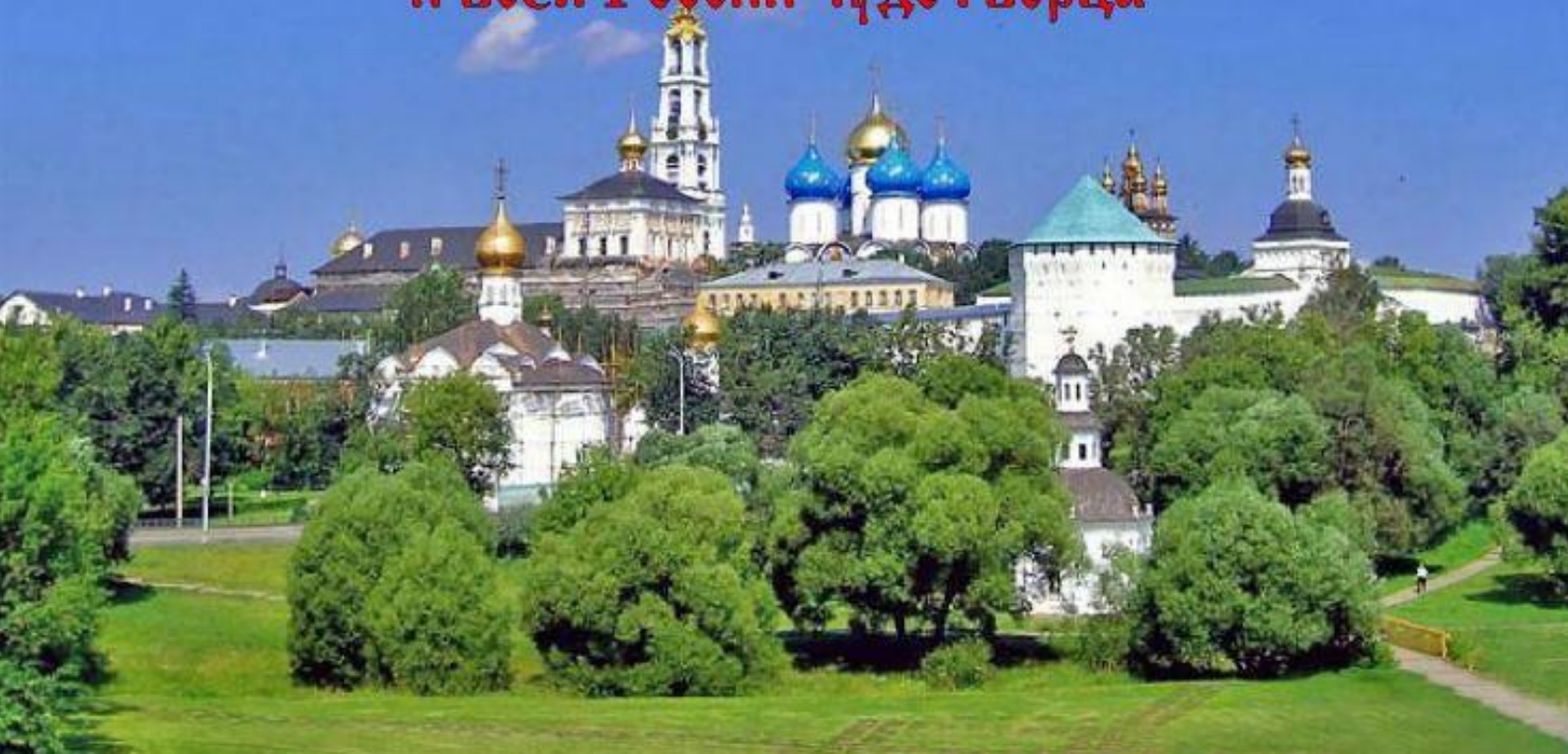


Архиепископ Никон Рождественский

Житие и подвиги преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца



ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (3)

Глава I. СЫН РАДОСТИ (12)

Глава II. БЛАГОДАТНЫЙ ОТРОК (24)

Глава III. ПОКОРНЫЙ ЮНОША (38)

Глава IV. БРАТЬЯ В ПУСТЫНЕ (49)

Глава V. ЮНЫЙ ПОСТРИЖЕННИК (57)

Глава VI. НАЕДИНЕ С БОГОМ (64)

Глава VII. ПЕРВЫЕ СПОДВИЖНИКИ(78)

Глава VIII. ВЛАСТЬ ЗА ПОСЛУШАНИЕ (87)

Глава IX. СМИРЕННЫЙ ИГУМЕН (97)

Глава X. ПУСТЫННАЯ НИЩЕТА (106)

Глава XI. СМИРЕННЫЙ ЧУДОТВОРЕЦ (120)

Глава XII. ПРОРОЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ И ДАЛЬНИЕ ПОСЛАНЦЫ (134)

Глава XIII. ВНЕЗАПНАЯ БУРЯ (149)

Глава XIV. ДРУГ СВЯТИТЕЛЕЙ (161)

Глава XV. ПЕЧАЛЬНИК РУССКОЙ ЗЕМЛИ (179)

Глава XVI. УМИРОТВОРИТЕЛЬ КНЯЗЕЙ (199)

Глава XVII. БЛАГОДАТНЫЙ СТАРЕЦ (207)

Глава XVIII. КОНЧИНА ПРАВЕДНИКА (224)

Глава XIX. УЧЕНИКИ СЕРГИЕВЫ В РОДНОЙ ОБИТЕЛИ (232)

Глава XX. УЧЕНИКИ И СОБЕСЕДНИКИ СЕРГИЕВЫ В СВОИХ ОБИТЕЛЯХ (243)

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Слава Богу о всем и всяческих ради! Слава показавшему нам житие мужа свята и старца духовна, — благодарим Бога за премногую Его благость, бывшую на нас, яко дарова нам свята старца, господина преподобнаго Сергия, в земли нашей Рустей, в стране полунощней».

Так начинает свое сказание о житии и подвигах преподобного отца нашего Сергия его присный ученик, блаженный Епифаний. «Дивлюся же, — говорит он, — како толико лет минуло, а житие святого старца не писано было; и о сем сжалихся зело, како убо таковый святый старец пречудный и предобрый, отнележе преставися двадцать шесть лет прейде, и никто не дерзняше писати о нем, ни дальний, ни ближний, ни больший, ни меньший».

Сии слова Премудрого Епифания еще с большим правом можем повторить мы, с тою лишь разницей, что со дня кончины преподобного Сергия до нашего времени протекло не двадцать шесть, а уже пятьсот лет, и до сих пор мы не имеем на современном русском языке полного жизнеописания великого старца, не только в смысле самостоятельного исторического исследования о его жизни и подвигах, о его значении в истории Русской Церкви, русского подвижничества, русского просвещения и вообще нравственного воспитания русского народа, но даже и

простого, полного перевода жития, написанного Епифанием. Правда, существует более десятка разных житий преподобного Сергия, и лучшее из них, конечно; то, которое составлено святителем Московским Филаретом Но это житие предназначено было для чтения при Богослужении и читано самим в Бозе почившим иерархом в лавре, на всенощном бдении 5 июля 1822 года. По своим достоинствам внутренним это житие - слиток золота; но, как предназначенное для церковного чтения, оно по необходимости отличается краткостью и опускает многие подробности, драгоценные для благоговейных почитателей памяти великого угодника Божия. Следует еще упомянуть о двух житиях преподобного Сергия, помещенных в сочинениях: «Русские святые» преосвященного Филарета, архиепископа Черниговского, и «Жития святых Российской Церкви» А. Н. Муравьева; но ни то, ни другое также не имеют желанной полноты, потому что составители этих житий, описывая житие всех русских святых, по необходимости старались быть краткими в изложении. Из отдельных изданий следует упомянуть только одно, вышедшее уже после второго издания нашей книги, к пятьсотлетию преставления преподобного Сергия: «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра» Е. Голубинского; автор предлагает в этой книге, как сам он говорит, «повествование о преподобном, с одной стороны — краткое, а с другой стороны — полное, без опущений воспроизводящее все частности его жизни, как естественного, так и сверхъестественного характера». Но и эта книга не может вполне удовлетворить благоговейного чтителя памяти великого угодника Божия: довольно сказать о ней одно уже то, что ради «краткости» автор ее не имеет в виду дать в ней назидательное чтение, а предлагает лишь сжатое изложение фактов, собранных им из всех исто-

рических источников и изложенных в форме «жизнеописания». Притом и это «жизнеописание» издано нераздельно с «путеводителем по лавре» и составляет как бы введение к этому «путеводителю». На других отдельных изданиях, вроде сочинения господина Лаврентьева, не считаем нужным останавливаться, так как они представляют плохие переделки из Епифания или же просто заимствование из вышеупомянутых авторов. Предлагая благочестивым читателям свое описание «Жития и подвигов преподобного и Богоносного отца нашего Сергия», потрудившийся в его составлении считает долгом сказать, что он вовсе не имел в виду писать ученое исследование о жизни угодника Божия: он задался более скромною целью — собрать в одну книгу все, что можно было найти в исторической и проповеднической литературе о преподобном Сергие, и соединить в одно целое не только все дошедшие до нас подробности из его жизни, но и те нравственные уроки, какие извлекали из сказания о его жизни наши проповедники. Для настоящего, пятого, издания вновь пересмотрено по возможности все, что вышло в 1891 — 1893 годах по случаю пятисотлетия преставления угодника Божия, и таким образом многое в тексте пополнено и исправлено. Побуждением к этому труду служило то же, что побудило и преподобного Епифания в свое время взяться за перо: это — отсутствие в наличной духовной литературе полного жития преподобного Сергия. Подумать только: кто был преподобный Сергий для нашей Русской Церкви, для Русского государства, для русского народа? Святая Церковь прекрасно характеризует его, называя столпом Церкви. Он не только сам был крепким столпом Церкви Христовой, но, по выражению одного из наших архипастырей, Херсонского архиепископа Никанора, «уподобил и продолжает уподоблять своей духовной природе и всех близко

соприкасающихся к нему людей. Он напитал своим крепким духом целые сонмы, целые поколения монашествующих. До семидесяти монастырей было основано его учениками и учениками его учеников; его духовное потомство было одною из главных духовных сил, содействовавших духовному претворению разных полуязыческих племен, раскинутых по пространству северной и средней России, в одно целое великорусское племя, объединенное, одушевленное, скрепленное духом Православия. Будучи сам высшим носителем христианского православного духа, он — примером, назиданием, молитвами своими — много содействовал и содействует напитанию этим духом всего православного российского народа, — духом, который составляет руководительное начало, крепость и славу народной русской жизни. Потому-то к преподобному Сергию, как к неиссякающему роднику крепкого русского духа, притекают на поклонение, для назидания, для молитвы и до сего дня многие тысячи народа. Ни один вблизи путешествующий инок не минет обители преподобного Сергия. Редкий из иерархов Русской Церкви не припадал до праха земного пред ракою преподобного Сергия. Все до единого из венценосцев России приносили у раки преподобного свои молитвы (особенно — по вступлении на царство). Не только члены нашего царствующего Дома, но и премногие члены иностранных царственных семейств приходили туда же — то молиться, то изучать русскую жизнь у самых ее основ, у того родника, у одного из главных родников, из которых она бьет ключом».

Да, наши летописцы имели полное основание именовать преподобного Сергия игуменом всея Руси, и святая Церковь достойно и праведно величает его возбранным воеводою Русской земли!

«Если бы возможно было, — говорит известный наш историк В. О. Ключевский, — воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью преподобного Сергия, что в эти пятьсот лет было молчаливо передумано и перечувствовано перед его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокого содержания историей нашей всенародной политической и нравственной жизни. Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в чистой капле воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил преподобный Сергий и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени, и редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос: что он есть для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно».

Так характеризуют великое духовное значение преподобного Сергия с одной стороны — один из наших знаменитых духовных витий, с другой — один из глубоких знатоков нашей родной истории.

В другом своем слове, обращаясь к житию преподобного отца нашего Сергия, архиепископ Никанор справедливо говорит, что это житие «переносит нас в новый для нас, хотя и стародавний мир, мир других людей — святых людей, — других воззрений — святых воззрений, — других обычаев — святых обычаев, в мир отречения от мира и себя, в мир святых великих подвигов, в мир вольного неуклонного несения

креста Христова... Чувствуешь в душе разнозвучие гармонии этого мира с дисгармонией нашего внутреннего и внешнего мира, и с одной стороны — мирно настроивается сердце умилением, — так вот взял бы крылья, яко голубине, и полетел бы туда, в пустыню, за 500 лет назад, — а с другой — надрывается сердце, что поневоле приходится жить многомятежною жизнию своего века...». Справедливо говорит преподобный Иоанн Лествичник: «...как убогие, видя царские сокровища, еще более познают нищету свою: так и душа, читая повествования о великих добродетелях святых отцов, делается более смиренною в мыслях своих».

Так благотворно действуют на душу описания подвигов великих угодников Божиих, каков был преподобный отец наш Сергий. «Якоже ароматы, — говорит святитель Платон, митрополит Московский, — чем более растираются руками, тем больше издают благоухания: тако и жития святых, чем более углубляем мы в них свое размышление, тем более открывается святость и слава праведников, а наша польза». Но это сравнение еще не достаточно сильно: ароматы со временем все же утрачивают силу своего благоухания, а жития святых — никогда. Это неистощимые очаги благодатного огня, от которых каждый может возжигать в самом себе такой же огонь ревности Божественной, и сколько бы таких огней ни зажигали от них, сами они никогда не умалятся...

От жизнеописателя обыкновенно требуют, чтобы он не только знакомил читателя со всеми, ему известными, событиями из жизни описуемого лица, но и рисовал пред ним живую личность, вводил во внутренний духовный мир этого лица, давал читателю возможность, при чтении жизнеописания, пожить вместе с тем лицом, с кем его знакомят, полюбоваться его достоинствами, подышать, так

сказать, воздухом той эпохи, в которую жило и действовало это лицо. Справедливость требует сказать, что при жизнеописании святого лица выполнить эти требования можно только отчасти. В Бозе почивший Московский святитель Филарет по сему случаю однажды выразился так: «Ненадежно для нас догадками проникнуть в души святых, которые далеко выше нашего созерцания. Надежнее следовать простым сказаниям очевидцев и близких к ним». И действительно: описывая жизнь обыкновенного смертного, писатель может больше полагаться на свой духовный опыт; описывая жизнь подвижника, он должен быть сам подвижник...

Увы, сего-то столь существенного условия для написания полного жития преподобного отца нашего Сергия потрудившийся в составлении сей книги и не имеет! Глубоко сознавая свою нищету духовную, он и не помыслил бы взять на себя такой непосильный труд, если бы не имел пред собою труда первого жизнеописателя Сергия, его ближайшего ученика преподобного Епифания. Этот ученик потщился, елико было ему дано, в себе самом воплотить добродетели своего великого наставника, опытно проходил под его руководством жизнь духовно-подвижническую, и — потому в состоянии был лучше, чем кто-либо иной, списать жизнь своего святого старца в назидание наше... Но и он сознавал всю трудность такого дела, и он говорил: «Якоже не мощно есть малей лодии велико и тяжко бремя налагаемое понести, сице и превосходит нашу немощь и ум подлежащая беседа... Подобаше ми отнюдь со страхом удобь молчати и на устех своих перст положити, сведущу свою немощь... Яко выше силы моея дело бысть, яко немощен есмь, и груб и неразумичен...» Одно, что заставило его взяться за труд, — это горячая любовь к почившему

старцу: «Любовь и молитва преподобного того старца привлачит и томит мой помысл, и принуждает глаголати же и писати...» Он скорбит об одном: как бы не пришло в совершенное забвение житие такого великого старца, как бы чрез это забвение не потеряна была навсегда духовная польза читателей... «Аще убо аз не пишу, а ин никто же не пишет, боюся и осуждения притчи оного раба ленивого, скрывшего талант и обленившегося».

С такими мыслями приступал к своему труду первый благоговейный «списатель» жития Сергиева. Нужно ли говорить, с какими чувствами должен приступать к сему делу недостойный писатель нашего грешного времени? И он должен сознаться, что не без долгих колебаний решился на свой труд, призывая на помощь молитвы преподобного старца и его присного ученика Епифания Премудрого... А когда, для полноты изображения личности угодника Божия, приходилось говорить о внутренних духовных состояниях, он брал черты из писаний Богомудрых отцов — подвижников, изобразивших эти состояния, на основании собственного опыта, в своих писаниях...

Последуем же, благочестивый читатель, шаг за шагом вослед блаженного Епифания; будем благоговейно внимать его простому, задушевно-теплому, сердечному повествованию; прислушаемся и к тем урокам, какие извлекают из его рассказа наши святители: Платон и Филарет — митрополиты Московские, Филарет, архиепископ Черниговский, Никанор, архиепископ Херсонский, и другие проповедники и благочестивые писатели... И если эта книга даст вам возможность хотя немного отдохнуть душою за ее чтением, хотя на несколько минут забыть окружающую вас суету земную, перенестись мыслью и сердцем в отдаленную по времени, но тем более близкую нашему сердцу родную

древность, повитать со святыми и преподобными обитателями дремучих лесов радонежеских, подышать благоуханием молитв Сергиевых, насладиться созерцанием его Боголюбезного смирения: тогда мы почтем себя счастливыми и воздадим славу Господу. А если книга наша не удовлетворит любознательности вашей, если составитель ее чего не дописал, или переписал, или в чем погрешил, то смиренно просит в том прощения, и с глубокою благодарностию примет всякое доброе замечание и указание погрешностей на случай нового издания.

Лавра преподобного Сергия

Марта 12-го дня,

1885-1891-1898-1904.

Глава I

СЫН РАДОСТИ

Верстах в четырех от славного в древности, но смиренного ныне Ростова Великого, на ровной открытой местности по пути в Ярославль, уединенно расположилась небольшая обитель во имя Пресвятой Троицы: это заштатный Варницкий монастырь. По древнему преданию, почти шестьсот лет тому назад, тут была некая весь, имя которой забылось в истории, но которая всегда была и будет именита и дорога сердцу православных русских людей, потому что весь эта была благословенною родиною великого печальника и заступника Русской земли, преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца. Здесь было поместье его родителей, благородных и знатных бояр ростовских Кирилла и Марии; тут был их дом; тут и жили они, предпочитая уединение сельской природы суете городской жизни при княжеском дворе. Впрочем, Кирилл состоял на службе сначала у Ростовского князя Константина II Борисовича, а потом у Константина III Васильевича; он не раз сопровождал их в Орду, как один из самых близких к ним людей; владел достаточным по своему положению состоянием; но по простоте тогдашних нравов, живя в деревне, он не пренебрегал и обычными сельскими трудами; мы увидим

потом, что Кирилл посылал, например, своего малолетнего сына за конями так же, как и теперь посылают своих малюток простые поселяне.

Кирилл и Мария были люди добрые и богоугодные. Говоря о них, блаженный Епифаний замечает, что Господь, благоволивший воссиять в земле Русской великому светильнику, не попустил родиться ему от неправедных родителей, ибо такому детищу, которое, по устроению Божию, должно было впоследствии послужить духовной пользе и спасению многих, подобало иметь и родителей святых, дабы доброе произошло от доброго и лучшее приложилось к лучшему, — дабы взаимно умножилась похвала и рожденного и самих родивших во славу Божию. И праведность их была известна не одному Богу, но и людям. Строгие блюстители всех уставов церковных, они помогали и бедным; но особенно свято хранили они заповедь апостола: *страннолюбия не забывайте: тем бо не ведяще нецыи странноприяша Ангелы* (Евр. 13, 2). Тому же учили они и детей своих, строго внушая им не упускать случая позвать к себе в дом путешествующего инока или иного усталого странника. До нас не дошло подробных сведений о благочестивой жизни сей блаженной четы; зато мы можем вместе с святителем Платоном сказать, что «самый происшедший от них плод показал, лучше всяких красноречивых похвал, доброту благословенного древа. Счастливы родители, коих имена прославляются вечно в их детях и потомстве! Счастливы и дети, которые не только не посрамили, но и приумножили, и возвеличили честь и благородство своих родителей и славных предков, ибо истинное благородство состоит в добродетели!»

Кирилл и Мария имели уже сына Стефана, когда Бог даровал им другого сына — будущего основателя Троицкой

лавры, красу Церкви Православной и несокрушимую опору родной земли. Задолго до рождения сего святого младенца дивный промысл Божий уже дал о нем знамение, что это будет великий избранник Божий и святая отрасль благословенного корня. В один воскресный день его благочестивая мать пришла в церковь к Божественной литургии и смиренно стала, по тогдашнему обычаю, в притворе церковном, вместе с прочими женами. Началась литургия; пропели уже трисвятую песнь, и вот, незадолго пред чтением святого Евангелия, вдруг, среди общей тишины и благоговейного молчания, младенец вскрикнул у нее во чреве, так что многие обратили внимание на этот крик. Когда начали петь Херувимскую песнь, младенец вскрикнул в другой раз, и притом уже столь громко, что голос его был слышен по всей церкви. Понятно, что мать его испугалась, а стоявшие близь нее женщины стали между собою переговариваться, что бы мог означать этот необыкновенный крик младенца? Между тем литургия продолжалась. Священник возгласил: *вонмем! святая святым!* При этом возглашении младенец вскрикнул в третий раз, и смущенная мать едва не упала от страха: она начала плакать... Тут ее окружили женщины и, может быть, желая помочь ей успокоить плачущее дитя, стали спрашивать: «Где же у тебя младенец? Отчего он кричит так громко?» Но Мария, в душевном волнении, обливаясь слезами, едва могла вымолвить им: «Нет у меня младенца; спросите еще у кого-нибудь». Женщины стали озираться кругом и, не видя нигде младенца, снова пристали к Марии с тем же вопросом. Тогда она принуждена была сказать им откровенно, что на руках у нее действительно нет младенца, но она носит его во чреве...

Как же может кричать младенец, когда он еще в утробе матери? — возражали ей удивленные женщины.

Я и сама удивляюсь этому, — отвечала им Мария, — и нахожусь в немалом недоумении и страхе...

Тогда женщины оставили ее в покое, не переставая, впрочем, удивляться этому необыкновенному случаю.

«В наше время, — говорит святитель московский Филарет, — свидетели подобного происшествия, вероятно, имели бы немало заботы об изыскании причины, произведшей сие необыкновенное явление. Более проницательные, может быть, осмелились бы догадываться, что молитвенный восторг благочестивой матери, в три важные периода священнодействия, сообщил необыкновенное возбуждение жизни плоду, который носила она во чреве. Но в то время любили не столько любопытные умствования, сколько благоговейное наблюдение путей Провидения, и народ выходил из церкви, повторяя написанное в Евангелии об Иоанне Предтече: *что убо отроча сие будет* (Лк. 1, 66). Да будет над ним воля Господня!»

Благоговейный списатель жития Сергеева, преподобный Епифаний сопровождает свое повествование о сем необыкновенном происшествии таким размышлением. «Достойно удивления, — говорит он, — что младенец, будучи во чреве матери, не вскрикнул где-либо вне церкви, в уединенном месте, где никого не было, — но именно при народе, как бы для того, чтобы многие его услышали и сделались достоверными свидетелями сего обстоятельства. Замечательно еще и то, что прокричал он не как-нибудь тихо, но на всю церковь, как бы давая понять, что по всей земле распространится слава о нем, — и не тогда возгласил он, когда мать его была где-нибудь на пиршестве или почивала, но когда была она в церкви, и именно во время молитвы, как бы указывая на то, что он будет крепким молитвенником

пред Богом; не прокричал он в каком-либо ином месте, но именно в церкви, в месте чистом, в месте святом, где пребывают святыни Господни и совершаются священнодействия, знаменуя тем, что и сам он будет совершенною святынею Господа в страхе Божием. Достойно замечания также и то обстоятельство, что не возгласил он однажды или дважды, но именно трижды, являя тем, что он будет истинным учеником Святой Троицы, так как троичное число предпочитается всякому другому числу, потому что везде и всегда сие число является источником и началом всего доброго и спасительного».. После сего, приведя из ветхозаветной и новозаветной истории примеры и указания, свидетельствующие о важном знаменовании троичного числа, и воспомянув страшную тайну Триипостасного Божества, блаженный Епифаний продолжает: «Подобало и сему младенцу трижды провозгласить еще во чреве матери, прежде рождения на свет, в предзнаменование того, что он будет некогда служителем Святой Троицы и многих приведет к познанию Бога, научая словесных овец своих веровать во Святую Троицу, единосущную во едином Божестве. И действительно, — рассуждает далее Епифаний, — не служило ли все это явным указанием на все дивное и досточудное в последующей его жизни? Не сбылось ли все это самым делом в его чудесных деяниях? И кто видел и слышал о первых предзнаменованиях, тот должен был потом верить и тому, что последовало за ними, ибо не просто, не без особенной цели были даны эти предзнаменования: они были предвестниками и началом всего, что совершилось впоследствии. Вспомним древних святых, просиявших в Ветхом и Новом Завете: как зачатие, так и рождение многих из них предваряемо было особенным откровением от Бога; так, пророка Иеремию Бог от чрева матери предызбрал и освятил; то же свидетельствует о себе другой пророк — Исайя, а

святой и великий пророк и Предтеча Христов Иоанн, еще будучи во утробе матери, познал Господа, носимого в ложеснах Пречистой Приснодевы Марии: *взыграся младенец радощами во чреве* (Лк. 1, 44) матери своей Елисаветы, и ее же устами пророчески возопил: *откуду мне сие, да прииде Мати Господа моего ко мне* (ст. 43). О святом пророке Илии есть сказание, что родители его видели, как светлые и благообразные мужи повивали сего младенца огненными пеленами и питали его пламенем огненным...» Далее Епифаний приводит подобные же рассказы о святых: Николае Чудотворце, Ефреме Сирине, Алипии и Симеоне столпниках, Феодоре Сикеоте, Евфимии Великом, Феодоре Едесском и Петре, митрополите Московском, — рассказы, которые мы опускаем, дабы, по выражению самого блаженного Епифания, «долготою слова послушателем слухи ленивы не сотворити», и приводим здесь только заключительные его мысли: «Досточудно, — говорит он, — было это возглашение младенца во чреве матери; досточудно было его воспитание от младенческих пелен; досточудна была и вся жизнь этого поистине досточудного мужа! Господь еще до рождения отметил его Своею благодатию и необычным случаем предуказал Свое особенное Божественное о нем промышление».

Всегда преданные воле Божией и внимательные к путям Провидения, Кирилл и Мария поняли указания Промысла Божия и сообразно с этими указаниями должны были вести дело воспитания дитяти. После описанного происшествия особенно мать сделалась необыкновенно внимательна к своему состоянию. Всегда имея в мыслях, что она носит во чреве младенца, который будет избранным сосудом Святого Духа, Мария, во все остальное время беременности, готовилась встретить в нем будущего подвижника благочестия

и воздержания; а потому и сама, подобно матери древнего судьи израильского Сампсона (см.: Суд. 13, 4), тщательно соблюдала душу и тело в чистоте и строгом воздержании во всем. «Заботливо храня носимый ею во чреве Божий дар, она желала, — как говорит святитель Платон, — чрез свое воздержание дать телесному составу дитяти чистое и здравое питание, хорошо понимая добрым сердцем своим ту истину, что добродетель, сияющая в здравом и прекрасном теле, становится чрез то еще прекраснее». Всегда благоговейная и усердная молитвенница, праведная мать теперь чувствовала особенную потребность сердца в молитве; поэтому она часто удалялась от людского взора и в тишине уединения со слезами изливала пред Богом свою горячую материнскую молитву о будущей судьбе своего младенца. «Господи! — говорила она тогда, — спаси и сохрани меня, убогую рабу Твою; спаси и соблюди и сего младенца, носимого во утробе моей, Ты бо еси — *храняй младенцы Господь* (Пс. 114, 5); да будет воля Твоя, Господи, на нас, и буди имя Твое благословенно во веки!» Так, в строгом посте и частой сердечной молитве пребывала богобоязненная мать святого дитяти; так и самое дитя, благословенный плод ее чрева, еще до появления своего на свет, некоторым образом уже предочищался и освящался постом и молитвою.

«О родители, — замечает при повествовании о сем святитель Филарет, — если бы вы знали, сколько добра или, напротив, сколько зла можете вы сообщить вашим детям еще до их рождения! Вы удивились бы точности суда Божия, который благословляет детей в родителях и родителей в детях и *отдая грехи отцев на чада* (Чис. 14, 18); и, помышляя о сем, с благоговением проходили бы служение, вверенное вам от Того, *из Негоже всяко отечество на небесах и на земли именуется* (Еф. 3, 15)».

Кирилл и Мария видели на себе великую милость Божию; их благочестие требовало, чтобы одушевлявшие их чувства благодарности к благодеющему Богу были выражены в каком-либо внешнем подвиге благочестия, в каком-либо благоговейном обете; а что могло быть приятнее Господу в таких обстоятельствах, в каких они находились, как не крепкое сердечное желание и твердая решимость оказаться вполне достойными милости Божией? И вот праведная Мария, подобно святой Анне, матери пророка Самуила, вместе с своим мужем дала такое обещание: если Бог даст им сына, то посвятить его на служение Богу. Это значило, что они, с своей стороны, обещали сделать все, что могли, чтобы на их будущем дитяти исполнилась воля Божия, совершилось тайное о нем предопределение Божие, на которое они уже имели некоторое указание. Немного, конечно, таких родителей, да едва ли и найдутся в наше грешное время такие счастливцы, которые могли бы так решительно, и притом — непогрешительно определить судьбу своих детей еще до их рождения: опасно и неразумно давать обеты, исполнение коих не зависит от воли обещающих; праведные родители Сергиевы могли сделать это потому, что имели уже таинственное указание на будущую судьбу их дитяти; но кто из христианских родителей не желал бы видеть в детях своих будущих граждан Царства небесного? А если все желают, то пусть же все и полагают в сердце своем твердый и неизменимый обет — делать, с своей стороны, все, что от них зависит, чтобы их дети были истинными чадами Божиими по благодати, чтобы они были покорными сынами нашей общей матери — святой Церкви Православной, чтобы ни дети, ни родители не испытали потом горькой участи сынов царствия, которые будут изгнаны, по слову Господню, во тьму кромешнюю. «Для чего человек создан от Бога?» — спросили

одного простого старца. — «Чтобы быть наследником царствия Божия», — отвечал он...

3 мая 1319 года в доме боярина Кирилла была общая радость и веселие: Марии Бог дал сына. Праведные родители пригласили своих родных и добрых знакомых разделить с ними радость по случаю рождения нового члена семьи, и все благодарили Бога за сию новую милость, явленную Им на доме благочестивого боярина. В сороковой день по рождении родители принесли младенца в церковь, чтобы совершить над ним святое крещение, и в то же время исполнить свое обещание представить дитя в непорочную жертву Богу, Который дал его. Благоговейный иерей, по имени Михаил, нарек младенцу во святом крещении имя Варфоломей, конечно, потому, что в этот день (11 июня) праздновалась память святого апостола Варфоломея, ибо сего требовал тогдашний церковный обычай.

...Можно ли описать ту радость, которая переполняла сердца [благочестивых родителей], когда они видели пред собою начало исполнения тех светлых надежд, которые почивали на сем младенце со дня его чудесного проглашения во чреве матери?

Кирилл и Мария рассказали этот случай священнику, и он, как сведущий в Священном Писании, указал им много примеров из Ветхого и Нового Заветов, когда избранники Божий еще от чрева матери были предназначаемы на служение Богу; привел им слова пророка Давида о совершенном предвидении Божием: *несоделанное мое видесте очи Твои* (Пс. 138, 16), и апостола Павла: *Бог, избравши мя от чрева матере моея... явити Сына Своего во мне, да благовествую Его во языцех* (Гал. 1, 15. 16), и другие подобные места Священного Писания и утешил их

благодатною надеждою относительно их новорожденного: «Не смущайтесь, — говорил он им, — а паче радуйтесь, что сын ваш будет избранным сосудом Духа Божия и служителем Святой Троицы». И, благословив дитя и его родителей, служитель алтаря Христова отпустил их с миром.

Между тем мать, а потом и другие стали примечать в младенце опять нечто необыкновенное: когда матери случалось насыщаться мясною пищею, то младенец не брал сосцов ее; то же повторялось, и уже без всякой причины, по средам и пятницам: так что в эти дни младенец вовсе оставался без пищи. И это повторялось не раз, не два, а постоянно; мать, конечно, беспокоилась, думала, что дитя нездорово, советовалась с другими женщинами, которые тщательно осматривали дитя, но на нем не было приметно никаких признаков болезни, ни внутренней, ни наружной; напротив: малютка не только не плакал, но и весело смотрел на них, улыбался и играл ручками... Наконец обратили внимание на время, когда младенец не принимал сосцов материх, и тогда все убедились, что в этом детском посте «ознаменовались, — как выражается святитель Филарет, — предшествовавшие расположения матери и проявлялись семена будущих его расположений». Возращенный постом во чреве матери, младенец и по рождении как будто требовал от матери поста. И мать действительно стала еще строже соблюдать пост: она совсем оставила мясную пишу, и младенец, кроме среды и пятницы, всегда после того питался молоком матери.

Однажды Мария отдала младенца на руки другой женщине, чтобы та покормила его своею грудью; но дитя не захотело взять сосцов чужой матери; то же самое было с другими кормилицами... «Добрая отрасль доброго корня, — говорит блаженный Епифаний, — питалась только чистым

млеком родившей его. Так сей младенец от чрева матери познавал Бога, в самых пеленах поучался истине, в самой колыбели привык к посту и, вместе с молоком матери, навыкал воздержанию... Будучи по естеству еще младенцем, он выше естества уже предначинал пощение; с младенчества он был питомец чистоты, питаемый не столько млеком, сколько благочестием, и предызбранный Богом еще до рождения...»

«Многие матери, — замечает по сему случаю святитель Платон, — не почитают важным делом кормить дитя своею грудью, но на самом деле это очень важно. Для чего же Творец естества наполняет молоком сосцы материне, если не для того, чтобы приготовить в них для младенца питательную пищу? А с этою пищею, то есть с молоком, вливаются в младенца его будущие склонности и нравы». — «Чужое молоко, — рассуждает в одном месте святитель Димитрий Ростовский, — не так полезно для младенца, как молоко его родной матери. Если кормилица больна, то будет больное и дитя; если она гневлива, невоздержна, сварлива, таково же будет и дитя, которое она кормит. Дитя, воспитанное чужим, не материним молоком, не будет иметь к матери такой любви и привязанности, какую имеют дети, вскормленные ее собственным млеком. Да пристыдят таких матерей бессловесные животные: ни одно из них не доверяет другому питать собственных детей...» «Лучше бы подумать доброй матери, — говорит святитель Филарет Московский, — отнимать ли мать вдруг у двух младенцев: у младенца кормилицы и у своего собственного, и заставлять ли своего младенца пить из груди кормилицы, может быть, тоску по оставленном ею собственном детище, вместо того чтобы он пил любовь из груди своей матери...» — «Бывают матери, — говорит святой Златоуст, — которые своих детей отдают кормилицам.

Христос не попустил сего. Он питает нас собственным телом и напояет собственною кровью...»

Окончилось время кормления грудью Варфоломея; дитя покинуло колыбель; возрастая телом, оно укреплялось и духом, исполняясь разума и страха Божия; благодать Божия почивала на святом младенце, и добрые люди утешались им.

Глава II

БЛАГОДАТНЫЙ ОТРОК

Когда Варфоломею исполнилось семь лет, родители отдали его учиться грамоте. Наши благочестивые предки всегда смотрели на обучение грамоте как на дело священное: грамота давала ключ к чтению и уразумению Божественных Писаний. И школы грамотности, которых было очень немного в то время, учреждались попечениями епископов и вообще духовенства. Ростовским епископом в то время, о котором мы говорим, был Прохор, муж учительный и благочестивый. Под его руководством и учителями в школы назначались, конечно, люди богобоязненные.

Вместе с Варфоломеем учились и два брата его: старший Стефан и младший Петр. Братья обучались успешно, хотя Петру в то время не было и шести лет, а Варфоломей далеко отставал от них. Учитель наказывал его, товарищи упрекали и даже смеялись над ним, родители уговаривали; да и сам он напрягал все усилия своего детского ума, проводил ночи над книгою и часто, укрывшись от взоров людских, где-нибудь в уединении, горько плакал о своей неспособности, горячо и усердно молился Господу Богу: «Дай же Ты мне, Господи, понять эту грамоту; научи Ты меня, Господи, просвети и вразуми!» Но грамота все же ему не давалась. «Тяжелое чувство испытывает человек, — говорит

святитель Платон, — когда всей душой желает учиться, чувствует в себе пламенное влечение к просвещению, но на пути к достижению цели его желаний встречаются какие-либо непреодолимые препятствия». Сильно огорчалось своею безуспешностью и доброе дитя. Не мало печалились о том и родители его, и учитель: всем было прискорбно, что мальчик лишается великого дара Божия — в учении книжном. Но, видно, нужно было, чтобы отрок, о котором были столь добрые предзнаменования, ранним опытом научился, что никакого успеха, никакого знания, никакой способности не должно приписывать себе, но единственно Богу, *Отцу светов,* от Которого свыше сходит *всяко даяние благо и всяк дар совершен* (Иак. 1, 17), и *смиряться под крепкую руку* (1 Пет. 5, 6) Того, Кто один *просвещает всякого человека грядущего в мир* (Ин. 1, 9). Чего, однако же, не преодолеют прилежание и труды, а наипаче молитва, и особенно молитва, исходящая от чистого сердца невинного дитяти? И вот, Господь, *близь* сущий *всем призывающим Его... во истине* (Пс. 144, 18), внял наконец и усердной молитве благоразумного отрока Варфоломея и даровал ему просимое.

Раз отец послал его в поле искать жеребят, каковое поручение пришлось особенно по душе мальчику, любившему уединяться от людей. Здесь-то и случилось с ним нечто подобное тому, что было с Саулом, который, будучи также послан отцом своим для отыскания заблудившихся ослят, встретил пророка Самуила, возвестившего ему, что он будет царем над Израилем. На поле, под дубом, увидел Варфоломей незнакомого старца-черноризца, саном пресвитера; благоговейный и ангелоподобный старец приносил здесь свои молитвы Богу вездесущему и изливал пред Всеведущим слезы сердечного умиления.

Поклонившись ему, скромный отрок почтительно отошел в сторону, не желая прерывать его беседы с Богом, и стал вблизи, ожидая окончания молитвы. Старец окончил молитву; он с любовью взглянул на доброе дитя и, прозревая в нем духовными очами избранный сосуд Святого Духа, ласково подозвал его к себе, благословил его, отечески поцеловал и спросил:

— Что тебе надобно, чадо?

Хотя мальчик был послан искать коней, но его тоскующая душа и теперь была всецело занята невеселыми мыслями о своей неспособности к учению; он забыл на этот раз о конях и с детской простотой поведал старцу свое сердечное горе.

— Меня отдали учиться грамоте, — сказал сквозь слезы Варфоломей, — и больше всего желала бы душа моя научиться читать слово Божие; но вот сколько ни стараюсь,

никак не могу выучиться, не понимаю, что мне толкуют, и очень печалюсь о том; помолись за меня Богу, отче святый, попроси у Господа, чтобы Он открыл мне учение книжное: я верю, что Бог примет твои молитвы.

Умилился старец от таких речей малого отрока; он видел его усердие и, любуясь красотой детской души, отражавшейся на его кротком лице, воздел руки, возвел очи на небо, вздохнул к Богу из глубины сердечной и стал молиться, испрашивая дитяти просвещения свыше... О, как пламенна была эта молитва таинственного старца под открытым небом, под тенью дуба, и с каким трепетом надежды соединял с нею свою чистую детскую молитву блаженный Варфоломей! В этом трогательном единении двух душ — убеленного сединами старца и малого отрока — их общая молитва, как чистый фимиам, восходила на небо и достигла престола Всевышнего...

Старец заключил свою вдохновенную молитву священным словом: *аминь* и бережно вынул из пазухи небольшой ковчежец. Открыв его, он взял оттуда тремя перстами малую частицу святой просфоры и, благословляя ею Варфоломея, промолвил:

— Возьми сие, чадо, и снежды; сие дается тебе в знамение благодати Божией и разумения Святого Писания. Не смотри на то, что частица святого хлеба так мала: велика сладость вкушения от нее.

Нужно ли говорить, с каким восторгом принял святой отрок этот благодатный дар? Слезы радости блестели в его детском взоре; с благоговением вкусил он от святого хлеба и — какою же сладкою показалась ему эта таинственная пища!

— Не об этом ли сказано в псалмах, — сказал он старцу. — *Коль сладка гортани моему словеса Твоя: паче меда устом моим* (Пс. 118, 103).

Заметим, что юный Варфоломей, по святой любознательности и усердию, много псалмов заучил наизусть со слов своих благочестивых родителей и, конечно, повторял их в своих уединенных прогулках по полям и лугам своей родины. Поэтому и теперь пришли ему на память приведенные слова Псалмопевца.

— Если веруешь, чадо, — отвечал ему старец, — больше сих узришь. А о грамоте не скорби: ведай, что отныне Господь подаст тебе разумение книжное паче братии твоих и товарищей, так что и других будешь пользовать.

Радуясь от всей души, что Бог привел ему встретиться с таким святым старцем, Варфоломей сладостно внимал его душеполезным наставлениям; как семена на добрую землю, так и благодатные слова ложились на его доброе сердце.

Довольно научив его о спасении души, старец хотел уже идти в путь свой; но благоразумный отрок не хотел расстаться с святым наставником; он пал к ногам его и со слезами умолял войти в дом его родителей.

— Родители мои, — говорил Варфоломей, — очень любят таких, как ты, отче! Не лиши же и их своего святого благословения!

Сколько детской простоты слышится в этих речах доброго мальчика! В них сказалась вся любящая душа святого дитяти, и как счастливы родители, которых Бог благословил такими детьми! Поистине такие дети — Божие благословение, они не только в себе самих носят это

благословение небесное, но и собирают его, так сказать, отовсюду, чтобы привлечь на дом родительский.

С улыбкой любви последовал старец за своим юным странноприимцем, и с честью его встретили родители Варфоломеевы. Для благочестивых людей такой старец-инок — всегда желанный гость, а Кирилл и Мария особенно любили принимать и покоить у себя в доме иноков. Приняв благословение от старца, они предложили ему радушное угощение. Но гость медлил садиться за стол: «Прежде следует вкусить пищи духовной», — заметил он и направился в моленную, которая в старое доброе время имелась в каждом доме благочестивых князей и бояр. Туда пригласил он с собою Варфоломея и, благословив начало третьего часа, велел ему читать псалмы...

Напрасно изумленный отрок отговаривался неумением: старец сам дал ему в руки книгу и настоятельно сказал, чтобы тот читал слово Божие без сомнения. И что же? Отрок взял благословение от старца и, благоговейно осенив себя крестным знамением, начал стихословить Псалтирь стройно и внятно!.. И сам он, и родители, и братья не могли надивиться, как хорошо читает он... Ведь до сего времени он так тупо учился и мало понимал!.. Так впоследствии об этом рассказывал сам преподобный. Над ним сбылось, замечает блаженный Епифаний, слово пророка: *и рече Господь ко мне: се, дох словеса Моя во уста твоя* (Иер. 1,9).

После того святой гость вкусил предложенной ему трапезы и, благословив радушных хозяев, хотел удалиться; но благочестивым боярам жаль было так скоро отпустить его: им хотелось еще побеседовать с опытным в духовной жизни старцем, в котором они уже приметили дар прозорливости. Между прочим, они рассказали ему, как сын их, будучи еще

во чреве матери, троекратно прокричал в церкви, и желали знать, что думает старец об этом случае, который самою необычайностью своей заставлял их невольно задумываться над ним.

— О добрые супруги! — сказал им на это старец. — Вот Господь удостоил вас такой великой милости, — дал вам такого сына: зачем же вы страшитесь там, где нет никакого страха? Вам должно радоваться, что Бог благословил вас таким детищем: Он предызбрал вашего сына еще прежде его рождения. А что я говорю вам истину — вот вам знамение: с этой поры отрок будет хорошо понимать всю книжную мудрость и свободно будет читать Божественное Писание. Знайте, что велик будет сын ваш пред Богом и людьми за его добродетельную жизнь!

Старец встал, чтобы идти; уже на пороге дома он еще раз обратился к родителям Варфоломеевым и вымолвил в пророческом духе такие загадочные слова: — Отрок будет некогда обителью Пресвятой Троицы; он многих приведет за собою к уразумению Божественных заповедей.

Гостеприимные хозяева проводили странника до ворот своего дома; но тут он вдруг стал невидим, так что Кирилл и Мария невольно подумали: не Ангел ли Божий был послан к ним, чтобы даровать премудрость их сыну? И глубоко сохранили они в благоговеющих сердцах своих его таинственные глаголы.

Между тем как говорил старец, так и сбылось: с отроком произошла чудная перемена. Какую бы книгу ни раскрыл он, тотчас же начинал читать ее без всякого затруднения, понимая и смысл того, что читал. Так дар Божий, столь неожиданно ему ниспосланный, воздействовал в юном Варфоломее и просветил ум его. Нет нужды говорить, что

после этого случая он скоро опередил в учении как братьев своих, так и прочих товарищей.

Нередко можно и в наше время встретить примеры горячего детского благочестия, продолжительных горячих со слезами молитв, любви к Богослужению, усердного стремления подражать подвигам святых отцов; это бывает в тех благочестивых семействах, в которых дети воспитываются в страхе Божием, на чтении житий святых, под сению храма Божия. А в Древней Руси все воспитание детей велось в строго церковном духе. И это чувство, эти чистые, святые стремления дитяти не скорбь и мрак вносят в его юную душу, но отрадную тишину, ясность и спокойствие. Дитя черпает в них духовную силу и крепость; в его душе слагаются светлые образы (идеалы) жизни святой, жизни по Евангелию Христову — образы, которые сродняются с его юным сердцем и становятся для него на всю жизнь заветною святыней, к которой с теплым чувством обращается потом человек даже в глубокой старости. И чем сильнее эти святые стремления в детстве, тем больше они освещают впоследствии мрак жизни в сей юдоли земной, — они примиряют утомленного невзгодами жизни пришельца земли с его нерадостной долей и поддерживают, бодряют, утешают в его многотрудном. странствовании к отечеству небесному. Так было и с отроком Варфоломеем. Рано в его душе, воспитанной примерами и уроками благочестия, раскрылось чувство любви к молитве и готовность к подвигам для угождения Богу. Простое доброе сердце дитяти есть открытая дверь для благодати Божией; посему-то и сказал Господь о детях: *таковых... есть Царство Небесное* (Мф. 19, 14). Рано низошла благодать Божия и в невинное сердце отрока Варфоломея и воцарилась там. Всею душою Варфоломей полюбил Богослужение церковное и не опускал ни одной службы

церковной. Наши предки не знали и не любили читать какие-либо книги светского содержания; жития святых, святоотеческие писания, разные палеи, сборники, летописные сказания о минувших судьбах родной земли — вот книги, которые были любимым чтением того времени. Конечно, в доме благочестивого боярина Кирилла не было недостатка в таких книгах, отрок Варфоломей их читал и перечитывал, и — кто знает? — может быть, некоторые рукописи XII—XIV веков, оставшиеся в библиотеке лавры от времени самого ее основателя, были принесены им в пустыню как единственное дорогое наследство после его родителей. Почерпая из книг уроки мудрости духовной, он тотчас же старался прилагать их к жизни своей — «не так, — замечает святитель Филарет, — как многие долголетние ученые, которых учение цветет в словах, но в делах не созревает». Он скоро понял, что еще в отроческом возрасте страсти уже начинают проявлять свою губительную силу, которую сдержать стоит немалого труда; а кто хотя раз поддастся в юности их влечению и попустит им связать себя порочными склонностями, тому и подавно тяжело преодолеть их. И вот благоразумный отрок принимает все меры, чтобы оградить себя от их воздействия, и пресекает все пути, которыми они обыкли находить доступ к сердцу человека. Так, прежде всего он совершенно уклоняется от детских игр, шуток, смеха и пустословия, помня, что *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15, 33) и что со строптивым легко можно и самому развратиться (см.: Пс. 17, 27). Потом, сознавая, что воздерживать себя во всем есть лучшее средство сдерживать страсти, а свободный от страстей дух и не помраченная ими мысль всегда бывают способнее к восприятию благодати Божией, святой отрок налагает на себя строгий пост: по средам и пятницам он не позволяет себе вкушать ничего, а в прочие дни питается только хлебом и водою. О каких-нибудь других

питиях, не говоря уже о вине, он не позволяет себе и помыслить во всю свою жизнь. Заботливая мать старалась умерить строгость его поста.

— Не изнуряй себя излишним воздержанием, сын мой, — говорила она, — чтобы тебе не заболеть от истощения сил: тогда и нам немалую скорбь причинишь. Ты еще дитя, твое тело еще растет; посмотри: никто в твоем возрасте не принимает на себя такого поста: ни братья твои, ни товарищи так не постятся, как ты; другие дети семь раз на дню поедят, а ты, дитя мое, ешь только раз в день, а то и через день; перестань так делать, это тебе не по силам: всякое добро хорошо в меру и в свое время. Вкушай пищу по крайней мере вместе с нами.

Но благоразумный отрок кротко отвечал на эти увещания любящей матери:

— Не стесняй меня в этом, родная моя, чтобы не пришлось делать так против воли твоей. Не отклоняй меня от воздержания, которое так сладостно душе моей; зачем советуешь своему сыну неполезное? Ведь вы же сказали мне, что я еще в колыбели постился по средам и пятницам; как же я могу не понуждать себя угождать Богу, чтобы Он избавил меня от грехов моих?

— Тебе нет еще и двенадцати лет от роду, — возражала ему мать, — а ты уже говоришь о грехах своих! Мы видели над тобою явные знамения благодати Божией; ты избрал благую часть, которая не отнимается у тебя, — что у тебя за грехи?

— Перестань, матушка, — с сдержанным огорчением отвечал ей сын, — что ты это говоришь? Тебя увлекает естественная любовь твоя к детям; но послушай, что говорит Святое Писание: *никто же чист* пред Богом, *аще и един день*

жития его будет на земли (Иов. 14, 5); никто не безгрешен, токмо един Бог, а Божественный Давид о нашей худости говорит, *в беззакониих зачат есмь, и во грехах роди мя мати моя* (Пс. 50, 7), сего ради да не похвалится всяк человек! *Брашно,* конечно, не поставит нас *пред Богом* (Кор. 8, 8).

Мать удивлялась разумным речам своего сына и, не желая препятствовать его доброму произволению о Боге, обыкновенно говорила ему:

— Если ты так рассуждаешь, то делай как хочешь; Господь с тобою, я не хочу стеснять тебя в добром, дитя мое!..

И святый отрок никогда не позволял себе даже отведать каких-нибудь сладких блюд или напитков, следуя мудрому наставлению Великого Василия: «Аще хочеши внити в рай, воздержи чрево, бежи пьянства». Так укрощая юную плоть свою воздержанием и трудами для сохранения чистоты душевной и телесной, он ни в чем не выходил из воли своих родителей: как кроткий и послушный сын, он был истинным утешением для них.

И виден был в нем прежде иноческого образа совершенный инок, — говорит блаженный Епифаний, — поступь его была полна скромности и целомудрия; никто не видал его смеющимся, а если и появлялась иногда кроткая улыбка на его прекрасном лице, то и она была сдержанна; а чаще лицо его было задумчиво и серьезно; на глазах нередко заметны были слезы — свидетели его сердечного умиления; его уст никогда не оставляли Богодухновенные псалмы Давидовы. Всегда тихий и молчаливый, кроткий и смиренный, он со всеми был ласков и обходителен, ни на кого не раздражался, от всех с любовию принимал

случайные неприятности. Ходил он в плохой одежде, а если встречал бедняка, то охотно отдавал ему свою одежду.

Благоговейное устроение юной души Варфоломея естественно располагало его искать уединения, где бы мог он, наедине с Богом, изливать в слезной молитве пред Ним все святые чувства невинного сердца и в самопредании воле Божией искать подкрепления духу на предстоящем жизненном пути. Он так и делал. Особенно любил он молиться по ночам, иногда совсем проводя ночи без сна и все это стараясь тщательно укрыть от домашних. И какою же детскою доверчивостию и пламенною любовию к Богу, какою, так сказать, мудрою простотою дышала его чистая молитва! «Господи! — так взывал он в умилении сердечном, — если верно то, о чем поведали мне родители мои; если прежде моего рождения на свет Ты уж благоволил явить на мне, убогом, дивные знамения благодати Твоей; то — да будет воля Твоя, Господи! Буди, Господи, милость Твоя на мне! И дай же мне, Господи, измлада возлюбить Тебя всем сердцем моим и всею душою моею и поработати единому Тебе, яко к Тебе привержен есть от утробы матери моей, от ложесн, от сосцу матери моей Бог мой еси Ты! И как посетила меня благодать Твоя, когда я был еще во чреве матери моей, так не оставь меня и ныне, Господи! Отец мой и мати моя — придет время — оставят меня, а Ты восприими меня, соделай меня Своим, причти меня к избранному Твоему стаду! Тебе предоставлен я, бедный, от самых пелен, — избави же меня, Господи, от всякой нечистоты, от всякой скверны душевной и телесной; сподоби меня творити святыню во страхе Твоем, Господи! К Тебе единому пусть стремится сердце мое; да не усладят меня все сладости мира сего; да не прельстят меня все красоты житейские; к Тебе единому пусть прилепится душа моя, и да восприимет меня десница

Твоя... Не попусти мне когда-нибудь возрадоваться радостию мира сего, но исполни меня, Господи, радостию духовною и неизреченною сладостию Божественною; Дух Твой благий да наставит мя на землю праву!»

И невольно каждый, видевший такое доброе устроение Варфоломея, любовался им, невольно говорил про себя с удивлением: что-то выйдет из этого отрока, которого Бог сподобил такой благодати с раннего детства?

А отрок между тем становился юношей и, возрастая летами, возрастал и в благочестии. И само собою зарождалось в нем желание иноческого подвига, и с каждым днем все больше и больше росло и созревало это желание, пока наконец не обратилось в пламенную жажду души, которой томился некогда венценосный подвижник и пророк и взывал: *Возжада душа моя к Богу крепкому, живому: когда же наконец прииду и явлюся лицу Божию* (Пс. 41, 3).

Но не в Ростовской земле, не в Ростовском княжестве, которое тогда потеряло уже свое значение, суждено было исполниться этим заветным мечтам. Там, по выражению песни церковной, первые искры Божественного желания только начали возжигать сей великий светильник, но не там надлежало ему возгореться. Ему назначено было промыслом Божиим просиять в мрачной пустыне, среди дремучих лесов радонежских, чтоб оттуда светить светом своей жизни святой и своего благодатного учения только что возникавшей тогда из безвестности Москве, которая готовилась быть первопрестольного столицей всей русской земли, а с Москвою — светить и всему православному царству Русскому.

Посмотрим теперь, как перенесен был благодатный светильник сей из пределов Ростова Великого в пределы

незнатного Радонежа, — перенесен невидимою рукою промысла Божия, руководившего обыкновенными путями дел человеческих.

Глава III

ПОКОРНЫЙ ЮНОША

Здесь уместно сказать несколько слов о том, в каком состоянии находилась в описываемое нами время Русская земля, чтобы знать, при каких обстоятельствах жили родители Варфоломеевы и среди каких условий воспитывался сам Варфоломей. Раскроем на минуту скорбные страницы родной нашей истории, чтобы яснее видеть, какого великого мужа послал Бог многострадальному отечеству нашему в лице смиренного Своего избранника, пустынника радонежского, в столь трудные времена. На темной картине исторических событий его светлый образ выступает пред нами во всей своей неземной красоте.

Поистине трудные были тогда времена!.. Тяжким бременем лежало иго татарское на плечах русского народа. О том, чтобы сбросить с себя это ненавистное иго, никто не смел и подумать. Князья то и дело ходили в Орду, — то на поклон грозным тогда ханам монгольским, то судиться и тягаться между собой, и сколько благородной крови княжеской пролито в Золотой Орде по зависти и братоубийственной ненависти честолюбивых соперников! Наш историограф Карамзин справедливо замечает, что «древняя русская пословица: близь Царя — близь смерти — родилась тогда, как наше отечество носило цепи монголов. Князья ездили в

Орду как на страшный суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостью царской или по крайней мере с головою!» Нередко там они и душу свою полагали за веру православную, и за святую Русь. А потому, отправляясь в Орду, они обыкновенно писали духовные завещания, прощаясь навсегда со своею семьей. Народ страдал от своеволия грубых и гордых татарских численников и баскаков (чиновников), которые разъезжали по всем городам. Не было от них никому пощады, что хотели, то и делали: города и селения жгли и грабили, храмы Божий разоряли или оскверняли, а людей убивали или уводили в плен. Даже купцы, даже просто бродяги монгольские обходились с нашими предками как с презренными рабами. При таких неурядицах, при недостатке единой сильной власти был полный простор страстям негодных людей, которых и всегда бывает немало, а в такие тяжкие времена число их обыкновенно увеличивается. Иго татарское не прошло бесследно и в народной нравственности. «Забыв гордость народную, — говорит Карамзин, — мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, еще больше обманывали друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил: не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, им дома; воровство сделалось общею язвою собственности...»

Да, тяжело было Русской земле в те скорбные времена; трудно, невозможно было одолеть сильного врага и именно потому, что князья русские все больше ссорились между собой, — единства не было, по клочкам была разделена вся

обширная Русская земля. И если бы не сознали наконец необходимости этого единства — кто знает? — может быть, и совсем погибла бы Русь православная, подпав владычеству более опасных врагов, каковы были в то время: Литва, Польша, Венгрия и Швеция...

Но Бог не попустил случиться такой беде. Раньше всех поняли опасность наши первосвятители: они всегда твердили князьям, что единодушие между ними необходимо для спасения России от окончательной гибели; когда было можно, святители всегда являлись миротворцами в усобицах княжеских, действуя и словом убеждения, и силою духовной власти. А прозорливый святитель Петр положил прочную основу объединению Русской земли, переселившись навсегда из Владимира-на-Клязьме в незнатный тогда городок Москву, к умному и благочестивому князю Иоанну Даниловичу Калите. Этот князь стал настойчиво приводить в исполнение намеченную еще его отцом мысль объединения Русской

земли и присоединял одно за другим соседние княжества к Московскому. Святитель Петр незадолго пред кончиною своею ободрил князя предсказанием о будущем величии Москвы. «Если ты, сын мой, — говорил он в духе пророчества, — успокоишь мою старость и воздвигнешь здесь храм, достойный Богоматери, то будешь славнее всех иных князей и род твой возвеличится; кости мои останутся в сем граде; святители захотят обитать в оном; и руки его взыдут на плеща врагов наших». Иоанн исполнил завет старца-митрополита, и Бог благословил успехом его начинания на пользу отечества. Москва мало-помалу стала возвышаться над другими городами, а сам Иоанн заслужил славное имя собирателя Русской земли. Чрез сто лет с Москвою никто уже не дерзал спорить о первенстве: она объединила под собою всю тогдашнюю Русь, и это объединение не только спасло Россию от конечного разорения, но и помогло ей сбросить иго монгольское.

Но нелегко было удельным князьям расставаться с своею свободою. Московский князь действовал властно, иногда ничем не стесняясь, ни пред чем не останавливаясь. Даже в тех случаях, когда присоединение соседних уделов совершалось мирным путем, посредством, например, родственных союзов с великим князем московским, и тогда Иоанн Данилович не задумывался распоряжаться удельными, как ему хотелось. Так он выдал своих дочерей — одну за Василия Даниловича Ярославского, а другую — за Константина Васильевича Ростовского, — и, действуя как глава России, предписывал своим зятьям законы в их собственных областях. «Горько тогда стало городу Ростову, — со скорбью повествует летописец, — и особенно князьям его! У них отнята была всякая власть и имение, вся же честь их и слава потягнули к Москве». Послан был на Ростов в сане воеводы

московский вельможа Василий, прозванием Кочева, и с ним другой, по имени Мина; по прибытии в Ростов они стали действовать полновластно, притесняя жителей, так что многие ростовцы принуждены были отдавать москвичам свои имущества поневоле, за что получали только оскорбления и побои и доходили до крайней нищеты. Трудно и пересказать все, что потерпели они: дерзость московских воевод дошла до того, что они повесили вниз головою ростовского градоначальника престарелого боярина Аверкия, поставленного еще князем Василием Константиновичем, и в таком виде оставили его на поругание... Так поступали они не только в Ростове, но и по всем волостям и селам его. Народ роптал, волновался и жаловался на эти своеволия; все говорили, что слава Ростова исчезла, что князья его лишились своей власти, что Москва тиранствует... Не избежали, конечно, этих народных скорбей и праведные родители Варфоломеевы. Славный и именитый некогда боярин Кирилл, еще ранее описанных нами событий в Ростове, под старость стал терпеть нужду. Частые путешествия в Орду с своим князем, тяжкие дани и непосильные подарки ордынским вельможам, без чего никогда не обходились эти путешествия, — жестокий голод, нередко опустошавший Ростовскую область, а больше всего, говорит преподобный Епифаний, великая рать или нашествие Туралыково в 1327 году — все это вместе отозвалось крайне неблагоприятно на его состоянии и почти довело его до нищеты. Очень вероятно также, что своеволие московских наместников, которые распоряжались в Ростове как независимые государи, не пощадило и Кирилла, как ближнего боярина князей ростовских: может быть, и он лишился тогда не только чести своей, но и всего своего достояния. Тяжело было Кириллу после всего, что испытал он в Ростове, оставаться там, а может быть, и прямо приказано было от наместников

московских удалиться из Ростова, и потому он решил, лишь только откроется возможность, покинуть родной город и перейти на службу к другому князю.

Случай скоро представился. В двенадцати верстах от Троицкой лавры, по направлению к Москве, есть село Городище, или Городок, которое в древности носило имя Радонежа. В 1328 году, отправляясь в Орду, великий князь Иоанн Данилович написал духовное завещание, в коем, между прочим, назначил «село Радонежское» в удел великой княгине Елене «с малыми детьми» нераздельно. Вскоре после того село это перешло в полную собственность младшего сына Иоаннова Андрея. Великий князь, по малолетству Андрея, поставил в Радонеже наместником Терентия Ртища, который, желая привлечь большее число поселенцев в этот почти не заселенный тогда край, объявил именем князя разные льготы переселенцам. Лишь только это стало известно в Ростове, многие из его жителей, в надежде найти себе облегчение, потянулись в Радонеж. В числе таких переселенцев Епифаний называет Протасия тысяцкого, Георгия, сына Протопопова с родом его, Иоанна и Феодора Тормасовых, их родственников Дюденя и Онисима, бывшего ростовского вельможу, а впоследствии диакона и ученика Сергиева. В числе их переселился и блаженный Кирилл со всем своим семейством и водворился в Радонеже близ церкви Рождества Христова. По обычаю того времени Кирилл должен был получить поместье, но сам он по старости уже не мог нести службы, и потому обязанность эту принял на себя старший сын его Стефан, который, вероятно, еще в Ростове, женился. Младший из сыновей Кирилла — Петр также избрал супружескую жизнь; но Варфоломей и в Радонеже продолжал свои подвиги. Размышляя о суете всего земного, блаженный юноша нередко повторял сам себе слово пророческое: *Кая польза в крови моей, внегда сходити ми во*

истление (Пс. 29, 10). Правда, мир и все, что в мире, создано Богом для блага людей; но все это человеческими страстями, насилиями, неправдами до того извращено, что жизнь человеческая не представляет почти ничего, кроме труда и болезней, и для желающего в кротости духа устроять свое спасение со всех сторон встречаются препятствия и соблазны». Рассуждая таким образом, Варфоломей стал просить у своих родителей благословения избрать путь иноческой жизни. Не раз он говорил отцу:

- Отпусти меня, батюшка, с благословением, и я пойду в монастырь.

- Помедли, чадо, — отвечал ему на это отец, — сам видишь: мы стали стары и немощны; послужить нам некому: у братьев твоих немало заботы о своих семьях. Мы радуемся, что ты печешься, како угодити Господу Богу; это дело хорошее, но верь, сын мой: твоя благая часть не отнимется у тебя, только послужи нам немного, пока Бог явит милость Свою над нами и возьмет нас отсюда; вот проводи нас в могилу, тогда уже никто не возбранит тебе исполнить свое заветное желание.

И благодатный сын повиновался; он прилагал все свое старание угодить святым родителям и упокоить их старость, чтобы заслужить себе их благословение и молитвы. Не связанный семейными заботами, он всего себя посвятил упокоению родителей, а по своему кроткому, любящему характеру был как нельзя более способен к этому.

Какой прекрасный, поучительный пример и благоразумия родительского, и послушания сыновнего! Кирилл и Мария не усиливаются погасить возгорающееся в сыне своем Божественное желание, не принуждают его связать себя с суетою мира узами брачными, как делают многие родители

века сего: они только указывают ему на свои нужды и немощи, а втайне, вероятно, более имеют в виду его молодость и дают ему случай еще испытать самого себя и укрепиться в святом намерении, дабы он, возложив руку на рало, уже не озирался вспять. Но и Варфоломей не следует примеру своевольных детей века сего, из коих многие, даже в обыкновенных мирских делах, не хотят покорить воли своей воле родителей и ни во что ставят их нужды и желания; нет, благоразумный юноша знает достоинство того, чего желает; однако же, взирая на заповедь Божию: *чти отца и матерь* (Мф. 15, 4), соглашается до времени томить себя неисполненным желанием, дабы сохранить повиновение родителям и чрез то наследовать их благословение: так дорожил он этим благословением! И родители, конечно, от всего любящего сердца благословляли послушного сына святыми своими благословениями до последнего своего воздыхания!

Но дух иночества нечувствительно сообщился от сына родителям: при конце своей многоскорбной жизни Кирилл и Мария пожелали и сами, по благочестивому обычаю древности, воспринять на себя ангельский образ. Верстах в трех от Радонежа был Покровский Хотьков монастырь, который состоял из двух отделений: одного — для старцев, другого — для стариц; в этот монастырь и направили свои стопы праведные родители Варфоломеевы, чтобы здесь провести остаток дней своих в подвиге покаяния и приготовления к другой жизни. Почти в то же время произошла важная перемена и в жизни старшего брата Варфоломеева — Стефана: недолго жил он в супружестве; жена его Анна умерла, оставив ему двух сыновей — Климента и Иоанна. Похоронив супругу в Хотьковом монастыре, Стефан не пожелал уже возвратиться в мир; поручив детей своих,

вероятно, Петру, он тут же, в Хотькове, и остался, чтобы принять монашество, вместе с тем послужить и своим немощным родителям. Впрочем, претружденные старостию и скорбями, схимники-бояре не долго потрудились в своем новом звании: не позже 1339 года они с миром уже отошли ко Господу на вечный покой. Дети почтили их слезами сыновней любви и похоронили под сению той же Покровской обители, которая с сего времени сделалась последним приютом и усыпальницею рода Сергиева.

После удаления старшего брата в монастырь Варфоломей остался полным хозяином в доме родителей. Кончину их он принял как поданный Провидением Божиим знак к исполнению своего заветного намерения. Отдавая им последний долг сыновней любви, он неотлучно провел в Хотькове монастыре сорок дней, пока совершалось установленное Церковию поминовение новопреставленных; свою молитву о упокоении душ их он соединял с делами милосердия: каждый день кормил нищих и раздавал бедным остатки небогатого имущества почивших. В духовной радости возвратился он наконец в Радонеж: теперь никто и ничто не могло удержать его в мире, среди столь несносной для души его суеты... С наслаждением повторял он изречения Священного Писания, которые так подходили теперь к его устроению душевному: изыдите от среды их и отлучитеся, и ничему, сущему в мире, *не прикасайтеся* (2 Кор. 6, 17); отступите от земли и взыдите на небо. *Прильпе душа моя по Тебе,* Господи, *мене же прият десница Твоя* (Пс. 62, 9)?

Вот какими чертами изображает состояние души Варфоломеевой в это время святитель Платон: «Читал Варфоломей во святом Евангелии: *Приидите ко Мне еси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), — читал он и размышлял: что может быть желательнее сего? Я, я

— из числа сих труждающихся, я — из числа обремененных... Чувствую в себе силу страстей; совесть моя трепещет суда Божия... Сосуд избранный, апостол Павел, говорит о себе, что он — первый из грешников. А мне что иное о себе сказать? И внешние обстоятельства своею прискорбностью гонят меня в пустыню... Отовсюду я утружден и обременен; но вот Господь глаголет в Евангелии: прииди ко Мне, и Аз упокою тя. Можно ли пренебрегать тем, чего всеми силами искать надобно? Сам Господь ищет меня и сретает с Своим вожделенным покоем. И как же я был бы неразумен, если бы вздумал отказаться от сего неоцененного сокровища! Нет, пойду, побегу за гласом сим: Он солгать не может. Сердце мое Он зажег, не могу успокоиться, пока обещанного Им покоя не найду! *Се, удалихся бегая и водворился в пустыни... чаях Бога спасающего мя от малодушия и от бури»* (Пс. 54, 8—9).

Обращал Варфоломей в благоговейном сердце своем и другое слово Господа: *аще кто грядет ко Мне, и не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик* (Лк. 14, 26. 33). Желая последовать сему слову спасительному, он передал своему меньшему брату Петру все, что осталось после родителей. Так сделан был решительный шаг, и святой юноша, на двадцать первом году своей жизни, бодро вступил на новый путь, полный скорбей и лишений, и, подклонив свою главу под благое иго креста Христова, устремился к вожделенным для него подвигам духовным, как жаждущий олень стремится к живительным источникам водным...

«Он оставил мир, — говорит святитель Филарет Московский, — когда мир еще не знал его; и впоследствии не восхотел стать даже в такое состояние, которое хотя и в мире, но не от мира и не для мира (разумеем сан святительский); самое послушание, столь свято хранимое Сергием во всех

других случаях, не могло привести его к тому, чтобы расстаться с сладкою пустынею или хотя бы только принять от руки святителя священное украшение, как благословение архипастырское, потому, что сие украшение (крест) было сделано из золота...»

Глава IV

БРАТЬЯ В ПУСТЫНЕ

Расстался Варфоломей с Радонежем и пошел в Хотьков, который теперь был для него роднее Радонежа. Можно ли изъяснить то блаженное состояние, в каком находилась тогда его чистая душа, вся объятая пламенем Божественной любви? Опытные в духовной жизни подвижники говорят, что в начале подвига душа обыкновенно горит неизъяснимою жаждою подвига; все кажется возможным, всякий труд — легким, всякое лишение — ничтожным. Благодать Божия, как нежная, любящая мать, дает новоначальному подвижнику вкусить тех благ неизреченных, которые ожидают его по совершении подвига, — дает без всякой с его стороны заслуги, для того, чтобы он знал, что получит по очищении своего сердца от страстей, и потому не ослабевал в борьбе с врагами спасения. И блажен, кто не был рабом своих страстей, кто сохранил непорочность детства в юности и от юности взял крест свой, чтоб идти за Господом! Тогда как другие подвижники всю жизнь свою проводят в тяжкой борьбе с своими страстями, и благодать Божия действует в них сокровенно, лишь изредка утешая их сладостным ощущением своего присутствия и снова скрываясь, дабы они не впали в высокое о себе мнение, — сей избранник благодати, за свою детскую простоту, за чистоту

своего сердца, незнакомого с грязью порока, скоро сподобляется благодатного покоя бесстрастия. К таковым, по преимуществу, можно отнести слово Лествичника: «Изшедший от мира по любви к Богу в самом начале приобретает огнь, который, быв ввержен в вещество (страстей), вскоре возжжет сильный пожар» и истребит страсти. К числу таких избранников благодати принадлежал и Варфоломей. Давно горел в душе его этот благодатный огонь, а теперь он проник все его духовное существо. Его мысль уже витала в дебрях пустынных...

В Хотькове, как уже знают читатели, смиренно подвизался, вблизи трех дорогих могил, старший брат Варфоломея — Стефан. К нему-то и спешил блаженный юноша. Скромный, с детства привыкший подчинять свою волю воле старших, он и теперь боялся положиться на себя и надеялся иметь в брате-иноке верного спутника и опытного руководителя на новом многотрудном жизненном пути. Оставаться в Хотькове у него не было намерения — его душа жаждала безмолвия пустыни: чем больше представляла труда одинокая жизнь пустынника, чем больше было в ней лишений, тем для него казалось лучше.

И вот Варфоломей в Хотьковской обители. Он упрашивает брата идти с ним искать места для пустынножительства. Стефан не вдруг решается на такой подвиг. Недавний мирянин, поступивший в монастырь не столько по влечению чистой любви к Богу, сколько потому, что его сердце, разбитое семейным горем, искало врачевания в тишине святой обители, он не думал принимать на себя подвига выше меры своей и желал проходить обычный путь жизни монашеской в стенах монастырских. Но Варфоломей просит, умоляет, и добросердечный Стефан уступает наконец неотступным просьбам любимого младшего брата и —

«принужен быв словесы блаженного» — соглашается. Братья оставляют гостеприимную обитель и идут в самую глушь соседних лесов...

В те времена каждый, желавший уединенной жизни, мог один или с товарищем свободно идти в лес, на любом месте строить себе хижину или копать пещеру и селиться тут. Земли было много свободной, не принадлежавшей частным владельцам. Когда собиралось около пустынников несколько человек, то строили церковь, испрашивали у князя право на владение местом, а у местного святителя — разрешение освятить церковь, и обитель основывалась. Но Варфоломей не думал строить обитель, не желал собирать около себя братию, — у него было одно заветное желание: укрыться навсегда от мира в глубине непроходимой чащи лесной, укрыться так, чтоб мир никогда не нашел его и совсем позабыл отшельника.

Долго ходили братья по окрестным лесам; наконец им полюбилось одно место, удаленное не только от жилищ, но и от путей человеческих. Это место было Самим Богом предназначено к устроению обители: над ним и прежде видали достойные люди — одни свет, другие огонь, а иные ощущали благоухание. Оно находилось верстах в десяти от Хотькова и представляло небольшую площадь, которая возвышалась над соседнею местностью в виде маковки, почему и названа Маковцом, или Маковицею. Глубокая дебрь с трех сторон окружала эту Маковицу; густой лес, до которого еще никогда не касалась рука человеческая, одевал ее со всех сторон сплошною чащей, высоко поднимая к небу свои тихо шумящие вершины... В окружающих эту возвышенность дебрях можно было найти немного и воды, хотя ходить за нею было и неблизко. «Любуясь первобытною красотою местности, — говорит святитель Платон, — Варфоломей

представлял себе в мысли земной рай, в котором жили праотцы рода человеческого в невинном состоянии, до грехопадения». Мы не можем представить себе того восторга, который наполнял тогда душу и сердце молодого отшельника! Наконец-то сбываются его заветные желания, его задушевные мечты; вот она, давно желанная пустыня, вот он — дремучий лес!.. Мир со всею его суетой, с его житейскими треволнениями остался там, где-то далеко позади Варфоломея; отшельник более не вернется туда, — здесь он найдет свой покой, здесь поселится навсегда, будет беседовать с единым Богом, разделяя труды с своим родным не по плоти только, но и по духу братом!..

Горячо помолились братья на избранном месте пустынного жития; предавая самих себя в руки Божий, они призывали Божие благословение и на самое место своих будущих подвигов. Потом стали рубить лес; с великим трудом переносили они тяжелые бревна на своих, хотя и привычных к труду, но все же боярских плечах; мало-помалу редела чаща лесная, открывая место, на котором впоследствии суждено было Богом процвести славной лавре Сергиевой. Отшельники устроили себе сначала шалаш из древесных ветвей, а потом убогую келлийку; наконец подле келлии поставили и малую церквицу. Все это было сделано руками самих братьев-трудников; они не хотели приглашать посторонних людей, потому что телесный труд был необходимым условием самой жизни подвижнической.

Когда церковь была готова к освящению, Варфоломей сказал Стефану:

— По плоти ты мне старший брат, а по духу — вместо отца; итак, скажи не: во имя какого святого следует освятить нашу церковь? Какой будет ее престольный праздник?

— Зачем спрашиваешь меня о том, что сам лучше меня знаешь? — отвечал ему старший брат. — Ты, конечно, по мнишь, как не раз покойные родители наши при мне говорили тебе: «Блюди себя, чадо: ты уже не наше, а Божие; Господь Сам избрал тебя прежде твоего рождения и дал о тебе доброе знамение, когда трижды возгласил ты во чреве матери, во время литургии». И пресвитер, тебя крестивший, и чудный старец, нас посетивший, говорили тогда, что это трикратное проглашение твое предзнаменовало, что ты будешь учеником Пресвятой Троицы; и так пусть церковь наша будет посвящена Пресвятому имени Живоначальной Троицы; это будет не наше смышление, а Божие изволение: пусть же благословляется здесь имя Господне отныне и вовеки!»

Вздохнул из глубины сердца юный подвижник и сказал брату:

— Ты высказал, господин мой, то самое, что давно было у меня на душе, чего я всем сердцем желал, но не дерзал высказать. Любезно мне слово твое: пусть эта церковь будет освящена во Имя Пресвятой Троицы. Ради послушания я вопрошал тебя; не хотелось мне иметь в сем волю свою, и вот Господь не лишил меня желания сердца моего!

«В сем рассуждении Варфоломея, — замечает один его жизнеописатель, — открылось его глубокое духовное про-свещение: самым наименованием храма он проповедовал всем главнейшую истину христианства — о Триипостасном Божестве».

«Его ум, — говорит святитель Филарет, — устремился тогда к высочайшему христианскому догмату, дабы привлечь за собою умы даже младенцев веры. Посвятив храм сей имени Пресвятой Троицы, он сделал то, что здесь, в его

обители, по самому напоминанию имени храма каждый поклонник богословствует, исповедует и славит Живоначальную Троицу и, богословствуя, приносит свою молитву».

Затем оба брата пошли в Москву, чтобы испросить благословение всероссийского митрополита Феогноста на освящение церкви. Святитель милостиво принял просителей и послал с ними священнослужителей, которые взяли с собою святый антиминс с мощами святых мучеников и все потребное для освящения храма. Церковь, по желанию братьев, была освящена во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы. Так скромно, по пустынному смиренно было положено основание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, столько прославленной впоследствии именем преподобного Сергия! «Справедливо сия церковь, — замечает при сем блаженный Епифаний, — наречена во Имя Святой Троицы: она основана благодатию Бога Отца, милостию Сына Божия и поспешением Святого Духа».

Это произошло в 1340 году, уже при великом князе Симеоне Иоанновиче Гордом.

«Какою несказанною радостию радовался юный подвижник наш, когда увидел освященным дом Божий! — говорит святитель Платон. — Теперь оставалось ему и самого себя всецело уготовить в жилище Духа Святого». И он действительно с еще большею ревностию стал подвизаться в посте и молитве, в трудах и терпении. Мира как бы вовсе не было для юного отшельника: он умер для мира, и мир умер для него навсегда.

Не то было со старшим братом. Суровою, неприветливой показалась ему дикая пустыня. Он видел здесь одни труды и лишения. Никаких удобств для безбедного существования тут

не было. Никто не заходил к отшельникам; трудно было достать самое необходимое; на далекое расстояние не было не только сел или дворов, но и пути людского; кругом их убогой келлии и церквицы — непроходимая чаща лесная, с негостеприимными обитателями — дикими зверями...

Не выдержал Стефан этих скорбей пустынных; он вовсе не был подготовлен к ним предшествующею жизнию; утешаясь семейною жизнию, он, вероятно, не думал не только о пустынных подвигах, но и о монашестве; тяжкое горе — смерть молодой супруги — побудило его удалиться в обитель, как тихую пристань на море житейском: там, быть может, он и окончил бы дни свои, если бы не Варфоломей... Только усердные просьбы любимого брата вызвали его оттуда; и вот лишь только он встретился со всей суровой обстановкой отшельнической жизни, как мужество изменило ему, его стала томить тоска нестерпимая, им овладел дух уныния.... Напрасно Варфоломей утешал малодушного, уговаривал, упрашивал вооружиться терпением против этого искушения: хотя не без скорби, Стефан оставил одиноким пустыннолюбного брата и ушел в Москву. Здесь устроил он себе келлию в Богоявленском монастыре и стал подвизаться по мере своих сил. По свидетельству блаженного Епифания, который лично знал Стефана, он любил иноческое житие, много трудился и вел строгую жизнь. Ходил он обыкновенно в убогой одежде. В то время в Богоявленском монастыре подвизался еще простым иноком будущий святитель всероссийский Алексий. Они духовно полюбили друг друга, рядом всегда стояли в церкви и вместе певали на клиросе. Наставником и руководителем их был старец Геронтий, опытный в жизни духовной. Митрополит Феогност любил Стефана, Геронтия и Алексия и по временам приглашал их к себе для духовных бесед. Сын Калиты, великий князь Симеон

Иоаннович, также отличал своим вниманием и Стефана и Алексия. По его желанию митрополит Феогност рукоположил Стефана во пресвитера и назначил игуменом Богоявленского монастыря. Великий князь избрал Стефана в свои духовники. Примеру князя последовали тысяцкий столицы Василий, брат его Феодор и другие знатные бояре. Позднее мы опять встретимся с Стефаном в пустыне Радонежской, хотя уже при других обстоятельствах. Обращаемся к юному Варфоломею.

Хотя и оставил его единоутробный, но на сей раз не единодушный брат, он остался тверд и непоколебим в своем намерении. «Два родные брата, — замечает блаженный Епифаний, — а между тем какая разность в произволении! Оба совещались жить в пустынном уединении, но один из пустыни ушел в городской монастырь, а другой и самую пустыню обратил в город. Что казалось Стефану тяжким и нестерпимым, то было легко и приятно для Варфоломея, которого душа с детства пылала Божественным огнем. И Господь хранил его Своею благодатию среди пустыни, ограждал его Своими Ангелами на всех его путях, и как сердцеведец, видевший его сердечные расположения, уготовлял в нем начальника многочисленной братии и отца многих обителей».

Глава V

ЮНЫЙ ПОСТРИЖЕННИК

«Все поступки Варфоломея, в течение всей его жизни, — говорит святитель Платон, — показывали, что он был муж высокого разума и рассуждения духовного». Рассуждение — дар бесценный, и святые отцы почитают его выше всех добродетелей. По словам преподобного Иоанна Лествичника, «рассуждение в том состоит и познается, чтобы точно и верно постигать Божественную волю во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи. Оно находится в одних только чистых сердцем, телом и устами». «Оно рождается от послушания и смирения», после великого подвига в совершенном отсечении своей воли и разума. Тем более достойно удивления, что Варфоломей сподобился сего дара от юности: так чисто было сердце его, так была смиренна и проста его прекрасная душа!

«Рассуждение в новоначальных есть истинное познание своего устроения душевного», — говорит Лествичник. В испытании самого себя обнаружилось это духовное дарование и в юном Варфоломее. Как ни горячо желал он облечься в ангельский образ, однако не спешил исполнением своего сердечного желания. Он почитал неосновательным

делом связать себя обетами монашества, прежде нежели приучить себя к строгому исполнению всех уставов монашеской жизни, ко всем трудам и подвигам не телесного только, но и внутреннего, духовного делания. Только тогда, когда он достаточно испытал себя во всем этом, — он стал усердно просить Господа, чтобы удостоил его столь давно желанного ангельского образа.

В одной из обителей близ Радонежа, быть может в том же Хотькове монастыре, жил смиренный старец-игумен по имени Митрофан. Неизвестно, когда Варфоломей с ним духовно сблизился; может быть, это произошло еще раньше удаления его в пустыню; может быть даже, что Митрофан изредка посещал Варфоломея в его пустынном уединении и служил для него Божественную литургию в его церквице, — блаженный списатель жития его ничего не говорит об этом. Он говорит только, что подвижник попросил Митрофана прийти к нему в пустыню и несказанно обрадован был его посещением. Он встретил игумена как дорогого гостя, Самим Богом посланного, и усердно просил его пожить с ним сколько-нибудь в его келлии. Добрый старец охотно согласился на это, а Варфоломей, взирая с благоговением на добродетельную жизнь его, прилепился к нему всей душой, как к родному отцу.

Спустя некоторое время блаженный юноша во смирении склонил главу пред старцем и стал просить его о пострижении. «Отче, — так говорил Варфоломей, — сотвори любовь ради Господа; облеки меня в чин иноческий; возлюбил я сей чин от юности моей и с давнего времени желаю пострижения. Только воля родителей моих долго меня от этого удерживала, но теперь, слава Богу, я от всего свободен и, как олень, жаждущий источников водных, всею душою жажду иноческого пустынного жития».

Не стал противоречить старец-игумен его благочестивому желанию; он пошел немедленно в свой монастырь, взял там нескольких из братии и все, что нужно было для пострижения, и возвратился к отшельнику. 7 октября 1342 года в убогой церквице пустынника совершилось пострижение двадцатитрехлетнего юноши. В сей день святая Церковь празднует память святых мучеников Сергия и Вакха: по обычаю того времени Варфоломею и было дано имя *Сергий.*

Окончив обряд пострижения, Митрофан совершил Божественную литургию и приобщил нового инока Святых Христовых Тайн. И исполнился благодати Святого Духа новопостриженный, и повеяло в церкви неизреченным благоуханием, и распространилось это дивное благоухание даже за стенами храма пустынного... Так рассказывали о сем впоследствии сами свидетели этого чуда, прославляя Бога, прославляющего угодников Своих.

«И был Сергий первый постриженник своей уединенной обители, первый начинанием и последний мудрованием, первый по счету и последний по тем смиренным трудам, которые сам на себя возлагал; можно даже сказать, что он был и первый и в то же время — последний, потому что, хотя и многие после него в той же самой церкви принимали пострижение, но ни один не достиг меры его духовного возраста. Многие так же начинали подвиг, но далеко не все так и оканчивали; много было у Сергия учеников, много подвизалось и после него в его обители добрых иноков, но никто не мог сравниться с ним: для всех и навсегда он остался образцом совершенства иноческого! С пострижением он не только отлагал власы главы своей, но с отнятием власов отсекал навсегда и всякое свое хотение; совлекаясь мирских одежд, он в то же время совлекался и ветхого человека, чтобы

облечься в нового, ходящего в правде и преподобии истины; препоясывая чресла свои, он уготовлял себя к мужественному подвигу духовному; отрекаясь от всего, что в мире, он, как бы обновляемый юностию орлею, возлетал на высоту созерцаний духовных...»

Так рассуждает о своем великом учителе его достойный ученик преподобный Епифаний; а кто лучше и ближе его мог оценить подвиги его возлюбленного аввы?

Семь дней провел новопостриженный Сергий неисходно в своей церквице; каждый день старец-игумен совершал Божественную литургию и приобщал его Святых Христовых Тайн, и во все эти семь дней Сергий ничего не вкушал, кроме просфоры, даваемой ему от постригавшего. Чтобы сохранить бодрым и неразвлеченным ум свой, Сергий уклонялся от всякого поделия; с его уст не сходили псалмы и песни духовные; утешая ими себя, он славословил Бога и взывал к Нему из глубины сердца благодарного: *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея* (Пс. 25, 8). *Дому Твоему подобает святыня... в долготу дний* (Пс. 92, 5). *Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончавается душа моя во дворы Господни: сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозе живе. Ибо птица — душа моя — обрете себе храмину, и горлица гнездо себе, идеже положить птенцы своя... Блажени живущий в дому Твоем: в веки веков восхвалят Тя* (83, 2. 4. 5). *Яко лучше день един во дворех Твоих паче тысящ: изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениих грешничих* (ст. 11). Так ликовала тогда душа Сергиева и горела Божественным огнем!

Мир не знает и не может знать тех благодатных утешений, какие ниспосылаются от Бога трудникам спасения. Мир видит только жестокость и тесноту пути

иноческого и, не желая расстаться с своим широким путем, отвращается подвига монашеского, называя его бесполезным, неразумным, даже преступным самоистязанием... Не будем говорить ему о том, что ему неудобопонятно: слепому бесполезно говорить о красоте цветов; но пусть бы мир внимательнее присмотрелся хотя только к плодам подвигов иноческих, и тогда бы он познал их великую силу в жизни нравственной и не стал бы называть их бесполезным упражнением... «О вы, — так взывал некогда Московский святитель Платон, — о вы, коих мысль помрачена и сердце расслаблено! Придите и посмотрите на угодника Божия преподобного Сергия! Что ж? Разве напрасно он столько в подвиге добродетели трудов употреблял? Разве тщетны были те слезы, тот пот, которые он проливал и ими напоевал насажденное в душе своей Божественное семя? О нет! Вот сколько веков прошло, а имя его так же любезно в устах наших, память его благословенна, и следы жизни его святой достопочтенны...» Почему? Потому, что при содействии благодати Божией его подвиги преобразили всю нравственную природу его, и возвратили ему первобытную чистоту и невинность, вечное блаженство и высокое Богоподобное достоинство, — все то, что потеряно было первым Адамом и куплено для всех нас бесценною кровью второго Адама, Господа Иисуса!

Семь дней протекли как один день; настало время Сергию расстаться с старцем-игуменом.

— Вот, отче, — с тихою грустью сказал тогда юный инок своему отцу евангельскому, — ты уже уходишь и оставляешь меня одиноким в этой безлюдной пустыне... Давно я желал уединиться и всегда просил о том Господа, вспоминая слова Пророка: се удалихся бегая, и водворихся в пустыни... И благословен Бог, не оставивший без исполнения молитвы моей;

благодарю Его благость, что не лишил меня этой милости: жить в пустыне и безмолвствовать... Ты уходишь отсюда, отче: благослови же меня, смиренного, и помолись о моем уединении... Вразуми меня: как мне жить теперь в одиночестве, как Господу Богу молиться, как избегать вреда душевного, как противиться врагу и помыслам гордыни, от него всеваемым?.. Ведь я еще новоначальный инок, я должен во всем просить совета у тебя!

Подивился старец смиренномудрию своего новопостриженника:

— Меня ли, грешного, вопрошаешь о том, что сам не хуже меня знаешь, о честная глава! — сказал Митрофан. — Ты уже приучил себя ко всякому подвигу; мне остается только пожелать, чтобы Господь Сам вразумил тебя и привел в совершенную меру возраста духовного.

Старец побеседовал с ним еще немного о разных случаях в жизни духовной и собрался в путь. Сергий припал к стопам его и еще раз, на прощанье, просил благословить его и помолиться за него.

Молись, молись, отче, — говорил он, — чтобы Господь послал мне силы противустать брани плотской и искушениям бесовским, чтоб сохранил Он меня и от лютых зверей среди моих пустынных трудов...

Благословен Бог, — сказал ему старец, и — крепкая вера слышалась в его речах. — Он не попускает нам искушений выше сил наших; апостол говорит за всех нас: вся могу о укрепляющем мя Господе Иисусе. Отходя отсюда, я предаю тебя в руки Божий; Бог будет тебе прибежище и сила. Он поможет тебе устоять против козней вражеских. Господь любит

тех, кто благоугождает Ему, Он сохранит и твое вхождение отныне и до века.

В заключение своей беседы Митрофан сказал Сергию, что на месте его пустынножительства распространит Господь обитель великую и именитую, из которой пронесется слава имени Божия далеко во все стороны. Потом он сотворил краткую молитву, благословил своего постриженника и удалился. И остался Сергий один, в своей излюбленной пустыне, остался без предшественника и сподвижника, без наставника и без помощника, с единым Богом вездесущим и никогда не оставляющим тех, которые для Него все оставили... Чиста и светла была его добрая душа, проста и открыта благодати Божией, и Бог, тайными внушениями Своей благодати, Сам руководил молодого подвижника в его борьбе с искушениями, которые, по плану Божественного домостроительства нашего спасения, неизбежны и для самых чистых душ... И поистине Сергий явился мужем Богомудрым, как именует его святая Церковь: проходя путем древних святых отцов-пустынников — первоначальников жития монашеского, он подобно им был умудряем не столько от людей, сколько от Бога Самого, и, обогатившись сим небесным сокровищем мудрости Божественной, умудрял потом и других во спасение.

Глава VI

НАЕДИНЕ С БОГОМ

Прости нас, преподобие отче Сергее, если мы дерзнем теперь мысленно войти в твою пустынную, убогую келлию, чтобы грешным умом своим проникнуть в сокровенное святилище души твоей и утешить себя созерцанием незримых миру твоих подвигов!.. Ведаем, преблаженне и Богомудре, что недостойны мы сего дивного созерцания, что мало способны к тому и наши сердечные очи, страстями омраченные; но, взирая на твою христоподражательную любовь, уповаем, что ты, благоволивший в назидание присных учеников твоих поведать им многое от того, чему был один Бог-Сердцеведец свидетелем в пустынном житии твоем, — ты, любвеобильный отче, не изгонишь и нас, желающих собрать некие крупицы сего брашна духовного, оставшиеся от трапезы учеников твоих, во утоление наших алчущих душ!..

«Вот он, — скажем словами приснопамятного святителя Платона, — вот он, подвижник наш, в сладком своем уединении, в убогой, но спокойной келлии, очи свои возводит всегда к Живущему на небесах, — очи, исполненные слезами покаяния... Мысль его беседует с Богом; язык прославляет Владыку всех; его сердце — жилище всякой добродетели, а потому и Духа Святого; руки же его служат его требованиям телесным... Он далек от всякой суеты и от соблазнов мира,

работает. Господу *со страхом... и... трепетом* (Пс. 2, 11), работает в приятном уединении, в сладкой тишине, имея всегда ничем несмущаемые мысли, не обремененный заботами рассудок и спокойный дух... О дражайшее и любезное состояние!..»

Но прежде нежели Сергий достиг сего блаженного состояния, прежде чем вкусил он сладость пустыни — сколько браней должен был претерпеть он, сколько борьбы вынести! «Кто может поведать, — говорит его блаженный ученик Епифаний, — кто может поведать все уединенные подвиги сей твердой души, неусыпно соблюдавшей все требования устава подвижнического? Кто изочтет его теплые слезы и воздыхания к Богу, его стенания молитвенные и плач сердечный, его бдения и ночи бессонные, продолжительные стояния и повержение себя на земле пред Господом? Кто сочтет его коленопреклонения и земные поклоны, кто расскажет о его алкании и жажде, о скудости и недостатках во всем, об искушениях от врага и страхованиях пустынных?..»

Силен Бог и всегда готов на помощь призывающим Его: «Но испытавшие знают, — говорит святитель Филарет, митрополит Московский, — каким трудностям подвержена иноческая жизнь в совершенном уединении»: эти трудности столь велики, что не испытавшие их с трудом верят повествованию о них, а иногда и вовсе не верят, потому что в таком повествовании пред ними открывается совершенно иной мир, миру грешному вовсе неведомый...

Чтобы легче представить себе всю тяжесть отшельнического подвига преподобного Сергия, наметим здесь кратко, в общих чертах, трудности этого подвига, как

изображают их люди, опытом прошедшие сим тесным и многоскорбным путем.

Радостно вступает в свой подвиг отшельник пустынный: никто не понуждал его к тому, горячая ревность к подвижничеству увлекала его в пустыню. Все скорби и лишения — для него вожделенны; его молитва изливается в слезах; он весь горит пламенным желанием Божественным... Так бывает в начале подвига; но вот первый восторг проходит; дни, когда сердце полно горячей ревности и умиления, при которых так легки подвиги самоумерщвления, сменяются днями сухости душевной, тоски невыносимой: мысли не покоряются разуму и бродят повсюду, молитва не действует в сердце; сердце ноет; душа рвется бежать из-под креста и становится холодна ко всему духовному... А тут еще голод и жажда, холод, опасение за жизнь со стороны диких животных, или от скудости и беспомощности, и общее расслабление души и тела... Даже невинное, по-видимому, отдохновение и естественный сон — и те становятся врагами подвижника, с которыми он должен сражаться!.. А мир между тем манит его к себе воспоминаниями прошлого: ведь там ему так тепло и уютно жилось, ни в чем он такой, как теперь, нужды не терпел; ведь и там можно спастись: зачем же этот подвиг выше сил? зачем эта страшная пустыня со всеми ее лишениями?.. Идти бы в обитель какую-нибудь, где добрые братия разделяли бы с ним скорби его, помогали бы ему в борьбе со врагами и добрым советом и братскою молитвой...

Так мир и плоть пристают к отшельнику с своими требованиями, — не говорим уже о грешных движениях сердца, когда, точно буря, поднимаются страстные порывы и гонят пустынника в мир, сожигая его внутренним пламенем... И если бы не благодать Божия, по временам утешающая

подвижника своими прикосновениями к его страждущему сердцу, если бы не сила Христова, в немощи совершающаяся, то никто из пустынников не устоял бы и этой тяжкой, непосильной для человека борьбе! Но и это еще не все трудности пустынного жития. Уже и в то время, когда благодатные утешения изливаются в душу отшельника, в его сердце стремятся проникнуть помыслы услаждения подвигами, помыслы гордости, доводящей иногда неосторожных подвижников до грубого падения, или до помрачения ума. Таким образом, для ревнителя жизни духовной, по мере преспеяния в ней, открывается борьба уже не к плоти и крови, а к духам злобы поднебесным. «Как скоро, -- говорит святитель Филарет, — сии невидимые враги примечают, что человек, оставив мир и презрев плоть, все более и более усиливается проникнуть в область духовную, к общению с небесными силами и Самим Богом, то, чтобы воспрепятствовать ему, с неимоверною дерзостию на него устремляются, так что не только издалека пускают в него разжженные стрелы противных помыслов, но, так сказать, вторгаясь в пределы его воображения и чувств, представляют ему странные образы и нелепые мечтания». Иногда сии мечтания бывают направлены к тому, чтобы прельстить подвижника ложным мнением о своей святости: вот тогда-то и нужно труднику спасения ограждать себя отовсюду христоподражательным смирением и, по слову Христову, быть мудрым яко змию, дабы не погибнуть от хитрости змия исконного человекоубийцы — диавола...

Святые отцы-подвижники, наученные опытом своей труженической жизни, оставили нам в своих писаниях богомудрые правила этой борьбы, этого великого подвига, — правила, составляющие «науку из наук» — науку монашеской жизни. Вот, например, правила общего наставника иноческой

жизни, святителя Василия Великого, для подвизающихся в пустынном уединении. Наставлениями сими руководствовался, конечно, и наш подвижник, преподобный Сергий.

1. Люби слушать или читать слово Божие, жития и поучения святых: в них найдешь правила и примеры святой, угодной Господу Богу жизни.

2. Непрестанно смотри за собою; каждый вечер рассматривай свои мысли и желания, какие в тебе возникли, слова, какие ты сказал, и дела, какие ты сделал в продолжение, дня, и усердно молись Богу о прощении всего, что сделано против Его заповедей, и всячески спеши исправиться. Каждое утро, после молитвы, прилежно обдумывай свое положение в наступающий день, и бери надежные меры, чтобы не согрешить.

3. Как можно чаще, внимательнее и дольше размышляй о смерти, о том, что она неизбежна, неожиданна, что земные блага негодны для будущей жизни, размышляй о втором пришествии Господа на суд миру, о мучении грешных и блаженстве праведных.

4. Люби молитву и постоянно ею занимайся.

5. Люби пост, потому что без него нельзя избежать худых помыслов, а за помыслами и худых дел.

6. Где бы ты ни был, что бы ни делал, всегда твердо помни, что Господь смотрит на тебя и видит все, что ты думаешь, чего желаешь и что делаешь.

7. Соображай все свои мысли и желания, слова и дела с Христовым Евангелием; строжайше исполняй все заповеди Христовы и будь весь Христов. Чтобы возлюбить Бога, чаще размышляй о величии Божием, о Его благости, о своем

ничтожестве и греховности. Святую память о Боге носи всюду с собою, как неизгладимую печать.

Таков многотрудный подвиг отшельника. С веселием вступил Сергий на сей узкий путь, чтобы достигнуть безмятежной страны бесстрастия. Подвизаться противу плоти с ее страстями и пожеланиями он обучил себя еще задолго до удаления в пустыню, и потому в пустынножительстве его видны были, как знамения непрестанных побед над самим собою, долговременные пощения и другие высокие подвиги. Возвышая дух свой Богомыслием, он укреплял и тело свое неустанными трудами, — «не туне вкушал он хлеб свой», — как говорит святитель Платон, но снедал его в поте лица. В зимнее время, когда самая земля расседалась от жестоких морозов, Сергий, точно бесплотный, оставался в одной обычной своей одежде и, претерпевая стужу, думал только о том, как избежать будущего огня вечного. «Никогда во всю свою жизнь он ни на что не жаловался, ни на что не роптал, не унывал, не скорбел: нет! он всегда и всем был доволен, при всех своих недостатках и нуждах; во всем был спокоен, при всех искушениях, и скорбях человеческих». Поистине он мог с дерзновением повторить слово апостола: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14); благодатию Божиею я так живу, как бы не имел ничего общего с миром. Это был истинный воин Христа Бога, облеченный во все оружия Божий противу всех слабостей человеческих и искушений бесовских.

Особенно много скорбей и искушений претерпел он от бесов в самом начале своего пустынного подвига. Невидимые враги нередко принимали видимый образ страшных зверей и отвратительных гадов, чтобы устрашить подвижника. С пронзительным свистом и зверскою свирепостью, с страшным скрежетанием зубов устремлялись они на Сергия; но мужественный подвижник не боялся их суетных угроз,

воспоминая слово Писания: *не убоишися от страха нощного, от стрелы летящия во дни, от вещи во тме преходящия, от сряща и беса полуденного* (Пс. 90, 5. 6). Пользуясь частым чтением душеполезных книг, знал он искусство духовной брани, которому один из опытных духовных воинов, преподобный Иоанн Лествичник, поучает, говоря: «Вооружайся молитвою и бей супостатов именем Иисусовым, и тогда придет к тебе Ангел Божий, добрый хранитель твой, и помолится с тобою». Крепкою, но смиренною, нерассеянною и слезною молитвою преподобный Сергий разрушал пустынные страхи и мечтания, как тонкую паутину. И Господь хранил его Своею благодатию, а он, видя над собою покрывающую руку Божию, день и ночь прославлял Господа, не оставляющего *жезла грешных на жребий праведных* (Пс. 124, 3).

Рассказывал впоследствии сам преподобный своим ученикам: однажды ночью вошел он в уединенную церковь, свою, чтобы петь утреню; но лишь только он начал молитвословие, как вдруг пред его взорами расступилась стена церковная, и в это отверстие, как тать и разбойник, не входящий дверьми, вошел сатана видимым образом; его сопровождал целый полк бесовский — все в остроконечных шапках и в одеждах литовцев, которых тогда боялись на Руси не меньше татар... С шумом и дикими воплями, скрежеща зубами от адской злобы, мнимые литовцы бросились как бы разорять церковь; пламенем дышали их богохульные уста...

— Уходи, уходи отсюда, беги скорее, — кричали они подвижнику, — не смей долее оставаться на этом месте: не мы на тебя наступили, — ты сам нашел на нас! Если не уйдешь отсюда, мы разорвем тебя на части, и ты умрешь в наших руках.

«Таков обычай у диавола», — замечает при сем блаженный Епифаний, быть может, повторяя поучительное замечание своего великого аввы: «Таков обычай у бессильного врага: он гордо хвалится и грозит поколебать землю и иссушить море, хотя сам по себе не имеет власти, падший дух, даже и над свиниями» (Мф. 8, 31. 32).

Нимало не смутился духом Сергий от этих бессильных угроз; только еще крепче, еще пламеннее стала восходить к Богу его смиренная молитва. Боже, — взывал он словами Псалмопевца: — кто уподобится Тебе; не премолчи, ниже укроти, Боже: яко се, врази Твои возшумеша (Пс. 82, 2)... Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящий Его. Яко исчезает дым, да исчезнут: яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия (Пс. 67, 1—3)... И не вынесли падшие духи пламени молитвы Сергиевой, и исчезли так же внезапно, как и явились.

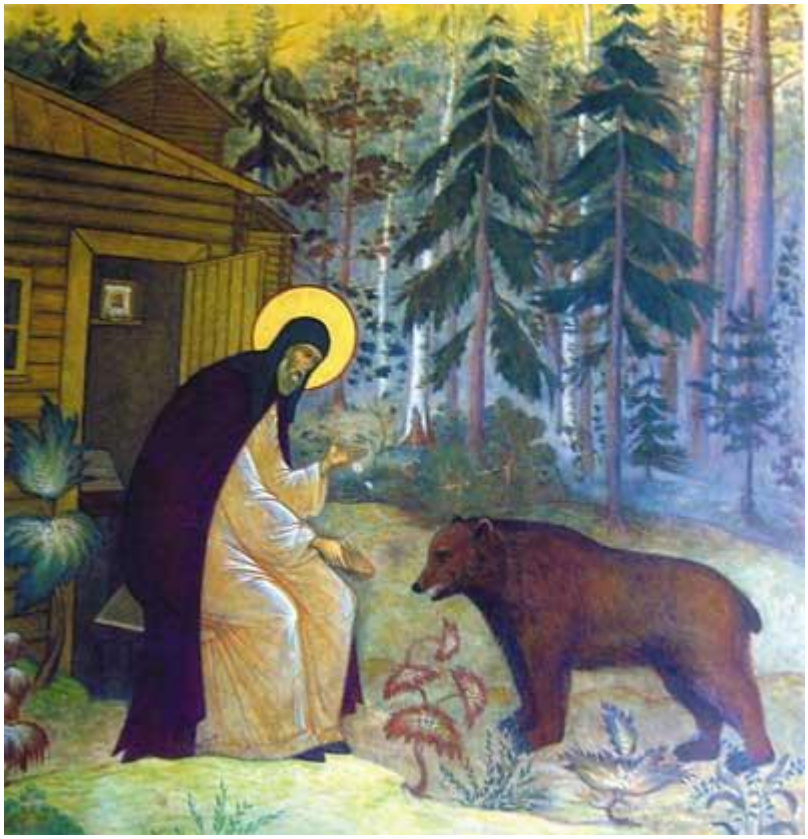
В другое время вся келлия пред взорами преподобного наполнилась отвратительными змиями, так что не видно было и пола. Еще раз, когда преподобный читал в пустынной хижине ночное свое правило, вдруг пронесся шум по чаще лесной, и кругом его келлии послышались бесчинные крики бесовских полчищ: «Уходи же отсюда! Зачем пришел ты в эту глушь лесную, что хочешь найти тут? Нет, не надейся дольше здесь жить: тебе и часа тут не провести; видишь — место пустое и непроходимое; как же ты не боишься умереть тут с голоду или погибнуть от рук душегубцев-разбойников?.. Найдет тогда кто-нибудь труп твой и скажет: вот был бесполезный человек!.. Да и звери хищные бродят вокруг тебя в пустыне, готовые растерзать тебя; и мы не оставим тебя в покое: не думай, чтобы мы уступили тебе это место, искони пустынное... Итак, если не хочешь умереть внезапною смертию, то беги отсюда, беги теперь же, не озираясь ни направо, ни налево, иначе — смерть тебе и погибель от руки нашей!»

И снова преподобный возопил к Богу в слезной молитве; и опять Божественная сила приосенила его, и рассеялось полчище бесовское. А сердце подвижника исполнилось несказанной сладости духовной, и он уразумел, что отныне дана ему навсегда победная власть *наступати... на всю силу вражию* (Лк. 10, 19); и воспел он тогда, ликуя духом, как новый Моисей, благодарственную хвалу Господу словами Святого Писания. «Благодарю Тебя, Господи, — взывал он из глубины благодарного сердца: — Ты не оставил меня, но скоро услышал и помиловал!.. Ты сотворил со мною знамение во благо, и видят ненавидящие меня, и постыждаются, ибо Ты, Господи, помог мне и утешил меня. Десница Твоя, Господи, прославилась в крепости; десная рука Твоя сокрушила врагов моих, и державною крепостию Твоею истребила их до конца!»

Из приведенных рассказов самого угодника Божия, записанных его учеником, можно видеть, с каким ожесточенным упорством ополчалась на него мрачная область духа тьмы в начале его подвига. Преподобный Епифаний замечает, что «враг боялся, как бы на пустынном месте не возникла священная обитель иноков к прославлению имени Божия и спасению многих: он хотел прогнать преподобного, завидуя спасению не его только, но и нашему», — говорит ученик Сергиев. Итак, сатана, этот «коварный старец», как называет его преподобный Варсонофий Великий, наученный тысячелетним опытом борьбы с христианскими подвижниками, видел, с каким мужем силы имеет дело, и потому все свои усилия направлял к тому, чтобы остановить подвижника в самом начале его подвига: впоследствии он не надеялся победить смиренного Сергия. Но что все козни сатаны противу благодати Христовой? Что все усилия бессильного в своей злобе врага противу силы Божией? Мы знаем, что Сергий вышел победителем из этой борьбы и основал свою Радонежскую лавру, которая стала материю многих обителей — и в пустынях и городах обширной Русской земли!..

Мы уже говорили, что бесы нередко являлись преподобному в виде диких зверей и разных чудовищ, готовых его растерзать; после таких привидений страх настоящих зверей пустынных был для него уже «последним из страхов». Стаи голодных волков рыскали около его жилища и выли по целым ночам; зловещим огнем горели в темном лесу их страшные глаза вокруг уединенной келлии; иногда заходили сюда и другие, более страшные обитатели пустынных лесов — медведи. По немощи человеческой невольный страх на минуту овладевал сердцем пустынника при мысли о его беспомощном одиночестве; но он тотчас же ограждал себя

молитвою, и этот страх переходил на самих зверей, которые удалялись в глубину дебрей лесных, не сделав ему никакого вреда. Раз угодник Божий увидел пред своею хижиной большого медведя и, примечая, что он не столько свиреп, сколько голоден, сжалился над зверем: пошел в свою келлию, взял там кусок хлеба и предложил медведю этот пустынный обед на пне или колоде. Зверь полюбил странноприимство пустынника и часто, приходя к келлии, ожидал, обычного угощения и с ласкою посматривал на подвижника. Иногда лесной гость долго не уходил, озираясь по сторонам, «точно злой заимодавец, желающий настойчиво получить свой долг. А преподобный благодарил Бога, что послал ему лютого зверя на утешение», и, памятуя слово Писания: блажен иже и скоты милует, — привык миловать зверя; он делил с ним последний кусок, а иногда и весь отдавал своему пустынному сожителю, как неразумею-шему поста, а сам оставался без пищи. Кроме хлеба, у него в келлии не было никакой иной пищи; да часто случалось, что и хлеба недоставало. Можно думать, что хлеб доставлял ему время от времени младший брат его, Петр, живший в Радонеже. Так упражнял себя угодник Божий в отречении от самых необходимых потребностей, «а может быть, — говорит святитель Филарет, — в сем мирном обращении с свирепою тварию, с назиданием души своей, созерцал он следы первона-чального повиновения всех тварей невинному человеку». Зато и неразумная тварь повиновалась ему, и дикий зверь сделался до того ручным, что слушался его слова и был кроток пред ним, как овца.



«Чего не может сделать добродетель? — рассуждает святитель Платон. — Думаю, что дикие звери ныне стали свирепы от жестокости наших нравов; а любовь и добродетель могут эту свирепость преложить в кротость и покорность». Все одушевленные создания Божий ясно видели в первом человеке светлый образ Божий, и самые лютые звери, по выражению одного святого отца, ощущая дивное благоухание сего образа, смиренно склоняли свою голову пред Адамом. Человек повиновался Богу, и все земные твари повиновались человеку, почитая в нем образ Божий. Согрешил человек — помрачился в нем образ Божий, и неразумные твари не стали уже узнавать его. Не послушался человек заповеди Божией, перестали и ему повиноваться твари земные. Зловоние страстей заменило благоухание образа Божия, и сам человек уподобился скотам несмысленным. И вот грешный, бренный человек трепещет и страшится тех зверей, которые некогда были покорены под

ноги его. Его непослушание Богу наказано непослушанием тварей земных ему самому! А святые Божий, своею дивною жизнию, своим неуклонным послушанием заповедям Божиим, своим святым смирением, при содействии благодати Божией, восстановили в себе образ Божий, и он просиял в них с первобытною чистотою и светлостию. Ощутили его благоухание и неразумные твари, и лютые звери — грозные враги грешного человечества стали послушны им, как кроткие агнцы. Так власть, утраченная Адамом, возвращена его святым потомкам! Вот внутренний глубокий смысл этого, удивительного для нас, грешных, послушания свирепых неразумных тварей святым Божиим, о чем так часто встречаются рассказы в житиях святых подвижников и в страданиях святых мучеников, о чем читаем и в житии нашего подвижника Богомудрого Сергия. Но обращаемся к рассказу о его пустынном подвиге.

«Не было места унынию в мужественном сердце Сергия, — говорит преподобный Епифаний, — с радостью принимал он все скорби, как бы от руки Божией; искушаемый, как золото и огне, он восходил от силы в силу; крепкий верою в Бога, он столь же крепко и уповал на Бога, по слову Писания: *праведный... яко лев уповая* (Притч. 28, 1), и: *надеющийся на Господа, яко гора Сион: не подвижится в век* (Пс. 124, 1). Оттого и слышал он в своем чистом и Богопреданном сердце великое слово обетования: *с ним есмь в скорби, изму его и прославлю его: долготою дней исполню его и явлю ему спасение Мое* (Пс. 90, 15. 16). Равнодушный к своему спасению не может иметь такого упования; его носит в своем сердце только тот, кто во всем предал себя Богу и всем существом своим устремился к Нему единому, по выражению Давида: *исчезосте очи мои, от еже уповати ми на Бога моего»* (Пс. 68, 4).

Наконец пришло время, когда Господу было благоугодно поставить сей благодатный светильник на свещнике, чтобы он светил из своей пустыни всей православной России, чтобы от его света зажгли свой свет и другие светильники и разнесли сей свет по лицу родной земли. Своим пустынным подвигом Сергий исполнил во всей широте первую половину великой заповеди Божией о любви: *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею ду-шею твоею, и всею мыслию твоею* (Мф. 22, 37); оставалось, — и теперь Господь призывал его исполнить в такой же полноте и вторую половину сей заповеди: *возлюбиши искреннего твоего, яко сам себе* (ст. 39). Смиренно трудился он в пустыне для Господа; настало время столь же смиренно послужить и ближнему ради Господа. И смиренный послушник воли Божией не отрекся возложить на себя тяготу чужую, по слову апостола: *друг друга тяготы носите* (Гал. 6, 2), *не своих си кийждо, но и дружних... смотряйте* (Флп. 2, 4).

Глава VII

ПЕРВЫЕ СПОДВИЖНИКИ

Не может град укрытися верху горы стоя (Мф. 5, 14). Нельзя скрыть цветка благоухающего и в дикой траве: его найдут по запаху, по благоуханию; так же мог укрыться и Сергий в дремучем лесу, в любезном своем одиночестве. Далеко разносилось благоухание его жизни святой, и услышали, сердцем ощутили это благоухание люди, имевшие, по выражению святителя Филарета, очищенное чувство духовное, или, по крайней мере, ищущие очищения. А скорбные обстоятельства того времени, о которых мы уже говорили в III главе, еще более располагали таких людей бежать из мира в дебри пустынные: благо там нашелся благодатный муж, способный утолить жажду души, зажечь и поддержать в ней тот огонек, при свете и теплоте которого легко несется всякое бремя жизни и становится легким благое иго Христово.

Не больше двух-трех лет прошло со времени его поселения в глухих лесах радонежских, как в Радонеже и соседних селениях заговорили о молодом пустыннике. «Одни, — пишет Пахомий Логофет, — говорили о его строгом воздержании, трудолюбии и других подвигах; другие удивлялись его простоте и незлобию; иные рассказывали о его власти над духами злыми; а некоторые благоговели

пред его дивным смирением и чистотою душевною». И вот один за другим стали приходить к нему, сначала ради душеполезной беседы и совета духовного — в чем любвеобильный пустынник им не отказывал, — а потом нашлись желающие и жить близь него. Иногда приходили по два, по три человека и, припадая к стопам его, умоляли, чтобы позволил им поселиться тут.

Жаль было пустыннолюбному Сергию расставаться с своим уединением; притом он опасался, чтобы суровая пустыня не разочаровала его сподвижников, чтобы не пришлось им уйти отсюда с роптанием, подобно тем малодушным ученикам Христовым, которые говорили: *жестоко есть слово сие, и кто может его послушати* (Ин. 6, 60). И он сначала не соглашался принимать их, представляя им все трудности пустынного жития.

Можете ли терпеть скудость этого места? — говорил Сергий. — Вас ждет здесь и голод, и жажда, и всякие недостатки.

Все готовы мы понести, честный отче, — отвечали пришельцы, — все понесем при помощи Божией за твои святые молитвы; только об одном просим: не удаляй нас от себя, не гони прочь от этого святого и достолюбезного места.

Тронулось доброе сердце подвижника: он видел их благое произволение и крепкую веру в помощь Божию, и, памятуя слово Спасителя: *грядущаго ко Мне не изжену вон* (Ин. 6, 37), решился принять их. Но опытом изведавший всю трудность одиночества, он предупреждал их о пустынных скорбях и укреплял заранее к подвигу терпения: «Желал я, братие мои, — так говорил он, — один скончать в пустыне свою одинокую жизнь; но Господь сказал: *идеже... два или*

трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их (Мф. 18, 20), и Давид поет в псалмах: *се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс. 132, 1); посему и я, грешный, не хочу идти против воли Господа, Которому угодно устроить здесь обитель. С радостию я принимаю вас: стройте каждый себе келлию; но да будет вам известно, что если вы пришли сюда действительно работать Господу и если хотите здесь со мною жить, то должны быть готовы терпеть всякую нужду и печаль, ибо сказано в Писании: *аще приступавши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение* (Сир. 2, 1): с нуждою царствие Божие восприемлется!.. Да не устрашит вас помысл, что места сии — пустынны и скудны погребным для жизни: сами знаете, что *многими скорбьми подобает нам внити во Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Узок и прискорбен путь, вводящий в жизнь вечную, и много званных, а мало избранных и спасающихся! Но не бойся, малое стадо Христово, которому Господь обетовал царство Отца Своего: Господь не попустит нам искушений выше сил наших. Ныне печалью Господь посетит нас, а завтра печаль нашу в радость претворит, и никто этой радости не отнимет от нас! Дерзайте же, дерзайте, людие Божий, ибо Тот, Кто призвал вас на место сие, Он Сам победит и врагов наших, как Бог всесильный!»

И много других слов утешения слышали пришельцы от любвеобильного подвижника, и — можно ли было не привязаться к нему всею душой? Можно ли было еще колебаться в сомнениях и страшиться подвигов пустынного жития? С таким наставником можно все понести, все вытерпеть: тоска ли сдавит сердце твое, или уныние овладеет душой; враг ли навеет помыслы греховные, или страсти поднимут в сердце свои змеиные головы, — не

медли, иди скорее к любящему и горячо любимому наставнику, с детской простотой открой пред ним все сердце свое, поведай, что томит тебя, пожалуйся ему на себя самого, как дитя жалуется нежной матери на своего обидчика, и верь: он скажет тебе в утешение иногда только два-три слова, но зато какие это чудные, теплые благодатные слова! Они прольют мир в душу твою, согреют ее такою любовию, какою только мать согревает грудное дитя, и — все пройдет, как рукою снимет, и станет на душе так тихо, ясно и тепло...

И стали пришельцы строить себе хижины около уединенной келлии Сергиевой, и с детскою любовию начали учиться у него пустынным подвигам. Не более двенадцати братии собралось вначале около Сергия; и это число долгое время оставалось неизменным: когда убывал один, приходил другой на его место, так что это некоторым подавало мысль: не по числу ли двунадесяти апостолов или стольких же колен Израилевых само собою уравнивается число учеников Сергеевых?.. Прежде всех пришел к преподобному некто Василий, быть может, за свое строгое воздержание прозванный Сухим; пришел он с верховьев реки Дубны, уже в преклонных летах и, не долго пожив с преподобным, отошел ко Господу. Другой ученик и сподвижник Сергия был простолюдин, земледелец Иаков, который между братией назывался уменьшенным именем — Якута; он служил братии вроде рассыльного; впрочем, замечает преподобный Епифаний, его посылали в мир только по крайней нужде и потому не часто. Сохранились еще имена двух учеников, пришедших к преподобному в числе самых первых — это Онисим-диакон и Елисей, отец с сыном, — земляки Сергиевы, из коих Онисим упоминается раньше в числе переселившихся с родителями преподобного

из Ростова в Радонеж. К числу первых же учеников Сергиевых должно отнести преподобных: Сильвестра Обнорского, Мефодия Пешношского, Андроника и других.

Когда построено было двенадцать келлий, преподобный обнес их высоким деревянным тыном для безопасности от зверей и приставил вратарем Онисима, которого келлия была у самого входа в обитель. Густой лес окружал обитель со всех сторон; вековые деревья стояли над самыми келлиями, широко осеняя их и шумя своими вершинами; даже около церкви везде видны были пни и колоды, между которыми и засевались различные огородные овощи для убогой трапезы отшельников. Вот какой смиренный вид имела лавра Сергиева в первые годы своего существования!

Тихо и безмятежно протекала жизнь пустынников в новоустроенной обители. Не было в ней ни начальника, ни даже пресвитера; однако же строго соблюдался весь порядок повседневного богослужения, исключая, конечно, литургии. День отшельников начинался с глубокой полуночи: во исполнение слов Псалмопевца — *седмерицею днем восхвалять Господа* (Пс. 118, 164), пустынные подвижники каждый день собирались в церковь на полунощницу, утреню, третий, шестой и девятый час, на вечерню и повечерие, совершая между сими службами еще частые молебные пения. В рукописях, сохранившихся от того времени в библиотеке лаврской, находим каноны: за творящих милостыню, за болящих, за умерших. Непрестанная молитва, по заповеди апостола (см.: 1 Сол. 5, 17), была их постоянным правилом и в церкви и в келлий. А для совершения Божественной литургии в праздничные дни обыкновенно приглашали священника из ближайшего села или игумена, быть может, того же старца Митрофана, который постригал самого преподобного.

Священнослужителя всегда встречали с радостию и с подобающею честию.

Год спустя после того как собрались к преподобному братия, пришел к ним на жительство и упомянутый игумен Митрофан. Сергий очень рад был ему, по нужде в иерее Божием; притом он надеялся, что старец сей не откажется принять на себя начальство над собравшимися пустынножителями; но недолго порадовался Сергий: пожив немного под кровом своего постриженника, Митрофан тяжко занемог и отошел ко Господу. И снова обитель осталась без совершителя Тайн Божиих, потому что сам преподобный, по своему глубокому смиренномудрию, не хотел принять на себя ни игуменства, ни сана священного. Подражая кроткому и смиренному сердцем Господу, он управлял только посредством своего примера, и точно: по слову Христову, был первый тем, что был *всем слуга* (Мк. 9,

35). Три или четыре келлии для братии он построил своими руками, сам рубил и колол дрова, носил их к келлиям, молол в ручных жерновах, пек хлебы, варил пищу, кроил и шил одежду и обувь, носил на гору воду в двух водоносах и поставлял у келлии каждого брата. Когда кто-нибудь из братии отходил ко Господу, угодник Божий своими руками омывал и приготовлял к погребению усопшего. Одним словом — он служил братии, по выражению блаженного Гпифания, как купленный раб, всячески стараясь облегчить их трудную жизнь пустынную, хотя и приводил братию в немалое смущение таким глубоким смирением и трудолюбием.

Служа другим в течение дня, Сергий не имел и одного часа свободного от труда и молитвы; питался он только хлебом и водою, и то малою мерою, а ночь почти всю проводил в келейной молитве, и где бы он ни был, что бы ни делал, всегда имел в уме и на устах слово Псалмопевца: *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). И все сии многотрудные подвиги не только не ослабили его сил телесных, но и укрепляли их: преподобный Епифаний говорит, что в молодые годы свои угодник Божий был столь крепок телом, что «имел силу против двух человек»: это было следствием его трудолюбия и строгого воздержания, замечает при этом святитель Платон. Когда же Сергий ощущал брань вражию и стрелы разжженные, пускаемые рукою стреляющего во мрак в правых сердцем (см.: Пс. 10, 2), он еще более усиливал свой пост и молитвенные подвиги. Так порабощал духу тело свое смиренный подвижник, прилагая труды к трудам; так подвизался этот земной ангел, желавший паче всего соделаться гражданином горнего Иерусалима! А братия с любовью и благоговением взирали на своего возлюбленного авву и всеми силами старались подражать

ему. И трудно было пришедшему в первый раз посетителю различить, кто был старший из них и кто младший, кто начальник места сего и кто подчиненный, потому что, взирая на смиренного и кроткого Сергия, каждый старался смирять себя пред смиреннейшим. Все считали друг друга братиями, и никто из них не хотел быть старшим. Какой поучительный урок гордым сынам нашего суетного века, желающим весь мир переделать по своим безумным мечтам! Не путем безначалия, насилий и полной разнузданности страстей человеческих достигаются истинно братские отношения между людьми, а путем глубочайшего смирения, путем полного самоотречения в духе евангельской любви, когда люди забывают о своих правах, и во имя любви думают только о своих обязанностях, да горько оплакивают немощи падшей природы своей...

Свободные от молитвы часы отшельники проводили в постоянных трудах. Молитва и труд, по учению святых отцов, неразлучны в жизни инока, и ученики Сергеевы трудились над возделыванием своих небольших огородов для своей скудной трапезы пустынной, заботились каждый о своей убогой келлии, сами готовили себе пищу, шили себе одежды, переписывали книги и можно думать — занимались даже иконописанием.

Разлучившись с Сергием, брат его Стефан, конечно, не прерывал с ним духовного общения и, живя в Москве, быть может, по временам навещал его в пустыне Радонежской. Может быть, иногда приводил он сюда и малютку-сына, Иоанна, который в детстве жил в доме своего дяди Петра, в Радонеже. Наслышавшись о богоугодной жизни своего святого дяди, двенадцатилетний Иоанн возгорелся желанием жить под его духовным водительством и однажды пришел к нему вместе с отцом. Держа отрока за руку, Стефан сам ввел его в пустынную церковь и, передавая его брату, к удивлению всей братии, заявил свое желание немедленно

облечь его в ангельский образ... Не стал противоречить Сергий этому желанию старшего брата, который подобно древнему Аврааму отдавал Богу своего сына. И вот отрок Иоанн принимает пострижение, быть может, от своего отца, и нарекается Феодором... Чистый душою и сердцем, отрок беззаветно отдал себя преподобному дяде и скоро навык всем добродетелям иноческим. В обители Сергиевой будущий архиепископ Ростовский прожил около двадцати двух лет; в это, конечно, время он научился здесь иконописанию и был одним из первых иноков-иконописцев Сергиевой лавры.

Глава VIII

ВЛАСТЬ ЗА ПОСЛУШАНИЕ

Около двенадцати лет протекло со времени прихода к преподобному Сергию его первых сподвижников, а игумена в новой обители все еще не было. Правда, в среде отшельников царили полное единодушие и братская любовь; каждый готов был, если бы оказалось нужным, пожертвовать самою жизнию, не говоря уже об удобствах, для сохранения мира и спокойствия остальных братии, и такое безначалие, конечно, было крепче всякого порядка, существующего в миру; тем более что одно слово любимого наставника могло прекратить всякое несогласие и побудить к подчинению уставам монашеским; но таков уж Самим Богом изначала установленный закон для обществ человеческих, чтоб во главе их непременно стояла власть, в послушании коей выражалось бы послушание людей Самому Богу — Творцу и Владыке всяческих. Правда, что Сергий на деле был истинным руководителем в духовной жизни своих учеников; но все же он не был еще и без сана священного не мог быть их духовным отцом в таинстве покаяния; а эта должность в древних обителях нередко соединялась с должностью игумена или настоятеля обители. Притом неудобно было каждый раз для Богослужения призывать соседнего священника — нельзя было не иметь в обители лица,

облеченного священною властию вязать и решить согрешающих.

Особенно должна была сказаться нужда в священнослужителе в то время, когда над Русскою землей разразилось тяжкое бедствие — моровая язва, известная в истории под именем «черной смерти»; она появилась в пределах России около 1348 года и опустошала ее в продолжение нескольких лет, переходя из края в край, из города в город. Справедливо говорит один историк: «Ангел смерти никогда не губил вдруг столько людей с самого Ноева потопа, сколько погибло их с 1348 по 1350 и в следующие годы». Страх и ужас объяли всех и каждого; уныние распространилось повсюду. Ничем нельзя было остановить грозного шествия «черной смерти», не было от нее никакого спасения. В одном Китае легло в могилу до 13 миллионов народа; вымирали целые города, становились безлюдными целые области. В Киеве, Чернигове, Смоленске и Суздале едва уцелела одна третья часть населения; в Глухове и Белозерске не осталось ни одного человека. Не успевали хоронить умерших: отпевали по тридцати — по сорока человек зараз, клали по три, по пяти человек в один гроб... В короткое время умерли: митрополит Феогност, два сына великого князя и сам великий князь Симеон Иванович...

В эту тяжкую годину многие православные русские люди шли в монастыри: под благодатным кровом святых обителей не так страшно было и умереть, как в среде мирской суеты; здесь каждый мог с мирною душою совершенно предать себя в волю Божию и приготовиться к смерти по-христиански. Можно ли сомневаться, что и к преподобному Сергию, в его пустынную обитель, в это время особенно много приходило людей, искавших у сего благодатного инока-подвижника утешения в горестях жизни,

в тяжкой потере близких сердцу, мирного приготовления к переходу в будущую жизнь? И мог ли он, любвеобильный отец, отвергать сих несчастных пришельцев? Но, принимая их, он должен был заботиться и об удовлетворении их духовных нужд, о напутствии приготовляющихся к смерти таинствами Церкви. Так самые обстоятельства, а лучше сказать — промысл Божий располагал эти обстоятельства к тому, чтобы в обители Сергиевой был свой совершитель Тайн Божиих, а с умножением братии и свой игумен...

Преподобный Сергий, по своему смирению, и слышать не хотел, чтобы ему принять эту должность; он всегда говорил, что «желание игуменства есть начало и корень властолюбия»; тем не менее и сам он сознавал нужду в духовном пастыре для своей обители. Одного боялся он, чтобы братия не стала настаивать на своем желании иметь его своим игуменом; и потому усердно молил Господа, чтобы Сам Он дал им наставника, который мог бы управить душевный корабль их от волн потопления к пристанищу спасения. И Господь, всегда готовый исполнить волю боящихся Его, услышал молитву Своего угодника, и поелику никто, лучше самого просившего, не мог послужить на сем месте к славе имени Его, благоволил его самого и дать игуменом братии. Вот как это было.

В сердцах братии уже давно сложилось желание поставить на игуменство своего возлюбленного авву, а при столь скорбных обстоятельствах, о коих мы сейчас упомянули, еще более усилилось это единодушное желание. Ив самом деле, — замечает святитель Платон, — на ком прежде всего могли они остановиться мыслию? Каждый, сравнивая свои подвиги с его подвигами и добродетелями, с его опытностию и заслугами пред Богом, и в мыслях стыдился присваивать себе такое преимущество, чтобы затмить собою

свет столь ясно горящего светильника». Сообщая свои чувства один другому, они решились наконец обратиться с своим желанием к преподобному. Укрепив себя надеждою на Бога, братия пришли к нему все вместе и сказали:

— Отче! мы не можем долее жить без игумена; исполни наше сердечное желание: будь нам игуменом, будь наставником душ наших; мы будем каждый день приходить к тебе с покаянием и открывать пред тобою нашу совесть; а ты будешь подавать нам прощение, благословение и молитву. Мы желали бы видеть тебя совершающим ежедневно Божественную литургию и от твоих честных рук причащаться Святых Христовых Тайн. Ей, честный отче, таково наше общее сердечное желание; не откажи нам в этой милости!

Такое единодушное заявление всей братии, конечно, не было неожиданным для угодника Божия; тем не менее его глубокому смирению не легко было выслушать его. «Не труда и подвига убегал он, — говорит святитель Платон, — а считал себя недостойным такого сана и рассуждал, что, будучи подначальным, он удобнее устроит дело своего спасения, нежели тогда, когда примет на себя нелегкое бремя попечения о спасении других». С другой стороны, он хорошо понимал, что его решительный отказ глубоко опечалит всю братию, столь горячо им любимую, и будет иметь скорбные последствия для самой обители. Поставленный в такое затруднительное положение, подвижник вздохнул из глубины сердечной и смиренно отвечал просителям:

— Братие мои! У меня и помысла никогда не было об игуменстве; одного желает душа моя — умереть здесь простым чернецом. Не принуждайте же меня и вы, братия! Оставьте меня Богу: пусть Он что хочет, то и творит со мною.

Но братия настаивала на своем. «Зачем ты, отче, отказываешься исполнить наше общее желание? Ведь ты основатель обители сей; будь же ей и настоятель. Твоя добродетель собрала нас сюда: она же пусть и управляет нами. Ты насадил виноград сей: ты и питай нас своим учением и плодами примера твоего. Вот наше последнее слово: или сам будь нам игуменом, или, если не, хочешь, иди, испроси нам игумена у святителя; если же не так, то мы все разойдемся отсюда».

Мысль об ином игумене лично для смиренного Сергия, конечно, была приятна: он готов был сделаться последним послушником у кого бы то ни было, лишь бы самому не быть начальником. Но любовь к ближнему требовала на этот раз забыть о себе и подумать о пользе братии; а духовный опыт указывал опасность, что новый, чуждый по духу обители игумен задумает вводить новые порядки, что эти порядки могут смутить братию, которая привыкла смотреть на порядки, установленные самим основателем пустынножительства, как на неизменный закон; а отсюда может возникнуть немало искушений и нестроений в юной обители. Посему, не решая вопроса окончательно, но желая по возможности отдалить это решение, преподобный кротко сказал братии:

— Идите пока с Богом каждый в свою келлию; лучше помолимся все поусерднее Господу Богу, чтобы Он Сам открыл нам волю Свою; и тогда увидим, что нам делать.

Братия послушалась любимого аввы и разошлась; но ненадолго. Прошло несколько дней, и старцы опять пришли к преподобному и стали умолять его — принять сан игумена.

— Ведь ради тебя мы и сошлись-то иода, в это место пустынное, — говорили они, — мы слышали о твоих подвигах, знаем труды твои; ведь ты своими руками построил и эту

церковь во имя Живоначальной Троицы. И мы веруем, что в тебе обитает благодать Ее, и потому вот пришли сюда, возложив упование на Господа, и желаем совершенно предать себя твоему руководству. Итак, будь нашим игуменом и духовным отцом и, предстоя престолу Божию, возноси за нас свои теплые молитвы. Ведай, отче, — присовокупляли к сему старейшие из них, — мы шли сюда в надежде, что ты упокоишь нашу старость и похоронишь наши кости.

Тронутый до глубины души такою любовию братии, смиренный подвижник открыл пред ними все свое сердце: он стал говорить им о своем недостоинстве, всячески упрашивал и умолял не принуждать его к принятию священного сана и игуменства.

— Простите меня, отцы мои и господне, — так говорил он. — Кто я, грешный, чтобы быть мне иереем Божиим? Как дерзну я на такое служение, пред которым со страхом и трепетом преклоняются и самые Ангелы? Нет, это выше меры моей, отцы мои; я еще не начинал жить по-монашески: как же я осмелюсь коснуться святыни Божией? Вот мое дело: плакать о грехах моих, чтобы вашими же святыми молитвами достигнуть оного края желаний, к которому стремится от юности моя грешная душа.

Сказал сие преподобный, и, чтобы не продолжать более сего тяжкого для его смирения спора, ушел в свою келлию...

Тогда сподвижники его поняли, что им не склонить его к своему желанию кротким словом сыновней любви, — оставалось употребить средства более решительные. Уже не со слезами только, но и с горьким словом упрека и даже угрозы приступили они теперь к своему авве.

— Мы не желаем спорить с тобою, отче честный, — сказали они. — Мы веруем, что Сам Бог привел нас сюда; мы сердечно желали подражать твоему житию и подвигам и чрез то надеялись достигнуть вечного блаженства. Но если уж ты не хочешь пещись о душах наших и быть нашим пастырем, то мы все принуждены будем оставить это место, — мы уйдем от храма Пресвятой Троицы и будем невольными нарушителями нашего обета, — будем блуждать, как овцы без пастыря, и расхитит нас мысленный волк; а ты дашь за нас ответ нелицеприятному Судии — Богу! Еще раз попытался было угодник Божий отклонить от себя высокую честь; еще раз сказал братии:

— Отцы мои! Вы излишне понуждаете меня, я излишне отрицаюся: к чему это?..

Но все было напрасно: братия стояла на своем, и братолюбие победило.

— Желаю, — сказал преподобный, — лучше учиться, нежели учить; лучше повиноваться, нежели начальствовать; но боюсь суда Божия; не знаю, что угодно Богу; святая воля Господня да будет!

Это значило, что он более спорить не будет и предает все дело в волю Божию.

«Какая прекрасная распря! — замечает святитель Филарет Московский, — распря едва ли не превосходнейшая, нежели самое согласие. Здесь смирение старшего сражается с любовию и покорностию младших — единственная брань, в которой ни одна сторона не теряет, а обе приобретают в каждом сражении! Как благополучны были бы общества, если бы члены их так же препирались между собою за сохранение подчиненности, а не за домогательство власти!»

«В мирских обществах, — говорит другой святитель, Филарет Черниговский, — люди сражаются друг с другом за власть, и чрез то производят расстройство в делах, расстройство в сердцах и губят себя и других жаждою власти. А тут — все совершенно обратно: как благотворен закон Твой, Господи!»

Побежден был смиренный Сергий любовию к братии, однако же не хотел выступить из обычного порядка; а может быть, не терял еще надежды, что высшая церковная власть не соизволит на поставление его во игумена.

— Отцы и братия, — сказал он сотрудникам своим в подвиге пустынном, — не хочу более прекословить вам; но не нам решать это дело: пусть решит его святитель; итак, пойдемте же к нему.

Московского первосвятителя митрополита Алексия в то время не было в России: в 1354 году он путешествовал в Царьград по делам церковным, а управление делами митрополии на время своего отсутствия поручил Волынскому епископу Афанасию, который жил в Переславле-Залесском, в Нагорном Борисоглебском монастыре. Туда и отправился преподобный Сергий, взяв с собою двух старейших иноков.

Ранним утром пред самою литургиею явился преподобный к святителю. Он пал к ногам его и просил благословения. Епископ спросил его: кто он и откуда?

Грешный инок Сергий — мое имя, — смиренно отвечал пришедший.

Имя Сергия было известно Афанасию: он раньше много слышал о его пустынных подвигах, об основанной им обители и о постройке церкви и теперь очень рад был видеть у себя

такого гостя. Он с любовию принял его, отечески поцеловал и долго беседовал с ним о спасении души.

В заключение сей беседы гость смиренно поклонился хозяину и стал просить у него игумена для новой обители.

— Сын и брат мой! — отвечал ему, как бы по вдохновению свыше, святитель Божий. — Господь Бог устами пророка Давида сказал: *вознесох избранного от людей Моих... ибо рука Моя заступит его* (Пс. 88, 20. 22); и апостол говорит: *никтоже сам себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон* (Евр. 5, 4). А тебя воззвал Господь Бог от чрева матери твоей, как от многих слышал я о том; посему ты и будь отныне отцом и игуменом для братии, тобою же собранной в новой обители Живоначальной Троицы.

Подвижник стал было отклонять от себя это назначение, ссылаясь на свое недостоинство; но блаженный пастырь внушительно остановил его, сказав: «Возлюбленный! Ты все стяжал, а послушания не имеешь», — и сим словом обезоружил смиренного Сергия, который с покорностию на это отвечал: «Как Господу Богу угодно, так и пусть будет; благословен Господь вовеки!» И все присутствовавшие при этом единодушно сказали: «Аминь!»

Тогда святитель со всеми священнослужителями пошел в церковь, взяв с собою и преподобного; там он облачился во все священные одежды, велел Сергию гласно произнести Символ веры и, осенив крестообразно его преклоненную главу, поставил его во иподиакона. Началась Божественная литургия, и Сергий произведен был во иеродиакона; а на другой день облечен и благодатию священства. Святитель распорядился, чтобы на следующий день новоблагодатный иеромонах Сергий один совершил Божественную литургию. Нужно ли говорить, с каким

сердечным умилением впервые приносил преподобный Сергий бескровную жертву собственными руками? Он весь исполнен был благоговейного страха и весь сиял неземною радостию...

По окончании литургии святитель Афанасий произнес над ним молитвы, совершающие его поставление во игумена. Затем он пригласил нового игумена в свои келлии и там в отеческой с ним беседе наедине наставил его в правилах апостольских и святоотеческом учении о спасении души и руководстве подчиненных ему иноков. «Чадо, — говорил он, — вот, ради святого послушания к нам, восприял ты теперь сан священный; знай же, что сие служение дается только *верным человеком,* как говорит апостол Христов, *доволни будут и иных научити* (2 Тим. 2, 2). Посему надлежит тебе, возлюбленный, по заповеди великого апостола, *немощи немощных носити и не себе угождати* (Рим. 15, 1). Помни слово его: *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6, 2). Если будешь гак поступать, то и себя спасешь, и живущих с тобою».

Так заключил свое поучение святитель и, благословив новопосвященного, отпустил его с миром. И пошел он, новый игумен, облеченный теперь свыше благодатию и властию иерейскою, в свою родную обитель, чтобы прилагать там труды к трудам и, восходя на небо по лествице христоподражательного смирения, вести туда же за собою и всех присных учеников своих...

Глава IX

СМИРЕННЫЙ ИГУМЕН

С нетерпением ожидали братия своего первого игумена, — говорим «первого» потому, что почивший в Бозе игумен Митрофан был только случайным представителем власти, которым преподобный Сергий только хотел оградить себя от необходимости начальствовать. С какою же радостию вышли они теперь навстречу своему новому начальнику, или, лучше сказать, своему давнему наставнику и любимому отцу! Со слезами сыновней любви поклонились они ему до земли. Радовался и святой игумен, смотря на радость любимых чад своих. Войдя во врата обители, он прошел во храм, и там, весь в слезах, пал ниц пред святою иконою Живоначальной Троицы, прося благодатной помощи в предстоящем ему многотрудном служении. В пламенной молитве своей он призывал на помощь Пресвятую Владычицу Богородицу и бесплотных служителей у престола Благодати — святых Ангелов и Архангелов, святого Предтечу Христова и мудрых апостолов; он вспомянул и великих святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого и всех святых, дабы их молитвами укрепила его десница Вседержителя — неосужденно, со дерзновением и несмущенным сердцем

предстоять престолу Пресвятой Троицы и касаться руками Агнца Божия, закланного за спасение мира.

Окончив молитву, он обратился к братии с словом поучения, убеждая их не ослабевать в подвигах ради Царства небесного.

— Царствие Божие, — говорил он между прочим, — с нуждею восприемлется, и только понуждающие себя восхищают оное (см: Мф. 11, 12). Подвизайтеся же, братие, войти в него узкими вратами! (см: Мф. 7, 3). *Приидите, чада, послушайте мене,* по слову Давидову, *я страху Господню научу вас* (Пс. 33, 12). Помните слова апостола: *плод... духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22. 23). Подвиг немалый предстоит нам противу невидимого врага, ибо *диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Не устрашимся, други, этого подвига, чтобы страшного геенского мучения избегнуть; пусть сведены будут руки от трудов: будем простирать их только к Богу, а ноги — пусть неподвижно стоят на молитве!.. Не будем, братие, щадить естество тленное, со всем усердием возьмемся за подвиг, чтобы получить победные венцы от Христа Бога!

После поучения святый игумен в первый раз благословил свою братию. При этом он поручал себя их молитвам, исповедуя свою немощь ввиду той тяжкой ответственности пред Богом, какую он принимал на себя, если бы кто подвергся соблазну по его вине.

— Молитесь, братие, обо мне, — говорил смиренный игумен, — ибо я человек малосведущий и неопытный. Вот я принял от Царя Небесного талант и должен буду отдать в нем отчет. Страшит меня слово Господа: *иже аще со-*

блазнит единого малых сих верующих в Мя, уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его, и потонет в пучине морстей (Мф. 18, 6). Какое же горе угрожает тому, кто своим неразумием погубит многие души! И буду ли я иметь дерзновение, представ пред Господа, сказать Ему: *се, аз и дети, яже ми даде Бог* (Ис. 8, 18). Услышу ли я сей Божественный глас великого Пастыря горних и дольних, с милосердием вещающего: добрый рабе, *благий и верный... вниди в радость Господа твоего* (Мф. 25, 21)?

Так вступил преподобный в управление своею родною обителию. Поучая братию, он избегал многоглаголания; его речь обнаруживала глубокое знание Священного Писания, дух и смысл которого он постигал не умом только, но и сердцем, просвещаемый благодатию Божией и руководимый опытом духовной жизни. Оттого все его поучения, при своей простоте и краткости, были проникнуты особенною силою, дышали благодатным помазанием и властно действовали на сердца слушателей. В одной из рукописей XVII века, принадлежавших новгородской Софийской библиотеке, а ныне находящихся в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии, есть такое поучение преподобного Сергия:

«Внимайте себе, братие, всех молю: прежде имейте страх Божий и чистоту душевную и любовь нелицемерную; к сим и страннолюбие, и смирение с покорением, пост и молитву. Пища и питие в меру; чести и славы не любите, паче же всего бойтеся и поминайте час смертный и второе пришествие».

Вот и все поучение. Действительно ни оно написано самим преподобным Сергием или только записано его учениками, но от него, несомненно, веет духом Сергиева смирения, и потому мы читаем его, в несколько сокращенном

ниде, на многих древних иконах угодника Божия, написанным в свитке.

Блаженный Епифаний говорит, что преподобный Сергий всегда имел пред духовным взором своим великие образцы ангелоподобной жизни таких светильников монашества, как великие Антоний и Евфимий, Савва Освященный и Пахомий, Феодосии Киновиарх и другие. Поэтому в своих беседах с братиею и в поучениях он любил воспоминать об их подвигах и всегда удивлялся, как они, будучи облечены плотию, побеждали врагов бесплотных и были страшны диаволу; сильные земли в удивлении склонялись пред ними, а они во смирении благодетельствовали людям: исцеляли больных, избавляли от бед на суше и на море, предстательствовали в час смертный, питали нищих, вдов и сирот, по слову апостола: *ничтоже имуще, а вся содержаще (2* Кор. 6, 10). Размышляя о сем, преподобный усердно молил Бога, дабы сподобил его непреткновенно идти по стопам сих подвижников, и убеждал братию подражать их равноангельной жизни.

Игуменство преподобного Сергия во многом напоминало игуменство преподобного Феодосия Киево-Печерского: та же строгость к себе и любовь к братии, та же неутомимость в трудах, бессонные ночи, обличение праздных, тихие, кроткие речи, растворенные слезами отеческой любви. В отношении к братии и в сане игумена он нисколько не переменился. По-прежнему он учил не столько словом, сколько своим примером. К великому утешению братии, каждый день совершал он Божественную литургию. Никакая усталость, никакие дела и заботы не могли помешать ему первым являться в церковь ко всякому Богослужению, и выходил он из церкви всегда последним. В продолжении всей службы Божией он стоял как свеча и

отнюдь не позволял себе пригоняться к стене, «что знаменовало, — но выражению святителя Московского Филарета, — мысль в Богомыслии водруженную, и дух непобеждаемый леностию тела». Сидения в церкви не допускал — никогда. Памятуя слова Господа: *иже аще хощет в вас быти старей, да будет всем раб* (Мк. 10, 44), он и в сане игумена продолжал по-прежнему служить братии в домашних делах: он сам скатывал свечи, варил кутию, или коливо, которое в те времена было приносимо в церковь на память всех великих святых, особенно же просфоры всегда приготовлял сам, не допуская никого из братии участвовать в этом, хотя, конечно, многие и желали того; даже и пшеницу для сего молол сам. А потом приносил сии чистые труды благоговейных рук своих к алтарю Божию для бескровной жертвы Господу Богу.

В начале игуменства преподобного Сергия, как мы уже говорили, число братии в его обители не превышало двенадцати. Так было до 1357 года, когда пришел к нему архимандрит Симон — первый принятый им сверх сего числа. С этого времени число братии стало возрастать: «Многие христолюбцы, имена коих записаны у Господа в книге жизни, — говорит блаженный Епифаний, — стали издалека приходить к Сергию, оставляя суету житейскую и приклоняя свои главы под благое иго Господне». Кажется, всего чаще приходили к нему земляки-ростовцы: кроме Елисея и Онисима мы знаем Андроника и Афанасия, уроженцев ростовских.

Упомянутый выше архимандрит Симон был дивный муж, старейший из архимандритов области Смоленской, известный своими добродетелями и строгою жизнию. Слушая рассказы о подвигах преподобного Сергия, он возгорелся ревностию по Боге, оставил свое настоятельство в

Смоленске, оставил почет и уважение, коими пользовался там, оставил наконец родную сторону, расстался с друзьями и всеми близкими и с посохом простого странника пришел в пустыню Радонежскую. С глубоким смирением просил он преподобного Сергия принять его в число своих послушников, и преподобный с любовию и радостию принял смиренного архимандрита. Много лет провел усердный Симон в послушании у святого игумена; на его пожертвование был построен более просторный — но только деревянный, как и первый — храм Живоначальной Троицы; украшенный всеми добродетелями подвижника пустыни, в глубокой старости преставился он к Богу, и преподобный игумен с великою честию проводил его в могилу.

Мало-помалу расширялась обитель Сергиева и принимала вид вполне благоустроенного монастыря. Там, где прежде была непроходимая чаща, где некогда бродили страшные медведи и никогда не ступала нога человеческая, там теперь расцвела пустынная обитель; ее келлии, сначала разбросанные без порядка по дремучему лесу, мало-помалу, были поставлены четвероугольником вокруг церкви, которая таким образом стояла среди монастыря в своей скромной пустынной красоте и была видима из всех келлий. И в этой церкви, и в этих убогих на вид келлиях не умолкало славословие Господу, и в тишине пустынной смиренные иноки неустанно трудились под опытным руководством своего святого игумена Сергия над очищением своего сердца от страстей, стараясь вовсе позабыть о том, что там, за пределами их заветной пустыни, есть другой мир, который шумит и волнуется как море непостоянное, погружая людей в мутные волны житейской суеты... «Есть, — замечает преподобный списатель жития Сергеева, — есть в древних книгах отеческих такое сказание: сошлись однажды святые

отцы и повели между собою беседу о последних временах. В пророческом духе говорили они, что в последние времена люди будут слабы, и не будет среди них таких великих подвижников, каковы были первые отцы-пустынножители. Но вот Бог укрепил преподобного Сергия и в последнем роде и явил в нем как бы одного из древних отцов. Он водворился в глуши лесной, не страшась привидений диавольских, и за то Бог оградил обитель его полками ангельскими. Многие приходили к нему, чтобы спасать души свои под его мирным кровом, и никому он не отказывал — ни старому, ни юному, ни богатому, ни убогому; всех принимал он с радостию и с любовию, по слову евангельскому: *грядущаго ко мне не изжену вон* (Ин. 6, 37), — только не скоро постригал. Прикажет, бывало, одеть пришельца в длинную свитку из грубого черного сукна и велит ему проходить какое-нибудь послушание вместе с прочими братиями, пока тот не навыкнет всему уставу монастырскому; потом облечет его в одежду монашескую, — или, как ныне говорят, в рясофор, — и только после тщательного испытания пострижет уже в мантию и даст ему клобук. А когда видел, бывало, что который-либо инок стал опытен в духовном подвиге, такового удостоивал и святой схимы».

Одним из правил порядка, установленного преподобным Сергием в своей обители, требовалось, чтобы после повечерия братия не ходили из келлии в келлию и не беседовали друг с другом, кроме крайней нужды, когда, например, нужно было побывать зачем-нибудь у самого игумена; каждый в своей келлии должен был заниматься молитвою и рукоделием. Преподобный сам строго наблюдал за исполнением этого правила. Бывало, в глубокий вечер, особенно в долгие осенние и зимние ночи, заботливый игумен, совершив свою келейную молитву, тихо обходит все

келлии, и через малые волоковые оконца замечает: кто чем занимается. Если инок стоит на молитве или занят своим рукоделием — пишет, читает святую книгу — или же погружен в размышление о грехах своих, — святый игумен радуется, благодарит за него Бога и молится, чтоб Господь подкрепил труженика в подвиге спасения. А если слышит он беседу непозволенную, то ударяет в дверь или в окно и удаляется. Наутро же призывает к себе празднословивших, кротко вступает с ними в разговор об обязанностях монашеских и, не обличая прямо, говоря будто о других, склоняет их к смиренному признанию в прегрешении; кроткий и послушливый инок тут же, бывало, сознается и со смирением просит и получает от своего аввы прощение; но случалось и то, что неразумный инок уклоняется от признания; тогда авва с кротостию и любовию обличает его, по слову Псалмопевца: *накажет мя праведник милостию и обличит мя* (Пс. 140, 5); если же и тут инок упорствует, преподобный налагает на него какую-нибудь епитимию. Так любящий отец подавал руку помощи немощным чадам своим; так умел он совмещать кротость с строгостию, не послабляя нерадению и не подавая повода к унынию! Нельзя без умиления читать страницы древнего жития, повествующие о том, как Сергий воспитывал своих иноков, с какою любовью, с каким терпением и знанием человеческого сердца он следил за теми, которые вверили себя его мудрому руководительству. Можно сказать, что он глаз не спускал с каждого новичка, возводя его со степени на степень иноческого искуса, постепенно приучая его к самоотверженному труду, к строгому порядку в занятиях, помыслах, чувствах и подвигах. Богомудрый наставник терпеливо трудился над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособляя их к целям всего братства. По последующей самостоя-

тельной деятельности учеников преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством ученики не обезличивались; напротив, каждый, постепенно очищая свое сердце от страстей, в то же время служил Богу теми свойствами своей души, какими его Бог наделил. Наблюдение и любовь к людям, собственный духовный опыт, а наипаче благодать Божия, обитавшая в его чистом сердце и преисполнявшая его тихою духовною радостью о Господе, дали ему уменье и способность тихо и кротко настроивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее чувства, умиляя сердце речами благоуветливыми. «Слышахом, — писал о преподобном Сергие другой преподобный, живший спустя только сто лет после него, Иосиф Волоколамский, — слышахом о блаженном Сергие и о прочих святых от неложных свидетелей, иже бяху в лета их, яко толику бодрость и тщание имеяху о пастве, яко нимало небрежение или преслушание презрети. Бяху бо милостиви, егда подобаше, и напрасни (строги), егда потреба бываше, и обличающе, и. понуждающе ко благому согрешающие; непослушающие же не оставляху своим волям последовати, но всячески возбраняху и от Церкви отлучаху».

Таковы были порядки в пустыни Радонежской в первое время игуменства Сергиева. Число братства постепенно возрастало. «Добродетель, — говорит блаженный Епифаний, — так же творит явным стяжавшего ее, как зажженная свеча — носящего оную. И как оленей привлекают к себе источники вод, так и жаждущих спасения влекли к себе благодатные дарования души Сергиевой».

Глава X

ПУСТЫННАЯ НИЩЕТА

Апостол Павел, по его собственным словам, день и ночь работал своими руками, чтоб не жить на чужой счет и не быть никому в тягость, хотя, как благовестник спасения, и имел на то полное право (см.: 1 Сол. 2, 7 и др.). Такого же правила строго держались и святые подвижники Христовы; то же узаконил в своей обители и преподобный отец наш Сергий. Он строго запрещал братии выходить из монастыря для собирания по селам и деревням подаяния от мирян на обитель; каждый инок должен был доставать сам для себя пропитание трудами рук своих, а в случае недостатка — просить и с терпением ожидать милости от Бога. Так учил он и словом, и собственным примером. Понятно, что это было нелегкое правило даже и для такого монастыря, который находился недалеко от мирских селений и чаще посещался богомольцами; а обитель преподобного Сергия в то время была в полном смысле слова пустынею: «На далекое расстояние, — рассказывает блаженный Епифаний, — ее окружали густые непроходимые леса, изобиловавшие всякими дикими животными, от робкого зайца до кровожадного волка и страшного медведя». Даже полсотни лет спустя после того времени, о коем мы говорим, во время игуменства

преподобного Никона, когда вокруг обители уже было немало мирских поселений, по лесным рекам, в окрестностях лавры, ловили бобров; что же было раньше, когда тут не было поблизости даже отдельных дворов и к обители едва можно было пробраться по узкой и прерывающейся тропинке? В такой глуши кто стал бы посещать пустынников и приносить им что-нибудь из жизненных припасов? С другой стороны, в обители не было тогда учреждено правильного общежития: пустынники имели общение друг с другом только в молитвенных собраниях церковных, остальное время дня и ночи каждый трудился для себя, в своей уединенной келлии: ни общей трапезы, ни общих послушаний еще не было. Не удивительно посему, что богатая благочестием пустыня Сергиева часто нуждалась в самом необходимом. Чего ни хватись — всего нет, как выражается блаженный списатель жития Сергиева: нередко случалось, что ни у кого из братии не было ни куска хлеба, ни горсти муки, — даже недоставало соли; о масле же и других приправах нечего было и говорить. И много приходилось пустынникам терпеть нужды при таких суровых порядках пустынного жития; но Сергий веровал Богу верою твердою, испытанною скорбями, и Бог исполнял по вере его; он уповал, и упование никогда не посрамляло его!

Случалось, что недоставало вина для совершения литургии, пшеницы — для просфор, фимиама для каждения, и тогда пустынники терпели лишение Божественной литургии; недоставало воска для свеч, елея для лампад: они зажигали березовую или сосновую лучину, которая с треском и дымом светила их чтению и пению, и вот при таком-то освещении они отправляли утреннюю или всенощную службу, с трудом читая в полумраке каноны и Псалтирь! Нужно ли говорить, что такое служение было не

менее приятно Богу, как и торжественная служба, совершаемая в величественных храмах при свете бесчисленных лампад и множества светильников; а сердца святых подвижников горели тише и яснее всяких свеч, и пламень их молитвы трепетал воздыханиями, из глубины сердечной восходившими к престолу Божию!

По свидетельству преподобного Иосифа Волоколамского, в обители Сергиевой бывала такая нищета, такое нестяжание, что и самые книги иногда писались не на хартиях, а на берестех, потому что у пустынников не было средств достать пергамента. Самая святыня не блистала тогда золотом: и поныне благочестивые поклонники с благоговейным удивлением рассматривают хранимые в лаврской ризнице заветные памятники этой заветной нищеты: деревянные сосуды, употреблявшиеся преподобным Сергием при совершении Божественной литургии, и простое крашенинное его облачение...

Сам преподобный игумен всего менее заботился о насущном хлебе лично для себя, и потому нередко случалось, что недостаток в пропитании ему приходилось терпеть прежде всех. И он, постившийся еще в колыбели младенческой, с благодарным сердцем переносил всякое лишение, подавая собою пример всей братии. Так, однажды у него не было ни хлеба, ни соли, и во всем монастыре ощущалась крайняя скудость в пище. Три дня провел смиренный игумен без пищи, а на рассвете четвертого взял топор и пошел к одному из братии, по имени Даниилу.

Слышал я, старче, — сказал он своему сподвижнику, — ты хочешь пристроить сени к своей келлии; позволь мне построить их для тебя, чтоб руки мои не были без дела.

Правда, — отвечал ему Даниил, — мне очень бы хотелось построить их; у меня уже все и для работы давно заготовлено, и вот только поджидаю плотника из деревни. А тебе как поручить это дело? Пожалуй, запросишь с меня дорого.

Эта работа недорого тебе обойдется, — сказал ему Сергий, — мне вот хочется гнилого хлеба, а у тебя он есть; больше этого с тебя не потребую. Разве ты не знаешь, что я умею работать не хуже плотника? Зачем же тебе, старче, звать другого плотника помимо меня?

Тогда Даниил вынес ему решето с кусками гнилого хлеба, которого он сам не мог есть, и сказал:

- Вот, если хочешь, возьми все, что тут есть, а больше не взыщи.

- Хорошо, — сказал трудолюбивый шумен, — этого с избытком довольно для меня; побереги же до девятого часа: я не беру платы прежде работы.

Сказав сие, он крепко подтянул себя поясом и принялся усердно за работу. С раннего утра до позднего вечера, несмотря на голод, он пилил, тесал доски, долбил столбы и при помощи Божией окончил постройку. Солнце уже скрылось за дремучим лесом, когда старец Даниил снова вынес ему гнилые куски хлеба, как условленную плату за труд целого дня. Положив их пред собою, подвижник помолился, благословил их и начал есть с одною водою, даже и без соли. Это был его и обед и вместе ужин!

Некоторые из братии при этом заметили, что когда он вкушал в поте лица заработанный им хлеб, то из уст его исходила пыль от гнилости хлеба, и, конечно, немало дивились великому терпению своего игумена, который и такую дурную пищу не хотел принять без труда. Так строго

держался он заповеди апостола Христова: *аще кто не хощет делати, ниже да яст* (2 Сол. 3, 10). А взирая на его пример, и братия укреплялись в подвиге терпения.

Но где люди, там и немощи. Нашлись такие, которые поголодали дня два и заропта́ли... Один из таких нетерпеливцев решился даже сказать от лица всех игумену:

— Вот, мы смотрели на тебя, все тебя слушались, а теперь приходится умирать с голоду, потому что ты запрещаешь нам выходить в мир просить милостыни. Потерпим еще сутки, а завтра все уйдем отсюда и больше не возвратимся: мы не в силах выносить такую скудость, такие гнилые хлебы!

Преподобный игумен видел, что братиею начинает овладевать дух уныния; нужно было подкрепить их малодушие. И вот он созвал к себе всех иноков и с обычною кротостию повел с ними такую беседу:

— О чем скорбите вы, братия мои? Зачем так смущаетесь? Уповайте на Господа, ибо сказано: *воззрите на древний роды и видите... кто верова Господеви и постыдеся...* Кто веровал слову Его и обманулся? *Или кто пребыстъ во страсе Его и оставися* (Сир. 2, 10)... Кого из призывающих Его Он не услышал? Не Я ли, глаголет Господь, не Я ли податель всякой пищи? Не Я ли извожу плоды от земли и наполняю ими житницы? Не Я ли кормитель всего мира, питатель всей вселенной, подающий пищу всякой плоти, отверзающий щедрую руку Свою во благо время, насыщающий всякое животное благоволением? Братие мои! и во святом Евангелии Господь сказал: *Ищите... прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам... Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш*

Небесный питает их... не много ли паче вас маловери (Мф. 6, 33. 26. 30). А мы разве напрасно и бездельно подвизаемся? Мы ожидаем получить за свои подвиги жизнь вечную. Люты скорби, но сладок рай; болезненны труды, но вечная за них награда! Не поленимся, братие! Потерпим хоть немного, чтобы получить нетленные венцы от Христа Бога, Который Сам говорит: *в терпении вашем стяжите душы ваша* (Лк. 21, 19), ибо *претерпевши... до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). Вот, — продолжал угодник Божий, — вы скорбите из-за недостатка пищи; но ведь это случилось на краткое время, ради испытания веры нашей; ведь если вы перенесете это лишение, как подобает инокам, с верою и благодарением, то это самое искушение вам же послужит на пользу. Благодать Божия ведь никому не дается без скорбей и искушений: без огня, говорит святый Лествичник, и золото не бывает чисто. А вот, даст Бог, минует скорбь — дождемся радости; ведь так обыкновенно бывает, что радость следует за скорбию: *вечер,* сказано, *водворится плач, а заутра радость* (Пс. 29, 6). Так и вы: сегодня терпите оскудение хлеба и недостаток всякой пищи, а завтра — Бог пошлет — вы будете наслаждаться в изобилии и ястием, и питием, и всем потребным. Я, грешный, верую, что Бог не оставит места сего и живущих в нем.

Так утешал скорбящую братию святой игумен, и Бог действительно чудесным образом оправдал веру его. Еще он беседовал с братией, как послышался сильный стук в монастырские ворота; привратник взглянул в окошечко и увидел — к воротам кто-то привез много хлеба. Будучи сам очень голоден, от радости он не отпер ворота и побежал к преподобному.

Отче, — говорил он, — привезли много хлебов, — благослови принять! Вот по твоим святым молитвам они у ворот!

Отвори им, пусть войдут, — сказал игумен.

Монастырские ворота отворились, и в них въехало несколько повозок, нагруженных печеным хлебом, рыбою и другими припасами для монашеской трапезы. Все прославили милосердие Божие, а преподобный Сергий весело сказал:

— Ну вот теперь вы, алчущие, накормите кормильцев ваших, позовите их разделить с нами общую трапезу, угостите их и успокойте, как следует.

И немедленно он приказал ударить в било и всем идти в церковь; тут он отслужил благодарственный молебен Господу Богу, милующему и питающему рабов Своих, и только после сего благословил братии садиться за трапезу. Все сели, и сам игумен стал оделять братию привезенными хлебами. Они были теплы и мягки, как будто только что испечены, и на вкус были необыкновенно приятны, будто печены были с маслом, с медом или с каким-либо благовонным зелием. Так некогда манна, сей хлеб ангельский, по выражению Псалмопевца, имела для израильтян особенную сладость во вкусе. И преподобному Сергию за его дивное терпение взамен черствых корок гнилого хлеба послал Бог эту чудную пищу, ибо терпение убогих не погибнет до конца.

За трапезою святой игумен сказал:

— Где же тот брат, который роптал на заплесневшие хлебы? Пусть войдет сюда и отведает, какую пищу послал нам Господь; пусть при этом вспомнит царя и пророка Давида,

который *пепел ико хлеб вкушал, и питие* слезами растворял (Пс. 101, 10).

Потом преподобный спросил: «А где же наши благодетели?» Но никто не мог ответить ему на этот вопрос; все только смотрели в недоумении друг на друга.

Разве я не говорил вам, — сказал игумен, — чтобы вы пригласили их к трапезе? Почему же их нет?

По слову твоему мы звали их, отче, — отвечали иноки. — Мы даже спрашивали их, от кого все это прислано? Но они только сказали нам, что. один христолюбец, человек богатый, прислал их издалека, чтобы передать тебе эти припасы, а от трапезы отказались и говорили, что им дано еще другое поручение, которое должны также немедленно исполнить, и потому спешат в дорогу.

Можно себе представить общее удивление, когда узнали, что хлебы привезены издалека, а между тем они были еще теплые, как бы только что вынутые из печи!

Преподобный игумен воспользовался сим случаем для назидания своей братии.

— Видите сами теперь, — сказал он, — что Господь не оставляет места сего и рабов Своих, которые служат Ему здесь с верою день и ночь и терпят с благодарением всякое лишение. Помните же слово апостола: *имеюще же пищу и одеяние, сими доволни будем* (1 Тим. 6, 8). Зачем нам излишне заботиться о телесных потребностях? Лучше будем всегда уповать на Господа, Который пошлет все, что нужно и полезно и душе и телу нашему. Тот, Кто сорок лет питал в пустыне непокорных и неблагодарных израильтян, ниспосылая им манну с небес и крастелей досыта, разве не силен пропитать и нас, Ему работающих? Или Его

могущество и благость истощились мы не и Он перестал промышлять о Своих созданиях? Нет, братие! Как в древние времена, так и теперь — Он един и тот же всеблагий Бог, всегда готовый подать нам все потребное для жизни нашей!

Сильно подействовал этот урок на малодушных, и с того времени не было слышно ропота при случавшихся недостатках в чем-либо. А между тем, рассказывает блаженный Епифаний, к большему укреплению веры в промысл Божий, и на другой, и на третий день неведомые благотворители присылали в обитель обильную пишу для братии. Так Господь оправдывал упование Своего избранника на Его Божественное промышление.

Не раз, впрочем, и в других случаях, когда сего требовало или назидание братии, или же вообще человеколюбие, вера преподобного Сергия проявляла себя с тою силою, какую присвояет ей Христос Спаситель, когда говорит: *вся елика аще воспросите в молитве верующе, приимете* (Мф. 21, 22). Был, например, такой случай, возбудивший сперва ропот, а потом обратившийся во славу Божию по молитвам угодника Божия. Когда преподобный избирал себе место для пустынного безмолвия, он вовсе не заботился о том, чтобы иметь воду поблизости; трудолюбивому подвижнику даже было приятно носить ее из-далека, дабы тем еще более утруждать свою плоть. Так было до семи лет по основании обители. Но с умножением братии недостаток воды становился все ощутительнее. Не раз братия жаловалась ему, что приходится далеко ходить за водою, и некоторые, менее терпеливые, даже говорили ему с упреком: «Для чего на таком месте построил ты обитель?» — На это преподобный отвечал: «Я хотел здесь безмолвствовать один; Богу угодно было воздвигнуть здесь обитель во славу Его Пресвятого Имени; дерзайте в молитве и не унывайте; если Он

в безводной пустыне дал воду из камня непокорному народу еврейскому, то неужели Он оставит вас, работающих Ему на сем месте день и ночь?»

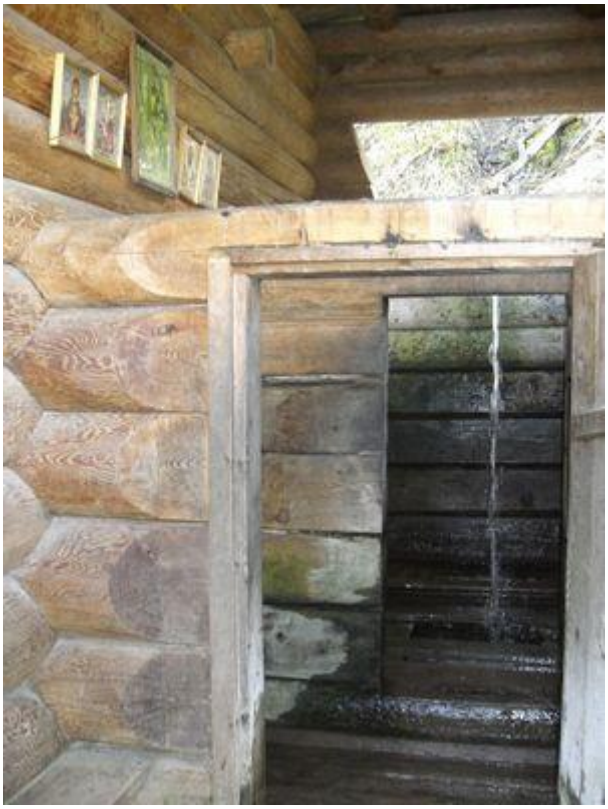
Раз после такого наставления братии он взял с собою одного инока и пошел с ним в лесной овраг под монастырем; тут он нашел немного дождевой воды, преклонил над нею колена и помолился так: «Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю, и все видимое и невидимое, создавший человека и не хотящий смерти грешника! Молим Тебя мы, грешные и недостойные рабы Твои: услыши нас в час сей и яви славу Твою! Как в пустыне чудодействовала крепкая десница Твоя, от камня воду источив, так и здесь яви силу Твою — даруй нам воду на месте сем, и да разумеют все, что Ты послушаешь боящихся Тебя и имени Твоему славу воссылающих — Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков, аминь!»

Так молился угодник Божий, и, едва произнес он эту молитву и осенил крестным знамением место, где стояла дождевая вода, как вдруг из-под земли пробился обильный источник холодной ключевой воды, и она потекла быстрым ручьем по долине... С той поры многолюдная обитель Сергиева не имела недостатка в воде; преподобный Епифаний, ученик Сергиев, свидетельствует, что бывали исцеления от воды сей, и даже издалека присылали за нею для болящих, так что ручей тот получил прозвание Сергиевой реки, и в этом наименовании сказалось чувство благодарности к угоднику Божию. Но смиренный чудотворец, узнав об этом, призвал к себе старейших из братии и сказал им:

— Братие мои, — ведь не я вам воду дал, — это Господь милосердый утешил нас, недостойных, Своею милостию. Зачем

же вы зовете источник моим именем? При чем тут я, грешный?

И с того времени братия из послушания к заповеди своего святого аввы мало-помалу отвыкли от сего наименования.



Гремячий ключ, родник, часовня-купель Сергия Радонежского в наши дни (http://sobory.ru/)

«О достолюбезное, святое смирение! — размышляет по поводу этого рассказа один проповедник слова Божия. — Ты не видишь даже и того, что чудеса творишь; ты всегда и во всем видишь только одну благодать Божию да свое недостоинство!.. Ты боишься, угодниче Божий, как бы люди не почли тебя за святого человека; ты готов бы убежать, укрыться в глушь лесную, в чашу непроходимую, в темные пещеры и мрачные дебри пустынные, чтобы не славили люди имя твое, не указывали на тебя, как на Божия избранника!.. А

мы, грешные... сделаем что-нибудь доброе, — и то иногда с грехом пополам, да сами же и начинаем трубить о том!.. Если же иной раз, из приличия, чтобы не называли нас самохвалами, и молчим о себе, зато уж как же бываем довольны, как утешаемся, когда другие скажут о нас словечко доброе! Точно малые дети игрушкой — так и мы забавляемся похвалою людской! Как же не. сказать после этого, что как небо от земли, так и наша жизнь далека от святой жизни угодников Божиих? А вся беда наша в том, что смирения у нас нет, — нет ни единой крупицы этого некрадомого сокровища небесного, этого злата мытарева, которым так богаты были святые угодники Божий, а без этого золота нельзя купить и Царства небесного, — без смирения все наше добро — мишура одна, а не золото!»

Но чтобы стяжать себе хотя малую крупицу этого многоценного в очах Божиих золота, нам должно чаще переноситься мыслию и сердцем в те давние времена, когда жили святые угодники Божий, подобные Богоносному Сергию, чтобы привитать духом около избранников благодати и поучаться у них Христоподражательному смирению. С *преподобным,* сказано, *преподобен будеши* (Пс. 17, 26), и незаметно для самого себя навыкнешь мыслить и жить по примеру преподобных. В этом мысленном и духовном общении с преподобным Сергием любил привитать в Бозе почивший святитель митрополит Филарет; в этом общении он почерпал великую силу благодатного помазания, когда из его сердца изливалось умилительное слово, дышащее беззаветною любовию к самому месту обитания Сергиева. Не можем не привести здесь этого трогательного обращения его к пустыне Сергиевой.

— Прости мне, — так взывал он, — великая лавра Сергиева, если мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергия. Чту и в красующихся ныне

храмах твоих дела святых, обиталища святыни, свидетелей праотеческого и современного благочестия; люблю чин твоих Богослужений, и ныне, с непосредственным благословением преподобного Сергия, совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, не поколебавшиеся и тогда, когда колебалась было Россия; знаю, что и лавра Сергиева и пустынь Сергиева одна и та же, освященная благодатию, которая обитала в преподобном Сергие, в его пустыне, и еще обитает в нем и в его мощах, в его лавре; но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом лаврою. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем, с треском и дымом, горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свещи, и пламень их досягает до неба, и Ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной... Отворите мне дверь тесной келлии, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором отпечатлено столько глаголов духовных, пророчественных, чудодейственных... Дайте мне облобызать праг ее сеней, который истерт ногами святых и чрез который однажды переступили стопы Царицы небесной... Укажите мне еще другие сени другой келлии, которые в один день своими руками построил преподобный Сергий и в награду за труд дня и глад нескольких дней получил укрух согнивающего хлеба... Посмотрел бы я, как, позже других насажденный в сей пустыне, преподобный Никон спешно растет и созревает до готовности быть преемником преподобного Сергия... Послушал бы молчания Исаакиева, которое, без сомнения, поучительнее моего слова... Взглянул бы на благоразумного архимандрита Симона, который довольно

рано понял, что полезнее быть послушником у преподобного Сергия, нежели начальником в другом месте... Ведь это все здесь: только закрыто временем или заключено в сих величественных зданиях как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге! Откройте мне ковчег, покажите сокровище: оно непохитимо и неистощимо; из него, без ущерба его, можно заимствовать благопотребное, например, безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования...

Глава XI

СМИРЕННЫЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Льготы, объявленные наместником князя Андрея Радонежского для переселяющихся в его родной удел, мало-помалу привлекали новых поселенцев, которые подвигались незаметно своими поселками к обители Сергиевой; однако же в продолжение десяти — двенадцати лет после ее основания обитель оставалась как бы в стороне от мира, отделенная от него дремучими лесами. Но с течением времени слава о подвигах преподобного Сергия распространялась все больше и больше, а потому и место его пребывания становилось все открытее. Около 1352—1354 годов, при великом князе Иоанне Иоанновиче, брате Симеона Ивановича Гордого, В окрестностях обители Сергиевой стали кое-где селиться земледельцы; никогда не запрещал им вырубать леса, до которых не касалась еще рука человеческая. Мало-помалу обратили дебри пустынные в чистое поле, которое засевали хлебом; в пролесках поставили одиночные дворы, а в иных и селения, и таким образом, — как, не без сожаления, выражается блаженный списатель жития Сергиева — «исказиша пустынь, и не пощадеша, и составиша селы и дворы многи...». Затем проложена была мимо монастыря большая дорога в северные города, и обитель стали посещать не только простые

люди, но и бояре. «Мир, — говорит один историк, — приходил в монастырь Сергиев, и то, что он видел здесь, быт и обстановка пустынного братства, уже поучали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие. В монастыре все было бедно и скудно, или, как выразился разочарованно один мужичок, пришедший издалека в обитель преподобного Сергия повидать прославленного, величественного игумена, «все худостно, все нищетно, все сиротинско»; в обиходе братии столько же недостатков, сколько заплат на сермяжной рясе игумена; но все дружны между собою и приветливы к пришельцам; каждый делает свое дело; каждый работает с молитвой, и все молятся после работы; во всех чуется скрытый огонек, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту обитель труда и молитвы. Мир видел все это и уходил ободренный, освеженный, подобно тому, как мутная волна, прибивая к прибрежной скале, отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте, и бежит далее светлой и прозрачной струей...» Таково было впечатление обители Сергиевой на всех, кто ее посещал тогда, — впечатление глубоко благотворное и назидательное. Незаметно, подобно закваске, о которой говорит Спаситель в Своей притче, это впечатление ложилось на душу посетителей и уносилось ими в их родные семьи, как светлый пример жизни по заповедям Божиим. Но не в этом только впечатлении была главная сила, самое важное, что влекло в тихую, бедную обитель Сергиеву православных русских людей: их привлекал сюда светлый образ самого дивного подвижника, они шли сюда за тем, чтоб попросить у него молитв, получить от него благословение, услышать от него слово духовного назидания, открыть ему свои скорби душевные и в беседе с ним найти себе утешение и подкрепление. Чудный некогда юноша Варфоломей стал

теперь великим Сергием, который был всем для всех, чтобы всех руководить ко спасению. И он тихо совершал это великое дело, как «святое послушание», возложенное на него Господом. Целые полвека приходившие к нему вместе с водой из его источника черпали в его келлии утешение и ободрение и, возвращаясь в свой круг, по каплям делились им с другими, так что к концу жизни великого старца Божия «едва ли, — как выражается тот же почтенный историк, — вырывался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох, который бы не облегчался молитвенным призывом имени святого старца».

Особенно привлекала к преподобному молва о чудесных знамениях, в которых проявляла себя благодать Божия, обильно почившая на своем избраннике. Сии благодатные знамения открылись молитвенным изведением источника в пустынном овраге у стен обители; но преподобный Епифаний повествует и о других, более разительных чудесах угодника Божия. Послушаем теперь рассказы о них блаженного ученика Сергиева.

Жил в окрестностях его обители один благоговейный муж, имевший большую веру к преподобному. У него был единственный сын-малютка, который опасно заболел. С верою понес его в обитель на своих руках скорбящий отец. «Только бы мне донести его до человека Божия, — рассуждал благочестивый муж, — а там — я верю, что он непременно исцелит его». И он донес сына живым до келлии преподобного; но пока он слезно умолял смиренного игумена помолиться об исцелении дитяти, пока Сергий готовился совершить молитву, мальчик от жестокого припадка испустил дух...

Потеряв последнюю надежду, огорченный родитель с плачем стал укорять преподобного Сергия, что он вместо же-

ланного утешения только увеличил его скорбь: «Что же мне теперь делать? — взывал он. — Лучше бы для меня было, если бы мальчик мой умер дома, — тогда, по крайней мере, я не оскудел бы верою, которую доселе питал к тебе, человече Божий!»

И безутешный отец оставил своего мертвеца в тесной келлии подвижника, а сам пошел приготовить гроб для любимого дитяти...

Сжалился угодник Божий над несчастным родителем; оставшись наедине с умершим отроком, он преклонил колена и стал молиться... Еще не окончил он своей молитвы, как вдруг дитя ожило, открыло глаза и протянуло ручки к преподобному молитвеннику...

Возвратился отец. Он принес все нужное для погребения; но святой игумен встретил его на пороге келлии словами:

— Напрасно ты, человече, не рассмотрев, так возмутился духом; видишь, отрок твой вовсе не умирал.

Изумленный родитель не хотел верить словам его; но увидев сына живым, пал к ногам человека Божия...

— Ты обманываешься и не знаешь сам, за что благодаришь, — говорил ему смиренный подвижник. — Когда ты нес сюда больного отрока, он изнемог от сильной стужи и впал в обморок; а тебе показалось, что он умер. Видишь, он вот согрелся у меня в теплой келлии, а тебе опять показалось, что он воскрес...

Счастливый отец стал было настойчиво утверждать, что его сын действительно ожил молитвами преподобного; но святой строго запретил ему об этом говорить:

— Если ты осмелишься рассказывать кому-нибудь, — промолвил он, — то и вовсе лишишься сына.

Тот обещал молчать и, взяв малютку, теперь совершенно уже здорового, возвратился домой, прославляя Бога, творящего чудеса чрез Своего угодника. Боясь потерять сына, он, конечно, не смел разглашать о совершившемся чуде; но в силах ли он был скрыть от всех радость родительского сердца? Первый заметил эту радость келейный ученик преподобного, чрез которого и стало известно впоследствии это чудо, записанное с его слов и блаженным Епифанием.

Из многих чудесных исцелений, совершившихся по молитвам преподобного Сергия, Епифаний рассказывает о следующих двух. Один из окрестных жителей заболел тяжкою болезнию: в течение трех недель он не мог ни заснуть, ни принять пищи. Его родные братья решились обратиться за помощию к угоднику Божию.

— Столько чудес творит Господь руками блаженного старца, — говорили они, — может быть, он смилуется и над нами.

И вот они принесли больного в обитель и, положив к ногам Сергия, усердно просили его помолиться за немощного. Преподобный с молитвою покропил болящего святою водою, и он в ту же минуту почувствовал облегчение, тут же крепко заснул, а проснувшись, в первый раз после столь продолжительной болезни пожелал вкусить пищи, и преподобный сам предложил ему оную и отпустил от себя совершенно здоровым.

Другой случай исцеления был с бесноватым вельможею, которого привели к преподобному с отдаленных берегов Волги.

Этот знатный человек находился в исступлении ума; мучимый злым духом, он кусался и бился с такою нечеловеческою силою, что десять человек не могли удержать его; приходилось усмирять его железными цепями, Но и те он нередко разбивал на себе. Подобно упоминаемым в Евангелии Гадаринским бесноватым, он убегал от людей в пустынные места и там бродил как бессмысленное животное, пока не находили его домашние. И вот когда достигла молва народная о радонежском пустыннике-чудотворце до этого далекого края, сердобольные родные решились отвезти несчастного вельможу к человеку Божию. Многих трудов стоило им исполнить свое благое намерение; бесноватый всеми силами противился этому и кричал диким голосом:

— Куда вы меня тащите? Не только видеть, но и слышать не хочу о Сергие.

Но его сковали цепями и повезли. Когда они были уже в виду обители, бесноватый вдруг рванулся с такою силою, что разбил на себе оковы, и, бросаясь на всех окружающих, кричал:

— Не могу! Не хочу!.. Вернусь туда, откуда пришел!

Его голос был так страшен, что казалось, сам несчастный расторгнется на части, и дикие вопли его были слышны внутри ограды монастырской. Сказали об этом преподобному; он немедленно велел ударить в било и собраться братии в церковь; началось молебное пение о болящем, и тот стал мало-помалу укрощаться. Родным удалось ввести его в монастырь; преподобный Сергий вышел из церкви с крестом Господним в руке. Лишь только угодник Божий осенил им бесноватого, как тот с диким воплем отскочил в сторону... Недалеко была вода,

скопившаяся от проливного дождя; увидев ее, больной бросился в лужу с ужасным криком:

— Горю, горю страшным пламенем!..

И с той минуты стал здрав благодатию Христовою и молитвами преподобного Сергия. Рассудок возвратился к нему, и на вопрос: зачем он бросился в воду, когда увидел Сергия? — он спокойно отвечал:

— Когда привели меня к преподобному и он хотел осенить меня крестом, я увидел великий пламень, который исходил от креста и охватил меня со всех сторон; вот я и бросился в воду, чтобы не сгореть.

Несколько дней провел исцеленный вельможа под благодатным кровом обители Сергиевой, прославляя Божие милосердие, и с миром возвратился в свой дом.

По мере того как Господь прославлял Своего возлюбленного раба дивными знамениями благодатных исцелений и даром прозорливости, сей досточудный муж все более и более нисходил в глубину смирения. «Он бегал, — говорит святитель Платон, митрополит Московский, — суетной славы человеческой, как погибели, и почитал обидою для себя то, чего нередко с таким усилием домогаются, не пренебрегая никакими средствами, гордые властелины земли: теми руководит одно тщеславие, простирающееся до самозабвения, а им — одна пламенная, чистая святая любовь к Богу и ближнему».

С умножением числа посетителей, улучшилось и материальное благосостояние обители Сергиевой. Она уже не терпела такой нужды, как прежде; скромные потребности пустынножителей, при их собственных постоянных трудах, с избытком удовлетворялись приношениями благочестивых

посетителей и окрестных жителей, которые, сознавая великую духовную пользу от обитателей пустыни, с усердием доставляли все для них потребное, по слову апостола: *аще мы духовная сеяхом вам, велико ли, аще... телесная ваша пожнем* (1 Кор. 9, 11). Есть даже мнение, что еще при жизни преподобного Сергия его обители были пожалованы во владение некоторые ближайшие к ней села. По крайней мере об одном промысле известно, что он был пожертвован в обитель еще при жизни преподобного Сергия; это — половина варницы и половина соляного колодезя у Соли Галичской, что ныне город Солигалич, Костромской губернии; этот промысел пожертвован одним галичским боярином незадолго до смерти преподобного Сергия, когда он уже передал игуменство Никону. «Владение образовавшимися в окрестностях обители поселками, — говорит один ученый исследователь старины, — было в то время единственным средством как для содержания умножившейся братии, так и для ограждения самой обители от произвола соседних поселян, которые, не принадлежа монастырю, а другим владельцам, служили бы для него источником не благосостояния, а беспокойства и разорения. Во всяком случае, ясно, — заключает тот же списатель, — что запрета на приобретение населенных вотчин со стороны святого основателя обители преподобного Сергия не было; иначе воля его была бы законом для его блаженного ученика и непосредственного преемника, им самим избранного — преподобного Никона.

Итак, теперь обитель Сергиева изобиловала всем потребным; но душа Сергия была по-прежнему свободна от всякого пристрастия к земным вещам. Если случалось ему иметь в руках что-нибудь излишнее, он тотчас отдавал или в церковь, или беднякам. Жившие с ним много лет старцы

рассказывали преподобному Епифанию, что никогда новая одежда не восходила на тело его; никогда не одевался он в красивые или мягкие одежды, помня слово евангельское, что носящие такие одежды — *в домех царских суть* (Мф. 11, 8). Вместо дорогих сукон он носил сермяжную ткань из простой овечьей шерсти, да притом еще ветхую, которую, как негодную, другие отказывались носить. Большею частию такая одежда и сшита бывала его святыми руками и отличалась от одежды его сподвижников разве тем, что вся была покрыта заплатами и, по прекрасному выражению святителя Платона, «вместо дорогих камней обильно украшалась каплями его пота». Эта одежда у него была одна и та же — и летом, и зимою.

— За рай, который мы потеряли, — говаривал блаженный Сергий своим ученикам, — надобно теперь отложить одежды теплые; за грех мы некогда покрыты были одеждою, потерпим же теперь лишение одежды, чтобы облечься потом в нетленные ризы, — будем изнурять плоть, чтобы получить нетленные венцы от Христа Бога. — Так думал, так учил, так и сам поступал смиренный игумен Сергий.

Однажды не случилось хорошего сукна в его обители; была всего одна половинка, гнилая, какая-то пестрая и плохо сотканная. Никто из братии не хотел ею воспользоваться: один передавал ее другому, и так обошла она до семи человек. Но преподобный Сергий взял ее, сам скроил себе рясу и, надев ее на себя, не хотел уже более расставаться с нею, пока в продолжение одного года вся она не распалась от гнилости.

Нередко случалось, что люди, которые, по пословице, встречают по одежде, увидев его, не хотели верить, чтобы то был знаменитый игумен Сергий. Обыкновенно принимали

его за какого-нибудь странника или одного из последних трудников в его обители. По этому поводу блаженный Епифаний рассказывает один случай, прекрасно характеризующий смирение и кроткое, благостное устроение души преподобного Сергия. Кажется, Епифаний сам был свидетелем этого случая, который так глубоко запечатлелся в душе благоговейного ученика, что он передает его со всеми подробностями. Приводим его рассказ.

«Многие приходили издалека, желая хотя бы только взглянуть на преподобного. Много слышал о нем поселянин, простой земледелец, и пожелал видеть его. При входе в монастырскую ограду он стал спрашивать братию: где бы повидать их славного игумена? А преподобный в это время трудился на огороде, копая заступом землю под овощи.

— Подожди немного, пока он выйдет оттуда, — отвечали иноки пришельцу.

Нетерпеливый посетитель заглянул в огород через отверстие в заборе и увидел там смиренного старца в разодранной, ушитой заплатами одежде, трудившегося в поте лица над грядою.

Простодушный поселянин не хотел покорить, чтобы этот старичок был тот самый Сергий, которого он желал видеть. Он снова стал докучать братии, требуя, чтобы показали ему игумена.

Я издалека пришел сюда, чтобы видеть его, у меня есть до него важное дело, — говорил он.

Мы уже указали тебе игумена, — говорили ему иноки. — Если не веришь, что это он, то спроси его самого.

Тогда поселянин стал у калитки огородной, поджидая, пока выйдет старец.

Преподобный вышел, и случившиеся тут иноки опять показали на него поселянину, говоря:

— Вот он самый, кого тебе нужно. Но простец отвернулся от него в сторону и сказал:

— Я издалека пришел посмотреть на пророка, а вы мне показываете какого-то нищего!.. Напрасно же я трудился — шел сюда; я думал получить пользу душе своей в вашей честной обители, а вместо того встречаю только насмешки... Но я еще не дожил до такого безумия, чтобы почесть этого убогого старичка за того знаменитого Сергия, о котором так много слышал я славных вещей!..

Так рассуждал простец, в своем неведении смотревший на все только телесными очами, а не внутренними. Понятно, что братия оскорбилась за честь своего любимого игумена, и некоторые даже сказали преподобному:

— Только тебя не смеем, отче: а то гостя твоего мы выслали бы вон из обители — такой он невежа! Да еще нас же укоряет, будто мы смеемся над ним!..

Но человек Божий взглянул на них с удивлением.

— Нет, — сказал, — зачем выгонять его? Он не к вам пришел, а ко мне; не трогайте его; своими простодушными словами он не причинил мне никакого зла. Да если бы и погрешил он в чем-нибудь, то нам, духовным, подобает, по слову апостола Христова, *исправляйти таковаго духом кротости* (Гал. 6, 1).

И, не дождавшись себе поклона от поселянина, угодник Божий сам подошел к нему и с великим смирением

поклонился ему до земли... Потом поцеловал его, с любовию благословил и поблагодарил за то, что этот простец имеет об его убожестве надлежащее мнение... Так смиренномудрый радуется своему бесчестию и унижению столько же, сколько тщеславный приходит в восторг от почестей и похвал людских!

Но и этого мало: преподобный взял гостя за руку, посадил рядом с собою за трапезу и сам стал угощать его. Простодушный поселянин, видя такое радушие старца, поверил ему печаль свою, что доселе ему не удалось видеть игумена Сергия.

— Не скорби, брате, — утешил его преподобный. — Бог так милостив к месту сему, что никто отсюда не выходит печальным. И тебе Он скоро покажет, кого ты ищешь.

И вот они еще продолжали беседу, как в обитель прибыл князь (может быть, Радонежский), окруженный многочисленною свитою из бояр и рабов. Преподобный встал,

чтобы встретить именитого гостя, и рабы князя, расчищая дорогу для своего господина, далеко оттолкнули поселянина и от своего князя, и от игумена... Между тем прибывший князь еще издали смиренно поклонился до земли угоднику Божию, который поцеловал его и благословил; затем оба они сели, а все бояре и братия почтительно стояли вокруг них.

Смущенный простец ходил около них, стараясь сквозь толпу рассмотреть, который был Сергий; он опять спросил одного из иноков:

— Кто же этот чернец, что сидит направо от князя?

Инок взглянул на него с упреком и сказал:

— Разве ты пришлец здесь, что не знаешь преподобного отца Сергия?

Тогда только понял свое невежество поселянин и, укоряя себя, стал просить некоторых из братии, чтобы они попросили за него прощения у старца, которого он оскорбил своим невежеством.

— Вот уж справедливо зовут нас, мужиков, невежами, — говорил он. — Как будто я ослеп и не вижу, с кем говорю!.. С какими же глазами покажусь я теперь святому старцу?

Так горевал простодушный гость, и, дождавшись, когда князь вышел из обители, он бросился к ногам преподобного, умоляя простить его невежество и неверие.

Но смиренный игумен сказал ему: «Не скорби, чадо; один ты справедливо рассудил обо мне; ведь они все ошибаются!» И он утешил его назидательным словом, и отпустил его с благословением... Но доброе сердце простого человека так было тронуто смирением и любовию великого подвижника, что он скоро опять пришел в обитель, дабы уже никогда ее не

оставлять: здесь он принял пострижение и, потрудившись несколько лет, с миром преставился к Богу...

Глава XII

ПРОРОЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ И ДАЛЬНИЕ ПОСЛАНЦЫ

Дивен Бог во святых Своих! Прославляя Своих избранников, Он чрез них же устрояет и наше спасение. В истории Церкви Божией мы постоянно видим примеры такого попечительного промышления Божия; а в трудные для Церкви времена, когда благотребна была особенная помощь Божия к укреплению веры православной в сердцах людских или когда нечестие людское грозило подавить собою благочестие и веру православную, — в такие трудные времена Бог нарочито посылал особых избранников Своих, которые, будучи преисполнены благодати Божии, своею дивною жизнию, своим смирением привлекали к себе сердца людей, делались наставниками и руководителями в духовной жизни для всех, кто искал очищения от страстей и спасения души своей. Целые тысячи монашествующих воспитывались под их духовным руководством и потом расходились в разные стороны, основывали свои обители, — в свою очередь делались также наставниками других в иноческой жизни, делились добрым советом духовного опыта и с мирянами; были избираемы в сан святительский или же выходили на проповедь Евангелия к неверующим в истинного Бога. Каково же было их смирение, когда им и на мысль не приходило, что

они совершают великое дело Божие, что из их уединения, из их пустынь обильным потоком разливается свет благодатный по лицу их родной земли!.. А между тем именно чрез них-то благодать Божия и отбирала чистую пшеницу от плевел, выделяя и привлекая ко Христу Спасителю всех, способных восприять в свое сердце благодатное семя слова Божия и соделаться сынами царствия Божия.

Одним из таких великих избранников Божиих был и преподобный отец наш Сергий. Ему суждено было обновить дух подвижничества на земле Русской, зажечь благодатный огонек во многих отдаленных пределах Русской земли и чрез то соделаться духовным родоначальником бесчисленного лика монашествующих. Справедливо поэтому говорят, что он был для северной, Московской Руси тем же, чем были для южной, Киевской Руси преподобные Антоний и Феодосии.

И Богу угодно было утешить еще при жизни смиренного подвижника Радонежского пророческим откровением о будущем многочисленном духовном его потомстве. Это было незадолго до введения в его обители устава общежительного, который справедливо почитается образом совершеннейшего иноческого жития во всех православных обителях.

Святому игумену было уже за пятьдесят лет. Около тридцати лет он уже подвизался на Маковице. Отовсюду стекались к нему искатели безмолвия, под его кров, и монашествующие, покидая свои прежние обители, считали для себя более полезным жить в послушании у такого аввы. Таков был Смоленский архимандрит Симон, таков был и брат преподобного Стефан, который оставил игуменство в Богоявленском монастыре и жил теперь в обители Сергиевой вместе с своим сыном Феодором. И преподобный Сергий, видя над своею обителью благословение Божие, с еще

большим усердием и дерзновением молился о преуспеянии братии. И вот однажды в глубокий вечер, когда он совершал свое обычное молитвенное правило и весь был погружен в сердечную молитву за духовных чад своих, вдруг он слышит голос, который звал его по имени: «Сергий!» Удивился преподобный столь необычному зову в тишине ночной; сотворив молитву, он открывает оконце своей келлии и видит дивное видение: в высоте небес сияет чудный свет и разгоняет тьму ночную так, что стало светлее дня; а неведомый голос снова говорит ему:

— Сергий! Ты молишься о детях твоих духовных: Господь принял твою молитву. Посмотри кругом — видишь, какое множество иноков собрано то бою под твое руководство во имя Живоначальной Троицы!..

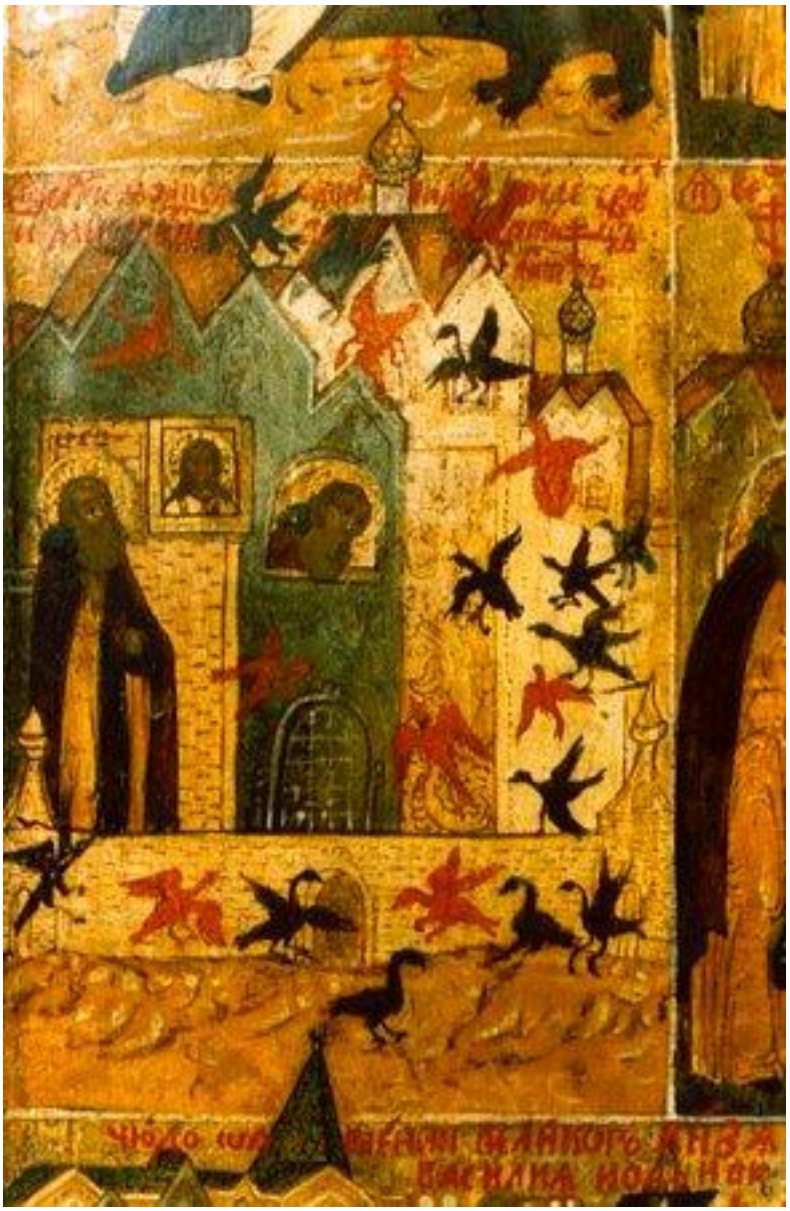
И Сергий видит пред собою множество прекрасных птиц, никогда дотоль им невиданных; они летают не только по всему монастырю, но и вокруг ограды его, — летают и поют несказанно сладостно...

А он опять слышит таинственный голос с высоты небес:

— Так умножится стадо учеников твоих, и после тебя не оскудеют они; так чудно они будут украшены разны ми добродетелями, если только захотят последовать стопам твоим!..

Небесная радость наполнила сердце смиренного Сергия; пророческое видение касалось не его одного, но и всего возлюбленного его братства, всех дорогих чад его по духу, и он пожелал разделить свою духовную радость с кем-нибудь из присных учеников своих. В соседней с ним келлии жил Смоленский архимандрит Симон: его и пригласил преподобный быть участником чудного видения.

Удивленный нечаянным зовом игумена в ночное время, Симон поспешил на его голос; но не сподобился полного нидения и только успел видеть некую часть чудного света. Тогда преподобный поведал ему все, что сам видел и слышал, и оба они, по слову Псалмопевца, возрадовались о Господе с трепетом...



Читая этот рассказ, невольно оглянешься на теперешние окрестности лавры: вот — Вифания, вот — Гефсимания, Пещеры, Киновия, а там, в чаще лесной, — уединенная пустынь Святого Духа — Утешителя; все эти

обители, как дети, на виду у своей матери — славной лавры Сергиевой; но не забудем, что это — дети младшие; сто лет назад их еще не было; а сколько обителей было основано в течение пятисот лет сынами обители Сергиевой! Ниже мы увидим, что еще при жизни угодника Божия его учениками было основано до двадцати пяти монастырей, а потом число их возросло до семидесяти. Но для высшего духовного преуспеяния самих учеников Сергеивых их святому наставнику нужно было сделать нечто очень важное в устройстве монастырской жизни. До сего времени каждый брат сам заботился о всем необходимом для жизни, а потому каждый имел свою собственность, и, может быть, некоторые, подобно архимандриту Симону и схимникам — воинам Пересвету и Ослябе, приносили из мира средства для жизни. Такой порядок открывал путь зависти, любостяжанию и превозношению одних перед другими; чтоб устранить все поводы к усилению в среде братии таких пороков, нужно было ввести в обители общежитие. Впервые в русских обителях было введено общежитие преподобным Феодосием Печерским; но ко времени преподобного Сергия мало-помалу общежительные порядки в наших обителях ослабели и забылись. Иноки того времени, по недостаточному рассуждению духовному, не любили общежития. Много стоило трудов пастырям Церкви и после того устроять жизнь апостольской общины в обителях. Вот, может быть, причина, почему преподобный Сергий, всегда кроткий и смиренный сердцем, всегда склонный снизойти немощам братии, сколько можно это сделать без ущерба основным требованиям иноческой жизни, не решался сам, своею личною волею, без особенного указания свыше, ввести общежитие в своей обители. Тем не менее именно ему, а не кому другому судил Господь восстановить строгие общежительные уставы в монастырях северной Руси. И действительно, мы видим, что в

тех обителях, которые основаны были его учениками, как то: Пешношской, Андрониковой, Симоновской, — общежитие было введено при самом учреждении сих обителей, и это сделано, конечно, по заповеди преподобного Сергия.

Промысл Божий помог ему ввести общежительный устав и в его лавре, — помог совсем неожиданным образом.

Около 1372 года в его обитель прибыл один греческий митрополит, в сопровождении нескольких греков, из Царырада. Они объявили святому игумену, что «Вселенский Патриарх Константинопольский кир Филофей благословляет его и посылает ему поминки: крест, параманд и схиму, вместе с своим писанием».

Смутился смиренный Сергий; думал ли он, чтобы имя его было известно Вселенскому первосвятителю? Целые три тысячи верст отделяли его скромную пустыню от Царырада; да и кто он, чтобы удостоиться такой великой чести от Патриарха Вселенского?

Смотрите, — сказал он патриаршим посланцам, — не к другому ли кому вы посланы? Кто я грешный, чтоб мне получать поминки от Святейшего Патриарха?

Нет, отче святый, — отвечали они, — мы не ошиблись. Мы хорошо знаем, что к тебе посланы, а не к иному кому: ведь ты — Сергий Радонежский?

Да, я — грешный чернец Сергий, — сказал он.

Тебя-то вот и благословляет святейший Филофей, Вселенский Патриарх, — подтвердили пришельцы.

Тогда игумен поклонился им до земли. Он угостил их пустынным обедом и, пригласив отдохнуть в обители, приказал братии успокоить дальних гостей; а сам, не раскрывая послания

патриаршего, поспешил в Москву, к святителю Алексию: смиренный пустынник не решился принять даров патриарха без благословения своего святого друга и архипастыря. Явившись к нему, преподобный рассказал о пришельцах и подал ему патриаршую грамоту. Митрополит велел прочитать ее, и было читано следующее:

«Божию милостию архиепископ Константинограда Вселенский Патриарх кир Филофей, о Святем Дусе сыну и сослужебнику нашего смирения Сергию: благодать и мир, и наше благословение да будет с вами. Слышахом убо еже по Бозе житие твое добродетельно, и зело похвалихом, и прославихом Бога, якоже рече Господь: *да возсияет свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрые дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех.* Но едина главизна (правило) еще не достаточествует ти: яко не общее житие стяжаете. Понеже веси, преподобие, и самый Богоотец пророк Давид, иже вся обсязавый (исследовавший) разумом, ничтоже ино возможе тако похвалити, точию: *се ныне что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе.* Потому же и аз совет благ даю вам: послушайте убо смирения нашего, яко да составите общее житие, и милость Божия на вас и Пречистой Богородицы, и всех святых, и наше благословение и молитва да есть с вами».

Ты что повелишь, владыко святый? — спросил преподобный Сергий святителя Алексия, когда было прочтено это послание.

Сам Бог прославляет славящих Его, — отвечал митрополит. — Он сподобил и тебя такого блага, что имя твое и твоя святая жизнь стали известны в такой далекой стране, и даже сам Вселенский Патриарх шлет тебе советы на общую пользу. Можем ли мы предложить тебе лучший

совет? Мы очень благодарны Святейшему Патриарху за такой совет, и что он повелевает и благословляет, то благословляем и мы.

Для смиренного игумена этих слов было довольно, чтобы знать волю Божию. Возвратившись из Москвы, он объявил братии желания патриарха и митрополита. Пустынники с радостию согласились на введение в обители общежития. Правда, и между ними нашлись недовольные: но они не стали возражать, потому что невозможно же было идти против воли патриарха и митрополита; их было немного, и некоторые из них вскоре оставили обитель.

Теперь преподобный Сергий со всем усердием занялся устройством полного общежития в своем монастыре. Немало новых трудов и забот легло на него при введении новых порядков в обители. До сего времени он мог не заботиться о житейских потребностях всего братства, потому что каждый заботился сам для себя; к нему приходили больше за духовным советом, для откровения ему своих помыслов, своих скорбей и нужд духовных; теперь приходилось заботиться и о пище, и об одежде, и обо всем, необходимом для братии. Иметь свою собственность или называть что-нибудь своим было строго запрещено, и потому каждый шел с своею нуждою к игумену. Трудиться должны были все, способные к труду, исключая, конечно, престарелых и больных, к которым были приставлены послушники; но пример трудолюбия подавал всем святой игумен.

Общежитие потребовало устройства особых помещений для трапезы, хлебопекарни, амбаров, кладовых и под. И все это было построено.

Труды преподобного Сергия с братией в хлебопекарне. Литография. 1865

Соответственно общежительному уставу распределены были и должности между старейшею братиею. Самый почтенный из братии, пользовавшийся всеобщим уважением, был поставлен келарем. Эта должность известна с самого основания монашества в России: она учреждена преподобным Феодосием Печерским. Келарь в наших древних монастырях исполнял должности казначея, эконома и благочинного; он был в монастыре вторым лицом после настоятеля, а в то время, когда монастырь имел вотчины, келарь заведовал оными, и всем хозяйством, и судебными делами. Одним из первых келарей в обители преподобного Сергия был преподобный Никон. Списатель жития его говорит: «И умысли Сергий сего пастыря обители оныя поставити вместо себе, еже и бысть, и устрояет его в служении, яко быти ему вторым по настоятели. Блаженный же Никон милосердие на всех просто имея, и еже до конца тихо и человеколюбиво; о всех бо всегда печашеся, благоразумие же и великодушие тем служа, и премудре их утешая, и коего же лишение подаянием исполняя. Никтоже им от братии презираем

бываше, и толико, яко ни от родитель неким удобно таковая к чадам сотворити, елика он к братии творяше». Такое усердие преподобного Никона много радовало его великого старца-игумена.

Наиболее опытный в духовной жизни, отличавшийся смиренномудрием и кротостию старец был назначен духовником для всей братии. Из первых духовников Троицкой лавры известен был преподобный Савва, впоследствии основатель Сторожевского Богородичного, близь города Звенигорода, монастыря. Позднее духовником был преподобный Епифаний, премудрый списатель жития Сергиева.

Для соблюдения порядка и благочиния в церкви во время Богослужения был избран экклесиарх. На его обязанности лежало наблюдение за точным выполнением церковного устава, он испрашивал у игумена благословение начинать благовест к Богослужению и вообще проходил послушание нынешнего уставщика и отчасти — ризничего. Таким экклесиархом был, например, преподобный Симон, один из приближенных учеников преподобного Сергия.

У экклесиарха под рукою был пара-экклесиарх, или пономарь, который напевался также кандиловжигателем. На его обязанности лежало, как видно из самого названия, соблюдать в церкви безукоризненную чистоту; он зажигал и гасил лампады и свечи, приготовлял кадило, заведовал звоном по указанию экклесиарха и под.

В подчинении тому же экклесиарху был и канонарх, которому поручено было ведать клиросное послушание и хранить Богослужебные книги. Петь на клиросе обязаны были все, к тому способные.

Что касается до устава Богослужебного, то, вероятно, вначале употреблялся в обители Сергиевой устав Студийский как более простой и несложный. Но с учреждением общежития в Троицкой обители введен был устав Иерусалимский (обители преподобного Саввы Освященного), так как в это время в ней было уже достаточное число священников, которые могли без нужды совершать Богослужение, хотя бы ежедневно, с большею торжественностию по Иерусалимскому уставу.

За исполнением правил общежития строго наблюдал сам преподобный Сергий. От начальствующих он требовал быть кроткими и милостивыми к подчиненным; а братии заповедовал быть в беспрекословном послушании у начальствующих. Поступь у всех должна быть тихая и спокойная, с наклоненною головою, чтобы наружность соответствовала внутреннему смирению. В свободное время братия должны были находиться в своих келлиях, а чтобы руки их не были праздны, должны были заниматься рукоделием, или, как говорят иноки, «поделием», потому что настоящее «дело» инока — спасение своей души. Одним из важных келейных послушаний, судя по оставшимся в лаврской библиотеке и ризнице памятникам, было «списание книжное» и переплет рукописей в кожу.

Жизнеописатель ученика Сергиева Афанасия, впоследствии основателя Высоцкого монастыря, говорит, что Сергий особенно любил Афанасия за его трудолюбие в переписании книг. И теперь в лаврской ризнице можно видеть: Евангелие преподобного Никона на пергамене, малой меры, с надписью на нем: «Евангелие четвертное, на харатье, Никона чудотворца. А не отдати его никому». Служебник, писанный, может быть, для преподобного Сергия, рукою преподобного Никона в 1381 году, на пергамене, в 12-ю долю. В

библиотеке лавры также сохранилось несколько драгоценных рукописей от времен преподобного Сергия. Некоторые из них принесены из Ростова, где в то время процветало книжное учение в обители Григория Богослова и откуда пришел к преподобному списатель жития его — Епифаний Премудрый, а другие рукописи писаны в самой обители Сергиевой или же относятся к более раннему времени и драгоценны для нас потому, что они бывали в руках угодника Божия, по ним он молился, читал братии поучения и сам поучался в слове Божием. Таковы: на пергамене Пятикнижие Моисеево (№ 1), собрание некоторых книг Ветхого Завета (№ 2), «Паремейник» (№ 4), Евангелие (№ 5), Поучения Ефрема Сирина (№ 7), 16 слов святого Григория Богослова (№ 8), с искусною заглавною заставкою из перевитых фигур с красками и с надписью: «Елисеевской» — может быть, эта рукопись принадлежала преподобному Елисею, ученику преподобного Сергия; Иоанна Златоуста (№ 9), «Златая Цепь» (№ 11), два сборника (№ 12 и 13), Пандекты Никона Черногорца (№ 14), «Мерило Праведное» (№ 15); — из Богослужебных на пергамене замечательны: «Кондакарь» XII века с крюковыми нотами, по которым пели при преподобном Сергие и «Стихирарь», писанный преподобным Епифанием, как видно из его подписи на первой странице: «многогрешный раб Божий Епифан недостойный...» — далее трудно прочитать. Под 12 мая, на память святого Епифания Кипрского, подписано: «господине святый Епифание Кипрский, сименинниче мой, елеисон ми». Из рукописей на бумаге упомянем: «Потребник», по которому тогда постригали иноков (№ 229), и «Слова постнические преподобного Исаака Сирина», писанные при преподобном Сергие в 1381 году (№ 172). Некоторых драгоценных рукописей сохранились одни заглавия в описях древних; таковы: два служебника на харатье; свертки на деревце чудотворца Сергия; Евангелие в десть на бумаге Исааковское

Молчальниково; Псалтирь в полдесть на бумаге, письмо Исаака Молчальника, ученика преподобного Сергия. От времен преподобного Никона тоже сохранилось несколько рукописей, из коих здесь упомянем только две: «Лествицу», списанную «рукою грубаго и худаго, страннаго и последнего в иноцех, смиренного многыми грехы Варлаама», — в конце книги смиренный инок приписал: «о ленивый Варлааме, готовися к ранам. Близь есть конец». Но особенно замечательна из числа сохранившихся от времени преподобного Никона — другая рукопись: Псалтирь с последованиями, писанная около 1428 года: изобретательность писца в почерках и художественное выполнение красками с золотом разных заставок — изумительны!

Но обращаемся к правилам общежития в пустыне Сергиевой.

Одежду и обувь иноки получали от монастыря. И Епифаний, и преподобный Иосиф Волоколамский свидетельствуют, что сам игумен Сергий шил одежду и обувь для братии: посему можно думать, что была мастерская для приготовления их. Без особенной нужды выходить за ворота монастырские запрещалось. Правило строго исполнялось братиею не только при жизни преподобного Сергия, но и по кончине его. Когда преподобный Пафнутий Боровский приходил в Троицкий монастырь помолиться Святой Троице и чудотворцу Сергию и, исполнив свое желание, намерен был возвратиться в свою обитель, тогда братия вышли было провожать преподобного богомольца за ворота монастырские; но вспомнив завет преподобного отца своего Сергия — не ныходить за ворота, тут же остановипись, и, помолившись, простились с преподобным Пафнутием.

Когда совершилось благоустройство обители, то еще больше возросло число ее братства и она стала всем изобиловать. А чтобы избыток не привел с собою нерадения или не подал повода к зависти и осуждению, — чтобы, напротив, он послужил к умножению благословения, мудрый распорядитель ввел в обители странноприимство. Он считал это учреждение столь важным для обители, что в пророческом духе подкрепил свою волю относительно сего особенным обещанием Божия покровительства: «Если вы, дети, — так говорил он братии, — сию мою заповедь сохраните без роптания, то и по отшествии моем от жития сего обитель процветет и на многие лета неразрушима постоит благодатию Христовою».

Рука Сергиева простерта была к нуждающимся, по красноречивому выражению блаженного Епифания, как река многоводная, тихая струями; и если кому приходилось в зимнее время, от сильного мороза, или глубоких снегов, или бурной метели, умедлить в обители долее обыкновенного, то во все время пребывания своего в ней он получал все необходимое. А странники, нищие и болящие подолгу в ней отдыхали, пользуясь полным довольством и покоем по заповеди старца. Уединенная дотоле обитель Сергиева теперь как бы вдруг выдвинулась из дремучих лесов на распутие жизни людской: мимо ее гостеприимных ворот часто проходили князья и воеводы с своими полками, и всех она принимала радушно, с подобающею честию и отпускала с щедрым запасом. А бывали годы, отмеченные в летописях тяжкими скорбями для всей Русской земли: так, в 1357 году «велика была истома князем русским» от посла татарского Кошана, в 1364 году был мор повсюду,

Так что в Смоленске осталось от него живыми всего пятнадцать человек; в 1368 году Москва претерпела

опустошение от Ольгерда; в 1382-м земля Русская опустошена Тохтамышем. В этом же году была «великая дань, тяжкая по всему княжению великому — всякому без отдатка» (уступки). Нет сомнения, что в такие годы много нуждающихся приходило в обитель Сергиеву, и она делилась с ними всем, что имела. Делится она и поныне, строго исполняя святой завет гостеприимства, оставленный ей святым ее первоначальником, и как тогда, так и теперь в обилии потребных нельзя не видеть над нею особенного Божия благословения за молитвы досточудного старца.

Глава XIII

ВНЕЗАПНАЯ БУРЯ

Казалось, после введения общежития обитель Сергиева была отовсюду крепко утверждена и от всякой превратности безопасна; но кто знает, что принесет с собою наступающий день? О, как нужно бодрствовать, чтобы наружный мир и утверждение не превратились во всегубительство посредством страстей, таящихся в глубине человеческого сердца!

«Нередко, — говорит святитель Платон, — Бог и на праведников Своих попускает искушения, дабы чрез то их добродетель просияла еще более, как золото в огне искушенное». Это судил Бог претерпеть и преподобному отцу нашему Сергию. Вдруг пронеслась над его обителию буря, которая едва не сорвала с нее благодатный покров и едва не разрушила самых ее оснований, лишив ее святого игумена... «И кто бы мог подумать, — говорит тот же святитель, — чтобы это произошло от его родного брата Стефана — того самого Стефана, который вместе с ним был основателем обители и соревнителем его подвигов? Но, видно, от бед и искушений никуда не уйдешь: *беды во градех, беды в пустыни»* (2 Кор. 11, 26), — беды от лжебратий, беды и от сродников...

Стефан пришел в пустынную обитель своего брата, вероятно, по влечению к более строгой жизни, чем какую он мог вести в Москве; но при этом желании, отказавшись от игуменства в Богоявленском монастыре, он не мог победить в себе страсти властолюбия. Он был старший брат преподобного, он вместе с ним полагал основание новой обители; может быть, он принес и денежное пожертвование из Москвы на новую обитель: все это питало в нем желание первенства. Можно думать, что в среде недовольных новыми порядками в обители были некоторые на стороне Стефана.

В один субботний день преподобный Сергий сам служил вечерню и был в алтаре, а брат его Стефан, как любитель церковного пения, стоял на левом клиросе. Вдруг преподобный слышит довольно громкий голос брата.

— Кто тебе дал эту книгу? — вопрос обращен был к канонарху.

— Игумен, — отвечал канонарх. Помысл гнева и властолюбия поколебал Стефана при этом ответе.

— Кто здесь игумен? — сказал он уже запальчиво. — Не я ли первый основал это место?..

Сказаны были и другие немирные слова.

Преподобному стало понятно, что в этом раздражении брата излилось тайное недовольство некоторых из братии на новые порядки в обители. Мы уже говорили, что некоторые из этих недовольных оставили обитель; но были, по-видимому, и такие, которые желали бы сменить самого игумена.

Игуменство не привлекало, а тяготило смиренного Сергия: тем менее желал он управлять такими, которые не

желали его управления, и он воспользовался случаем сложить с себя это тяжкое бремя. Предоставляя своевольных суду их совести, преподобный, по окончании вечерни, не пошел уже ни в келлию, ни в трапезу, куда пошли все братия; никем не замеченный, он вышел из обители и удалился по дороге, ведущей на Кинелу...

Благоговейный читатель жития Сергиева невольно останавливается мыслию над этим поступком угодника Божия. Приводим здесь рассуждение по сему случаю приснопамятного святителя Филарета, митрополита Московского. «Очевидно, — говорит он, — в сем поступке терпение, кротость и смирение святого. Но вот что недоуменно: почему не вразумил он брата по долгу игумена? Как, за одного человека, оставил всю братию и служение, в которое поставлен священною властию?»

«Есть особенные пути святых, — отвечает на сей вопрос мудрый святитель, — пути, пред которыми все должны благоговеть, поелику они особенною благодатию Божиею управлены и оправданы в своих последствиях, но которым не всякий имеет право последовать, потому что было бы дерзновенно, если бы каждый стал приписывать себе ту же благодать. Таков случай, теперь рассматриваемый.

Если у отца сын или у начальника подчиненный бесчинствует, берегитесь молчать и оставлять его без обличения и исправления. Вспомните грозное прещение и наказание, которым за небрежение сего рода Бог поразил несчастного Илия: *отмщу Аз на доме его до века в неправдах сынов его, о нихже ведяше, яко злословиста Бога сынове его и не наказа их* (1 Цар. 3, 13). Если от какого-нибудь искушения или неудовольствия приходит тебе желание бежать от места, на котором ты поставлен законною властию, остерегись;

может случиться, что вину своеволия понесешь; от зла путем своего произвола не избежишь и преследуемого тобою спокойствия не уловишь.

Но если святой Сергий в известном случае не по сим обыкновенным правилам действовал, то по каким же? Ибо святому по святым правилам действовать надлежит. Мы уразумеем дело его, если приложим к его поступку правило апостола: *сие паче судите, еже не полагати претыкания брату или соблазна* (Рим. 14, 13). Видел прозорливый Сергий, что неудобно было прямо обличить любоначальствующего; потому что в сем случае обличение казалось бы препирательством за начальство и вид личной распри между игуменом и старшим по нем (тоже имевшим игуменский сан), и притом родными братиями по плоти, был бы не без претыкания и для прочих братии обители.

В сих трудных обстоятельствах премудрый старец нашел средство не только не положить претыкания с своей стороны, но и положенный другими соблазн уничтожить. Он никому не сказал о поступке брата, и своим удалением от начальствования подал и сильнейшее врачевство против страсти любоначалия. Бог же, оправдывая путь угодника Своего чрез его добровольное изгнанничество, паче прежнего утвердил в любви к нему братию его первоначальной обители и возвратил его к ней властию святителя Алексия».

Так размышлял о сем «добровольном изгнании» преподобного Сергия святитель Филарет.

Обратимся теперь к повествованию.

На пути в Кинелу преподобного застигла ночь, которую он провел в глухом лесу, в молитве и кратком сне. Наутро он продолжал путь свой и пришел в Махрищский монастырь.

Здесь был игуменом его духовный друг и собеседник преподобный Стефан. Постриженник Киево-Печерской лавры, он ушел от преследований латинян в пределы Московского княжества и здесь, в тридцати пяти верстах от обители преподобного Сергия, основал свою пустынную обитель, так же как и Сергий, во имя Пресвятой Троицы. Преподобные друзья посещали друг друга для духовной беседы и взаимного утешения, и теперь, узнав о прибытии Сергия, Стефан велел ударить в било м со всею братиею вышел навстречу ему. И как же трогательна была эта встреча! Они поклонились друг другу до земли, прося друг у друга молитв и благословения, и ни один из них не хотел первый подняться: так велико было их смирение! Наконец святой гость уступил: он встал, благословил святого хозяина и друга с его братиею, и все вместе вошли в церковь для краткой молитвы. Затем гостеприимный Стефан предложил Сергию пустынную трапезу, и долго они беседовали о спасении души. Преподобный Сергий гостил у своего друга несколько дней; он обходил с ним пустыню и радовался процветанию его обители. Наконец он сказал Стефану:

— Желал бы я, отче, найти себе, при помощи Божией, такое уединенное место, где можно было бы безмолвствовать. Твои ученики хорошо знают здешние пустынные места; и так прошу твою любовь: дай мне одного из них в провожатые.

Стефан не только с любовию исполнил эту просьбу, отпустив с Сергием ученика своего Симона, но и сам проводил святого друга версты за три от обители, где они отдохнули у источника и распростились. И поныне стоит над этим источником часовня — памятник их дружеского прощания, и ежегодно к этой часовне бывает крестный ход из Махрищкой Сергиевой приходской церкви.

Преподобный Сергий обошел в сопровождении Симона много пустынных дебрей и нашел наконец прекрасное место на реке Киржач, где и поселился для безмолвия.

Нужно ли говорить, в какое уныние была приведена Троицкая обитель нечаянным удалением из нее святого игумена? Лучшие иноки встревожились, но сначала думали еще, что он скоро возвратится. Ожидание их, однако же, не исполнялось... Тогда братия отправились по двое и по трое искать его по пустынным лесам, по селам и городам; но его нигде не находили... Некоторые, чувствуя духовное сиротство в разлуке с любимым старцем-игуменом, решались уже покинуть и самую обитель, в которой теперь все казалось так пусто и бесприютно... Но вот один из братии пришел на Махру, к преподобному Стефану и от него услышал, что Сергий прошел в дальнюю пустыню, дабы там основаться. В порыве радости усердный инок хотел было устремиться по следам своего игумена; но потом одумался и поспешил возвратиться в Троицкую обитель, чтобы утешить скорбевших братии радостною вестию. Понятно, как велика была эта радость осиротевших иноков, когда они узнали, где привитает их любимый наставник и отец. Они не могли долее сносить разлуки и один по одному стали переселяться на Киржач. А преподобный с любовию принимал их и сам помогал строить им келлии, сам своими руками ископал и кладезь, который существует доныне. Братия пожелала, чтобы построена была церковь; тогда преподобный послал двух учеников своих к митрополиту Алексию просить у него благословения на это; благословение скоро было получено, и церковь основана... Списатель жития Сергиева сохранил и молитву, которою помолился угодник Божий при основании сей церкви; вот эта молитва:

«Господи Боже Сил, иже древле Израиля многими уверивый великими чудесы и законодавца Своего Моисея многими и различными известив знаменьми, и иже Гедеону руном образ победы показавый! Сам и ныне, Владыко Вседетелю, услыши и мене, раба Твоего, молящагося Тебе! Приими убо молитву мою и благослови место сие, его-же благоизволи создатися во славу Твою, в похвалу же и честь Пречистыя Твоея Матере, честнаго Ея Благовещеиия. Да и в том всегда славится имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, аминь!»

При помощи Божией постройка церкви пошла успешно; над строением новой обители трудились добровольно многие иноки и миряне: кто строил келлии и церковь, кто доставлял материал, нашлись благотворители из князей и бояр, которые присылали и денежные пожертвования на постройки. Число братии быстро увеличивалось. Преподобный и здесь ввел общежительный устав.

Прошло три-четыре года. Иноки Троицкой обители, не пожелавшие расстаться с первоначальным местом подвигов преподобного своего игумена, все еще утешали себя надеждою, что их старец скоро возвратится в свою возлюбленную обитель! Им казалось невозможным, чтобы любвеобильный Сергий навсегда покинул место, на котором так долго трудился и над которым уже видел и Божие благословение. Не раз приходили они в Киржач и упрашивали преподобного возвратиться под кров Живоначальной Троицы, но он отклонял их просьбы и оставался в новой обители. Тогда троицкие старцы, в порыве сыновней любви к своему святому игумену и сердечной привязанности к родной обители, пошли в престольный град Москву к самому святителю Алексию и, зная, как Сергий свято чтит волю архипастыря, со слезами

стали умолять его, чтобы он своею святительскою властию возвратил им, осиротевшим детям, чадолюбивого отца.

— Владыко святый, — говорили они митрополиту, — ведает святое твое владычество о разлуке нашей с отцом нашим духовным; живем мы теперь как овцы без пастыря; священноиноки, и простые старцы, и все святое, Богом собранное братство, не в силах будучи сносить разлуку эту, один за другим покидают нашу обитель и уходят к нему... Да и сами мы не можем дольше жить без него... И так, если соизволишь, Богом данный архипастырь наш, исполнить смиренное моление наше, то повели ему возвратиться в свою прежнюю обитель, чтобы она не пришла в запустение.

Святитель хорошо понимал, как нужен Сергий для обители Троицкой; но видел и то, как тяжело огорчили блаженную душу своевольные, которые возмутились и против отца своего, и против воли Вселенского Патриарха. Жаль ему было и учеников, безутешно скорбящих в разлуке с наставником; но не хотел он действовать и на святого друга своего одною только властию архипастырской... Благословив троицких иноков и сказав им слово утешения, митрополит отпустил их в свою обитель и немедленно отправил почетное посольство к преподобному Сергию, состоявшее из двух архимандритов: Герасима и Павла. Посланные прибыли на Киржач и братски приветствовали Сергия.

— Отец твой, — сказали они, — Алексий митрополит, благословляет тебя и очень рад, что имеет добрые вести о твоей жизни в этой далекой пустыне и что имя Божие и тут прославляется чрез тебя. Но он повелел нам сказать тебе: довольно и того, что ты здесь построил церковь и собрал немало братии. Избери теперь из числа своих учеников

опытного в духовной жизни и оставь его строителем новой обители; а сам возвратись опять в монастырь Пресвятой Троицы, дабы братия, так долго скорбящие о разлуке с тобою, не разошлись вовсе из той обители. Непокорных и строптивых я выведу вон оттуда, чтобы там не было ни одного твоего недоброжелателя. Только не ослушайся нас, и милость Божия и наше благословение всегда да будут над тобою!

— Так скажите от меня господину моему митрополиту, — отвечал смиренно преподобный, — все, что исходит от твоих уст, принимаю с радостию, как исходящее от уст Христовых, и ни в чем тебя не ослушаюсь.

Благовещенский монастырь в Киржаче в наши дни

С таким ответом архимандриты возвратились к святителю, который был очень обрадован совершенным послушанием Сергия. Немедленно послал он в новую обитель

священников и утварь церковную, и церковь была освящена в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. А Сергий избрал из своих учеников преподобного Романа, которого митрополит рукоположил в священный сан и поставил строителем на Киржаче. Закончив таким образом благоустроение новой обители, преподобный игумен возвратился в свою первоначальную пустынь.

Это возвращение было торжеством добра над злом, праздником взаимной любви учеников и наставника. Как только стало известно в обители, что преподобный идет в свою родную лавру, вся братия поспешила ему навстречу. «Умилительно было видеть, — рассказывает преподобный Епифаний, который, может быть, сам был свидетелем этой встречи, будучи тогда еще послушником, — как, одни с слезами радости, другие с слезами раскаяния, ученики бросались к ногам святого старца: одни целовали его руки, другие — ноги, третьи — самую одежду его; иные, как малые дети, забегали вперед, чтобы полюбоваться на своего желанного авву, и крестились от радости; со всех сторон слышались возгласы: «Слава Тебе, Боже, о всех промышляющий! Слава Тебе, Господи, что сподобил Ты нас, осиротевших было, снова увидеть нашего отца, нашего пастыря и учителя! Пришел он наконец к нам, заблудшим! И вот теперь будто другое солнце взошло для нас!..»

Что же их отец?

Ликовал и он духовно, любуясь детьми своими, которых он же собрал в этой пустыне; он теперь целовал их как любящий отец после долгой скорбной разлуки: он видел теперь на деле их искренно-сыновнюю любовь, сыновнее послушание... Так был вознагражден за скорбь свою великий праведник!.. По своему глубокому смирению и кротости он

добровольно изгнал самого себя из обители ради умиротворения изгонявших его: он не мог видеть в монастыре мирского своеволия; за то утешен был теперь сыновнею любовию и преданностью своих учеников.

А что же сталось с его братом Стефаном, который своим неосторожным грубым словом огорчил смиренного игумена и подал ему повод уйти из обители?

При встрече преподобного Сергия мы его не видим; может быть, он сам или по распоряжению святителя Алексия на это время удалился из лавры или и Богоявленский монастырь, или в Симонов, к своему сыну Феодору; но позднее, по кончине преподобного Сергия, мы видим его опять живущим в обители и поведающим списателю жития Сергиева историю его детства. Ясно, что он раскаялся в своей минутной вспышке и примирился с своим святым братом-игуменом.

Впрочем, нерасположение к общежитию примечалось в некоторых из братии и впоследствии, даже спустя лет десять — двенадцать; это видно из того, что около 1382 года Вселенский Патриарх Нил, в утешение святому игумену в борьбе с недовольными, прислал свое послание, в котором называл обычный образ жизни тогдашних русских иноков жизнию мирских людей и делом «дикой, невежественной земли»; напротив, введенное Сергием общежитие называл делом высокой духовной мудрости и предлагал братии наставление о необходимости и достоинстве послушания.

Вскоре после описанных событий, именно в 1375 году, преподобный Сергий был тяжко болен, так что опасались за жизнь его. Он пролежал на одре болезни со второй недели Великого поста до Семенова дня, то есть до 1 сентября. Жизнь праведника так была дорога в глазах современников, что

летописец счел нужным занести известие об этом в свою летопись. «Пусть не удивляются тому, — замечает при этом дееписатель, — что праведникам посылаются скорби и болезни: многими скорбьми подобает внити в Царствие Божие. А что грешные люди живут здравы и веселы и не терпят на сем свете никаких скорбей, за то им готовится вечное мучение в будущей жизни. А для страждущих праведников готовится Господом Богом много венцов и неизреченная слава на небесах».

Глава XIV

ДРУГ СВЯТИТЕЛЕЙ

До сих пор мы говорили о деяниях игумена Радонежского только в тесном кругу иноческой жизни; мы видели в нем пустынника, великого подвижника, великого наставника иноков; теперь скажем о нем как о служителе Церкви Христовой и гражданине земного отечества. С благоговением взирали мы на его иноческие подвиги; с благодарною любовию посмотрим теперь на деяния его, как православного русского человека. И мы увидим в нем друга святителей, советника князей, печальника всей Русской земли.

«Мудрость, — говорит один писатель, - соединяясь со смирением, образует тот духовный разум, который святые отцы называют «порождением искушений», или «плодом опыта духовного». Это дивное свойство святых подвижников привлекает к ним сердца как простых людей, так и сильных земли; к ним идут князья и вельможи, идут и мудрые пастыри Церкви, почитая для себя великою милостью Божией — беседовать с такими подвижниками и укреплять себя в трудные минуты жизни, под тяжестью великих трудов, утешением их слова благодатного. Справедливо Исаак Сирин называет слово опыта духовного — золотом, в поте лица приобретенным, а слабое слово человеческого рассуждения без опыта — медницею: первое, по его прекрасному

сравнению, подобится живой воде ключевой, а последнее — воде, на стенах написанной!

Дорого ценили мудрое слово преподобного Сергия современные ему святители и князья Русской земли. Его имя — «яко священие некое обношашеся» в устах всякого чина людей, от великого князя и бояр до последнего простолюдина, жившего в пределах Московского княжества. В этом отношении пустынник Радонежский был иля своего времени тем же, чем были древние пророки, с которыми и сравнивает его блаженный Епифаний. Готовился было сему великому светильнику Церкви и отечества и высший свещник: но «непреложный жребий его, — по прекрасному выражению Московского святителя Филарета, — был — из пустыни светить престолам, а не с престола светить Церкви и Государству. Вот почему самое послушание, столь свято хранимое Сергием во всех других случаях, не могло привести его к тому, чтобы расстаться с сладкою для него пустынею».

В 1354 году святитель Алексий был утвержден от Вселенского Патриарха Каллиста в звании митрополита всероссийского. В том же году, как знают читатели, преподобный Сергий был возведен в сан игумена. С сего времени тесная дружба соединила их союз любви, и эта святая дружба не прекращалась уже до самого гроба. Они вместе делили и радость и горе, вместе служили Церкви и родной земле. Едва митрополит Алексий возвратился в новом сане из Царьграда, как его смирение омрачилось смутами на Востоке. Патриарший собор в Константинополе, уступая требованию западнорусских князей, поставил некоего Романа митрополитом Западной Руси. Роман, не довольствуясь Галицией и Волынью, потребовал доходов от Тверского епископа. Но и в Киеве не приняли Романа, а Тверской епископ, несмотря на желание своего князя, не хотел иметь никакого сношения с

Романом. Россия, почитая законным митрополитом только Алексия, встревожилась. Чтобы положить конец этим смутам и тревогам, смиренный святитель вынужден был в 1356 году снова отправиться в Царьград. Туда же явился и Роман. Патриарх подтвердил Роману, чтобы он был митрополитом только Литвы и Волыни, а Алексию предоставил считаться митрополитом Киевским и Великой России. На возвратном пути из Царьграда блаженный святитель встретил новое бедствие. На Черном море поднялась страшная буря: волны катались как горы, и корабль каждую минуту готов был исчезнуть в страшной пучине. Все, бывшие с митрополитом, отчаивались в спасении. Святитель молился, молился усердно; он дал обет соорудить храм во имя того святого, которого память будут праздновать в день высадки пловцов на берег. Господь услышал молитву святителя: настала тишина, и корабль благополучно пристал к берегу 16 августа. И так святитель стал теперь должником Всемилостивому Спасителю. Скопившиеся в его отсутствие дела по управлению Церковию замедлили исполнение сего обета.

Прошло пять лет. Митрополит нередко посещал своего пустынного друга, преподобного Сергия, и совещался с ним о всем, что касалось церковных дел. В одно из таких посещений святитель сказал игумену:

- Возлюбленный! Хочу просить у тебя одного благодеяния и надеюсь, что твоя любовь не откажет мне в этом.

- Мы все готовы служить твоей святыне, — смиренно отвечал Сергий, — ничто тебе не возбранено в моей обители.

- Хочу, — продолжал митрополит, — исполнить мое давнее обещание — построить монастырь в честь

нерукотворенной иконы Спасителя. — И святитель рассказал о том, что было с ним на Черном море.

- Доброе дело затеял ты, — сказал пустынножитель, — помоги тебе Господь выполнить его! А чего потребуешь от сына твоего — все готово для тебя.

- Уступи же мне своего возлюбленного Андроника в настоятели для этой обители, — сказал тогда митрополит.

- Твоя воля, — отвечал Сергий, и святитель, наделив обитель Пресвятой Троицы милостынею, тогда же взял с собою в Москву преподобного Андроника. Обитель была основана в 1361 году на берегу Яузы.

В 1365 году святитель Алексий основал обитель в самом Кремле, в честь суда Архистратига Михаила, на месте, подаренном ему татарскою царицею Тайдулою. Это был благодарный памятник чуду, совершившемуся над сею царицею 6 сентября. И для Чудова монастыря, по свидетельству преподобного Иосифа Волоколамского, митрополит Алексий «испросил честных старцев у Сергия», а других взял из иных монастырей. И эти иноки «жили иночески, жизнию духовною, так что многие приходили к ним, старые и юные, и получали пользу».

Мудрые советы смиренного старца и его святая равноангельская жизнь подали святителю мысль приготовить в лице Сергия достойного себе преемника первосвятительской кафедры. Чувствуя ослабление старческих сил своих, он хотел поступить по примеру своего предшественника митрополита Феогноста, который еще при жизни вместе с великим князем просил патриарха не назначать себе другого преемника, кроме его, то есть Алексия.

И вот он вызывает к себе в Москву преподобного Сергия из его любимого уединения. Пеший идет старец-игумен к своему другу, митрополиту. «До глубокой старости любил угодник Божий труды, — замечает при этом летописец, — и никогда не ездил на конях, а всегда ходил пешком».

С любовию встречает святитель пустынного гостя. Среди беседы он вдруг приказывает принести золотой «парамандный» крест, украшенный драгоценными каменьями, и дарит его Сергию. Смутился смиренный любитель нищеты. Ему и на мысль не приходили такие почести.

Прости мне, владыко святый, — говорит он с глубоким поклоном святителю, — от юности я не был златоносцем, а в старости тем паче желаю в нищете пребывать.

Знаю, — отвечает ему старец-митрополит, — знаю, что таково всегда было твое житие; но теперь покажи послушание и прими от нас сей дар в благословение.

Сказав это, он своими руками возлагает на Сергия золотой крест, «как бы в знак обручения святительского сана», и говорит ему:

- Ведаешь ли, преподобный, для чего я теперь призвал тебя и что хочу сделать с тобою?

- Почему могу знать это, господин мой? — скромно отвечал смиренный Сергий.

- Держал я, — говорит святитель, — Богом врученную мне митрополию, сколько Ему, Господу, было это угодно; теперь вижу, что близок мой конец, — не знаю только дня моего скончания. Я желал бы, пока сам жив, найти человека, который мог бы после меня пасти стадо Христово. — Тут митрополит упомянул, что на его место, вероятно, будет

назначен Киприан, но что он совсем не знает этого человека и потому не может спокойно положиться на него. — В тебе вижу я мужа, достойного править слово истины, -- продолжал он. — Знаю достоверно, что все, от великодержавного до последнего человека, тебя пожелают иметь своим пастырем. Теперь, заблаговременно ты почтен будешь саном епископа, а после исхода моего и престол мой восприимешь.

Глубоко смутило смиренномудрую душу Сергия столь неожиданное предложение старца-святителя; с великим уничижением, даже со скорбию, он стал отрекаться от предлагаемой ему чести: сан святительский казался ему бременем не по силам.

— Прости мне, владыко святый, — говорил он. — Ты хочешь возложить на меня бремя свыше меры моей, ибо — кто я, грешный и худейший паче всех человек? Нет! Ты не найдешь во мне, чего ищешь!..

Долго святитель уговаривал Сергия принять великий сан; он приводил ему примеры из житий святых и убеждал словами Священного Писания, но все было напрасно: смиренный пустыннолюбивый Сергий никак не мог примириться с мыслию о принятии на себя архиерейского сана и наконец решительно сказал своему другу-святителю: — Владыко святый! Если не хочешь ты отгонять моей нищеты от твоей святыни, то не говори больше об этом моей худости, — не дозволяй и другим побуждать меня к тому: поверь, что невозможно найти во мне того, чего желаешь ты... Тогда прозорливый святитель увидел, что если он еще будет настаивать на своем желании, то заставит Сергия удалиться в какую-нибудь безвестную пустыню, и, опасаясь, чтобы совсем не скрылся светильник, тихим светом озарявший и благодатною теплотою согревавший его паству, переменил разговор. Утешив старца словом

отеческой любви, он отпустил его с миром в обитель. Исполненный глубокого смирения отказ преподобного Сергия от святительской кафедры всегда останавливал на себе благоговейную мысль писавших о его житии. Соберем здесь уроки духовной мудрости, извлеченные пастырями Церкви из сего поступка Сергеева.

«Кто может изъяснить сию священную распрю? — рассуждает Московский святитель Филарет. — *Духовный,* по слову апостола, *востязует убо вся, а сам той ни от единого востязуется* (1 Кор. 2, 15). Мы только знаем от того же апостола, что *коемуждо... дается явление Духа на пользу* (12, 7): и один дар нельзя переменить на другой по произволу».

«В этой духовной борьбе, — говорит другой святитель, Московский митрополит Платон, — один старался одержать победу над другим, а сей другой старался одержать победу над самим собою, — и оба остались победителями! — Один дал верх и торжество своему смиренномудрию; другой, уступая изволению Духа Божия, управляющего сердцами праведников, как бы возложил венец славы на смиренного подвижника! Редкая вещь! Чего другие, подстрекаемые честолюбием, всеми мерами ищут, того всемерно отрицается и избегает праведник! Но не позволим себе думать, будто Сергий в сем случае воспротивился званию Божию. Нет, он исполнен был Святого Духа, Который управлял его душою и располагал ее к Тому, чего требовала его добродетель и польза других».

Третий архипастырь, Херсонский архиепископ Никанор, рассказав сию историю в поучение своим слушателям, с горечью восклицает:

— А мы кто?.. Златоносцы, недостойные быть келейниками у преподобного, и носим сии златотканые одежды, и тяготу, и высший долг архиерейства!.. И больно нам

за наше недостоинство, когда читаем все это в житии преподобного Сергия!.. Что же делать? Бежать ли всем в пустыню? — вопрошает проповедник-святитель. И, указав на многих святых Божиих, свято поживших и Богу угодивших в высоком сане и звании, среди богатства и блестящей обстановки, — указав на того же святителя Алексия, который «вот тоже носил золотой крест, камнями дорогими украшенный», — заключает, что не во внешности дело, а в смирении, что лучше всего в сем случае следовать заповеди апостола Хрис това Павла: каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь признал (см: 1 Кор. 7, 17. 31). Так святой апостол не только заповедует, но и повелевает по всем церквам...

«Великий отец наш Сергий, — говорит святитель Филарет, — как бы в некоторое вознаграждение Православной Церкви за то, что не отдал ей в епископство самого себя, в обилии возращает под сению своею сынов послушания и разума духовного, которых потом избрание церковное призывает к епископству».

Чтобы понять, почему митрополит Алексий так настойчиво желал иметь преподобного Сергия своим преемником, должно знать, что великий князь Димитрий Иоаннович был увлечен пристрастием к своему любимцу, духовнику и хранителю его великокняжеской печати, Новоспасскому архимандриту Михаилу, и желал его видеть на Московской кафедре. Этот Михаил, мни, как его прозвали, Митяй, был человек видной наружности, с громкой и чистой речью, хорошо толковал силу книжную, знал все старинные повести, книги и притчи и обо всем рассуждал красноречиво. Но щедро наделенный дарами Божиими, он плохо помнил, что все это — не его, — был горд, самонадеян и заносчив. Великий князь не раз просил митрополита Алексия — и сам, и

через серпуховского князя Владимира Андреевича, и через ближних бояр святителя, — чтобы он благословил Митяя после себя на митрополию. Но святитель хорошо знал дурные свойства Новоспасского архимандрита и говорил князю: «Митяй еще недавний монах, — надобно ему запастись духовным опытом и потрудиться в монашестве. Если даст Бог и Святейший Патриарх с собором благословит, то пусть будет; а я не могу благословить его». Если бы не это пристрастие великого князя к своему духовнику, то и святителю Алексию не было бы особенной нужды так заботиться о преемнике, потому что еще в 1376 году был посвящен по просьбе литовских князей в сан митрополита Киприан, с тем чтобы по смерти Алексия он стал всероссийским митрополитом. А перед волею патриарха благоговели и Алексий, и Сергий. Богомудрый Сергий видел, что принять предлагаемый сан в таких обстоятельствах — значило увеличить церковные смуты или взять на себя тяжкое дело умиротворения этих смут: глубокое смирение старца не приняло на себя и этого подвига. Все, что мог он взять на себя для блага Церкви, он сделал: он убеждал великого князя принять Киприана, выставляя на вид вредные последствия разделения митрополии Русской. Но великий князь был недоволен Киприаном за то, что он еще при жизни святителя Алексия, в 1376 году, позволил себе приехать в Москву в звании митрополита всероссийского, но, понятно, не был здесь принят и должен был удалиться в Киев, где и жил.

12 февраля 1378 года не стало святителя Алексия... С его кончиною начинаются скорбные времена для Русской Церкви, до того скорбные и смутные, что некоторые повествователи, излагая историю этого времени и обращая внимание только на внешний ход событий, без надлежащей оценки нравственного характера тогдашних деятелей,

обвиняют в корыстолюбии, честолюбии и других человеческих немощах даже таких лиц, которые за свою святую жизнь Самим Богом прославлены и Церковию чтутся в лике святых Божиих... И тем выше, чище и светлее выступает в этот смутный период церковной жизни святая личность смиренного игумена Радонежского; тем важнее его служение, его личное участие в тогдашних событиях, что он дает беспристрастному историку верное руководство для надлежащей нравственной оценки лиц и событий, дает возможность избрать верную точку зрения на того или другого деятеля и сказать слово правды сколько беспристрастное, столько же и безобидное...

По смерти святителя Алексия и сам великий князь и многие из знатных людей снова предлагали преподобному Сергию принять святительский жезл, но преподобный опять указал на Киприана как законного архипастыря; а когда великий князь не согласился на это, то он указал на Суздальского епископа Дионисия, как человека, наиболее достойного сего сана. Но великий князь опять обратился мыслию к своему любимцу — Новоспасскому архимандриту, и Митяй избран в митрополиты. Этот гордый человек не хотел даже соблюсти должного приличия в своем положении. Еще не посвященный в сан святителя, он облачался в митрополичью мантию, носил белый клобук и золотой крест с украшенным бисером парамандом, садился на святительскую кафедру и позволял себе подвергать наказаниям не только архимандритов, но и епископов. Он внушил было великому князю противную правилам того времени мысль — посвятить его в сан митрополита в Москве, без участия Вселенского Патриарха. Великий князь пригласил было уже и епископов для сего посвящения. Но Суздальский епископ Дионисий восстал:

— Кто это учит тебя, государь, переменять церковный закон по своему усмотрению? Не следует быть тому, чего желают от тебя и от нас.

Так говорил правдолюбивый Дионисий великому князю, и тот отказался от своего желания. Это раздражило честолюбивого Митяя; он потребовал от Дионисия объяснения: почему тот не являлся к нему на поклон?

— Потому, — отвечал Дионисий, — что я — епископ, а ты только священник: не тебе судить меня.

— Да я тебя и попом не оставлю! — гневно закричал Митяй. — Я своими руками спорю твои скрижали!

Зная добрые отношения Дионисия к преподобному Сергию и подозревая, что они оба против него в заговоре, Митяй пожаловался на Дионисия великому князю, будто он хочет ехать в Царьград, чтоб там получить себе сан митрополита, и князь посадил Дионисия под стражу. Но преподобный Сергий взял своего друга на поруки, и Дионисий был освобожден. Через неделю он действительно уехал сначала к себе в Суздаль, потом — в Нижний, а оттуда поехал в Царьград, куда вызвал его Вселенский Патриарх по церковным делам. Это страшно раздражило честолюбца Митяя против преподобного Сергия: ему всегда казалось, что преподобный Сергий действует против него заодно с Дионисием и что именно по совету Сергия покойный митрополит Алексий не захотел иметь его, Митяя, своим преемником.

— Вот, вернусь из Царьграда, — хвалился он, — тогда до основания разорю монастырь Сергиев.

Эта похвальба дошла до смиренного сподвижника.

— Молю Бога, — сказал на это старец, — чтобы он не попустил Митяю разорить место сие и изгнать нас без вины. Митяй побежден гордостию; он грозит обители нашей, но сам не получит желаемого и даже не увидит Царь-града.

Между тем в Москву ехал из Клева митрополит Киприан. Когда преподобный Сергий имел случай лично познакомиться с этим святителем, нельзя сказать с точностию. До нас дошли три письма митрополита Киприана, писанные к «преподобным игуменам Сергию и Феодору» Симоновскому, и из первого письма можно заключить, что до 1379 года они не были лично знакомы. Письмо это писано с дороги, из Любутска (ныне село в Калужской губернии), когда Киприан, узнав о кончине святителя Алексия, ехал в Москву. Вот это письмо:

«Благословение о Святем Дусе, возлюбленным сыном нашего смирения, преподобным игуменам Сергию и Феодору. Молюся Богови, да пребываете в спасении душевном с Богом данною вам братьею. Наставляйте их к путем спасенным (спасительным). Слышу о вас и о вашей добродетели, како мирская вся мудрования преобидесте (вменили ни во что), и о единой воле Божи ей печетеся, и о том вельми благодарю Бога, и молюся Ему, да сподобит виде ти друг друга и насладитися духовных словес. Буди вам сведомо: приехал есмь в Любутск, в четверг, месяца июня 3 день (1378 года), а еду к сыну своему ко князю к великому на Москву. Иду-же якоже иногда Иосиф от отца послан к своей братии, мир и благословение нося. Аще неции о мне инако совещают, аз же святитель есмь, а не ратный (военный) человек; благословением иду, якоже и Господь, посылая ученики Своя на проповедь, учаше их, глаголя: приемляй вас Мене приемлет. Вы же будите готовы видетися с нами, где сами погадаете; вельми жадаю (жажду) видетися с вами и

утешитися духовным утешением. А милость Божия и Святыя Богородицы и мое благословение да будет на вас!»

В ответ на это отеческое послание преподобные отправили было послов навстречу первосвятителю; но великий князь Димитрий велел этих посланцев воротить назад. Из этого письма видно, что Киприан знал о происках Митяя, но, по-видимому, вовсе не ожидал такой встречи, какая ему готовилась в Москве. Он был расположен дружелюбно к великому князю и вез с собою несколько священных вещей, чтобы подарить их князю; но с ним поступили именно «как с Иосифом»: он был схвачен каким-то боярином Никифором, который ограбил митрополита, осыпал неслыханными ругательствами и насмешками и полуобнаженного, голодного запер под стражу в сырую клеть. На другой день его с бесчестием выпроводили из столицы. Оскорбленный до глубины души святитель 23 июня остановился где-то неподалеку от Москвы и написал второе послание «честному старцу игумену Сергию и игумену Феодору». Тут он излил всю свою скорбь на эти несправедливости, сильно восставал против незаконных притязаний Митяя и предал отлучению всех, принимавших участие в нанесении ему, законному митрополиту, такого бесчестия и поругания, какого, по его выражению, «не сотворилося есть ни над единым святителем, како Русская земля стала». «Аз, — пишет он, — Божиим изволением и избранием великого и святого собора, и благословением и ставлением Вселенского Патриарха, поставлен есмь митрополит на всю Русскую землю, а вся вселенная ведает (о том). И нынече поехал есмь был со всем чистосердечием и с доброхотением к князю великому...» Рассказав далее о том, что потерпел от Никифора, который обобрал донага не только его, но и всех, бывших с ним, и выпроводил из города на тощих

клячах, «в оботех лычных», без обуви и даже без сорочек, святитель с горьким упреком жалуется: «Тако ли не обретеся никто-же в Москве, добра похотети душе князя великого и всей отчине его?.. А аще миряне блюдутся (боятся) князя, занеже у них жены и дети, стяжания и богатства, и того не хотят погубити: вы же, иже мира отреклися есте, и живете единому Богу, како, толику злобу видев, умолчали есте?.. Растерзали бы есте одежи своя, глаголали бы есте пред пари не стыдяся; аще быша вас послушали, добро бы; аще быша вас убили, и ны святи...» Тут Киприан приводит церковные правила, угрожающие анафемою «купующим и продающим мздою или силою княжескою святительство», а «у вас, — говорит, — стоит на митрополице месте чернец в мантии святительской и в клобуце, и перемонатка (параманд) святительская на нем, и посох в руках. И где таковое бесчиние и злое дело слышалося?.. Аще брат мой (святой Алексий) преставился, аз есмь святитель на его месте; моя есть митрополия!» Он свидетельствуется Богом, что его совесть чиста в отношении к великому князю, что он всегда отдавал ему должную честь, всегда за него молился, что и в Литве он делал все, что мог, для пользы великого князя и Русской митрополии. А польза Церкви требует не разделения, а единства митрополии. Указав далее на то, что никакой князь не имеет права судить епископа, даже и виновного, без собора и патриарха, святитель восклицает: «Слыши небо и земля и вси христиане, что сотвориша надо мною христиане!.. И аз колика сила (сколько мог) хотел есмь, чтобы злоба утишилася. То Бог ведает, что любил есмь от чистого сердца князя великого Димитрия, и добра ми было хотети ему и до своего живота... Вы же, честнии старци и игумени, отпишите ми наборзе (поскорее), да угонит мене ваша грамота наборзе, что мудрствуете (как вы думаете)... А ко Царю-граду еду, оборонитися Богом и святым патриархом, и

великим собором; и тии (враги мои) на куны надеются и на фрязы (генуэзцев, у которых можно было брать «куны» в долг), аз же на Бога и на свою правду...»

Не приводим вполне этого очень обширного послания; но и сделанных нами выдержек довольно, чтобы видеть, что скорбящий святитель не имел людей, более Сергия и Феодора близких по духу, пред которыми он мог бы раскрыть все свое горе и облегчить душу излиянием скорбных чувств. И он не ошибся. Из его третьего послания видно, что преподобные не оставили без ответа его скорбной исповеди. «Елико смирение и повиновение и любовь имеете к святой Божией Церкви и к нашему смирению, все познал семь от слов ваших, — пишет святитель от 18 октября уже из Киева. — А како повинуетеся к нашему смирению, тако крепитеся». Теперь Киприан уже спокойнее смотрел в будущее, зная свою правоту. «Аз бо славы не ищу, ни богатства, но митрополию свою, юже ми есть предала святая Божия Церкви, а смирения (мира) и соединения церковного желаю и христианского. А кто нас не восхотели, потом познают истину. А аз без измены (непременно) еду к Царю-городу. А пред собою вести послал же есмь. А вы, сынове, не тужите; молите же Господа Бога, да сподобит нас видетися, и тогда утешимся веселием духовным и возрадуемся». Так святитель Киприан заключает свое третье послание к преподобным.

Между тем Митяй с большою свитою и дарами отправился в Царьград для посвящения в сан митрополита. Но над гордым честолюбцем сбылось пророчество смиренного игумена Сергия: во время плавания он вдруг заболел и в виду самого Константинополя скоропостижно умер. «Рассказывали, — говорит летописец, — что корабль, на котором он плыл, во время его болезни вдруг стал на одном месте, без всякой

причины; и тогда как другие суда шли взад и вперед беспрепятственно, он, как бы удерживаемый невидимою рукою, не трогался с места, несмотря на попутный ветер и все усилия пловцов. Когда же Митяй умер и был свезен на особом судне в Галату, где и похоронен, то корабль немедленно тронулся и пошел своим путем».

Преподобный Дионисий, епископ Суздальский, в это время находился в Царьграде. При расположении к нему патриарха, который почтил его саном архиепископа, Дионисий мог бы после несчастной смерти Митяя испросить себе сан митрополита. Но он не искал земной чести, а только славы Божией. Нашелся другой искатель высокого сана: это был архимандрит Пимен, один из спутников Митяя. И без согласия княжеского, обманом и подкупом, он добился того, что был поставлен в сан митрополита. Когда великий князь узнал об этом, то распорядился взять Пимена еще на пути в Москву и послать в заточение, а своему новому духовнику, преподобному Феодору Симоновскому, приказал ехать в Киев, чтобы звать в Москву митрополита Киприана. В мае 1381 года Киприан с честию был встречен в Москве. Но в августе 1382 года, во время нашествия Тохтамыша, он имел неосторожность удалиться из Москвы в Тверь, где в то. время княжил давний враг великого князя московского — Михаил Александрович. Московский князь оскорбился и после того не захотел принять к себе Киприана, который вынужден был снова удалиться в Киев. Туда сопровождал его ученик преподобного Сергия, преподобный Афанасий Серпуховской. Сохранилось от этого времени еще письмо Киприана, по всей вероятности, писанное так же, как и вышеупомянутые три, к преподобному Сергию, но уже одному, без Феодора. «Буди ти ведомо, сыну, — писал митрополит, — еду к Царю-городу конми, на Волошскую землю. Мне не хотелося от своих

детей нигде не бывати (расставаться), да что взяти! Кто мене в труд путный вложил в сие время, Господь Бог паки да подаст ему (великому князю) познати истину. А мне борзо (скоро надо) быти у вас из Царя-города, а лживого человека и льстивого (Пимена) Бог объявит. Ты же прилежи своей пастве, ведый, яко о них слово воздаси Богови; аще ли кто не послушает, о том больше прилежи и учи, веси бо слово Господне, глаголющее: изводяй честное от недостойного яко уста Моя будет. Маловременна бо есть жизнь наша, и блажен человек ходяй в заповедех Господних. Отпиши же ми (ко мне), дати ми сведомо, како еси (как ты живешь)? А Господь Бог да соблюдает вас неврежены».

Так писал святитель Киприан смиренному пустыннику; так он поверял ему свои скорби и заботы; так и самого его укреплял в подвигах добродетели. Как жаль, что до нас не дошли ответные послания святого игумена: можно судить, как они были дороги и утешительны для скорбящего, гонимого архипастыря!

На место Киприана в Москву был вызван из заточения Пимен. Но и он был не по сердцу великому князю, который послал теперь преподобного Дионисия, архиепископа Суздальского, в сопровождении Феодора, племянника Сергиева, в Царьград для поставления в сан митрополита. Дионисий действительно был поставлен и уже ехал в Москву, но на пути был задержан князем Владимиром Ольгердовичем, и Феодор возвратился в Москву один. Заключенный в Киево-Печерской лавре, Дионисий скорее успел достигнуть почести небесного звания, нежели воспользоваться почестями нового сана церковного: в 1384 году он там скончался.

Только в конце 1389 года, уже по смерти великого князя Димитрия Иоанновича, митрополит Пимен был низложен, а Киприан патриархом Антонием и соборным деянием в Константинополе был окончательно утвержден митрополитом Киевским и всея России, и в феврале следующего 1390 года прибыл в Москву. Но недолго ему пришлось «утешаться духовным утешением» в собеседовании с великим старцем радонежским: в сентябре 1391 года сего Богоносного старца не стало...

Глава XV

ПЕЧАЛЬНИК РУССКОЙ ЗЕМЛИ

«Мир видит в пустынниках людей бесполезных для гражданских обществ, полагая, что он-то с своею волею, он-то с своим умом, он-то с своими шумными уставами и есть единственный благотворитель обществ. Но мир не понимает значения нравственных сил для общества, не знает ни силы молитвы, ни обширности зрения духовного», —. так говорит святитель Филарет Черниговский. «В благочестивых пустынножителях, отрекшихся от мира, — говорит Московский святитель Филарет, — мир не думает видеть деятельных сынов отечества и мужей государственных, - он даже презирает, ненавидит их. Но справедлив ли мир, когда он ненавидит людей, которые, оставляя его на всю жизнь, в то же время на всю жизнь обрекают себя желать ему истинного добра в непрестанных молитвах, — и не только желать, но и самым делом доставлять то, чего желают? Святые подвижники подвигами благочестия и чистыми молитвами отводят от него громы раздраженного неба и низводят на него могущественные и действенные благословения, а мир отвергает сих благодетелей! Если бы мир судил о них хотя бы только по одним временным выгодам, и тогда он отвергал бы в них свою собственную пользу; ибо если он считает их ни к

чему неполезными, то ясно, что он не знает собственных выгод».

Эти рассуждения двух соименных святителей наших прекрасно идут к житию преподобного Сергия: его жизнь еще раз засвидетельствовала возвещенную апостолом истину, что *благочестие на все полезно есть, обетование имущее живота нынешняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8). «Отказался преподобный от высокой чести быть Ангелом Церкви Российской, — говорит один благочестивый списатель, — но мог ли он, смиренный Сергий, отказать благоговейно им чтимому и горячо его любившему архипастырю, митрополиту Алексию, — духовно отказать в послушании, проведши в оном всю иноческую жизнь свою? Ведь он же говорил некогда, что всякое слово из уст сего святителя он приемлет яко из уст Христовых: как же согласить с сими словами его отречение от сана архиерейского? Нет, Сергий и тут остался послушен своему духовному другу и отцу; только на небесах довершил он сей подвиг послушания, приняв горе предложенное ему долу, и с тех пор не переставал радеть о пастве, дивно являя свое святительство... Время общественных бедствий есть его время: когда все уже кажется гибнущим, тогда воздвигается Сергий!» Мысль глубокая и достойная приятия. Но и при жизни своей разве Сергий не действовал для родной земли и для Церкви Божией так, как в Древней Руси имели дерзновение и силу действовать только святители? Никто, как Сергий, не принимал столь живого участия в делах России непрестанными знамениями своего покровительства после своей смерти; но никто, как он же, и при жизни, и сам лично, и чрез своих учеников, — никто так не содействовал духовному возрождению и обновлению всей Русской земли, а чрез то и освобождению ее от подчинения и рабства ее диким азиатским ордам. И теперь, воспоминая над его ракою все

наше славное минувшее, невольно восклицаешь с приснопамятным великим святителем Филаретом: «Братие! Ведь это все здесь!..»

Да, великий избранник Божий Сергий дарован Богом земле Русской именно в такое тяжкое время, когда татары заполонили почти все пределы ее, когда междоусобия князей доходили до кровавых побоищ, когда эти усобицы, бесправие, татарские насилия и грубость тогдашних нравов грозили русскому народу совершенною гибелью.

С лишком полтораста лет томилась многострадальная Русь под тяжелым игом татарским. И вот наконец призрел Господь Бог на мольбы Руси православной, — приближался час освобождения, в котором Сергий явился истинным печальником родной земли. «Примером своей святой жизни, высотой своего духа он поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в помощь Божию... Своею жизнию, самой возможностью такой жизни преподобный Сергий дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло, помог ему заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел сам он». И вот мы видим, что «народ, сто лет привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды?.. Мы знаем одно, что преподобный Сергий благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего

на глазах преподобного Сергия», под его благодатным воспитанием... Вот как повествует об этом история.

Один из гордых ханов татарских, Мамай, поднялся на Русь со всеми полчищами. Напрасно великий князь Димитрий Иоаннович пытался умилостивить его дарами и покорностию: Мамай и слышать не хотел о пощаде. Как ни тяжело было великому князю, после недавних войн с литовцами и другими беспокойными соседями, снова готовиться к войне, а делать было нечего: татарские полчища надвигались подобно грозовой туче к пределам тогдашней России.

Готовясь выступить в поход, великий князь Димитрий Иоаннович счел первым долгом посетить обитель Живоначальной Троицы, чтобы там поклониться единому Богу, в Троице славимому, и принять напутственное благословение от преподобного игумена Сергия. Он пригласил с собою брата Владимира Андреевича, всех бывших тогда в Москве православных князей и воевод русских, с отборной дружиной воинской, и после Успеньева дня выехал из Москвы. На другой день они прибыли в Троицкую обитель. Воздав здесь свое смиренное поклонение Господу Сил, великий князь сказал святому игумену: «Ты уже знаешь, отче, какое великое горе сокрушает меня, да и не меня одного, а всех православных: ордынский князь Мамай двинул всю орду безбожных татар, и вот они идут на мою отчину, на Русскую землю, разорять святые церкви и губить христианский народ... Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!»

Святой старец успокоил великого князя надеждою на Бога и, так как тот спешил в обратный путь, то просил его отслушать Божественную литургию, а по окончании оной пригласил его вместе с другими князьями и воеводами вкусить

хлеба-соли монастырской. Великий князь отказывался: гонцы один за другим приносили ему известия о приближении Мамая к пределам русским.

Но любвеобильный старец умолял Димитрия Иоанновича вкусить хлеба у него в трапезе.

— Обед сей, — говорил он, — тебе, великий княже, будет на пользу.

Дорогой гость согласился, и обрадованный старец в духе предведения сказал ему:

— Господь Бог тебе помощник; еще не приспело время тебе самому носить венец этой победы с вечным сном; но многим, без числа многим, сотрудникам твоим плетутся венцы мученические с вечной памятью.

Между тем преподобный распорядился приготовить освященную воду, и, по окончании трапезы, окропил ею великого князя и всех бывших с ним князей, воевод и христолюбивых воинов. Беседуя с великим князем, святой старец советовал ему почтить дарами и честию злочестивого Мамая.

— Тебе, господине княже, — говорил он, — следует заботиться и крепко стоять за своих подданных, и душу свою за них положить, и кровь свою пролить, по образу Самого Христа, Который кровь Свою за нас пролил. Но прежде, господине, пойди к ним с правдой и покорностью, как следует по твоему положению покоряться ордынскому царю. Ведь и Василий Великий утолил дарами нечестивого царя Иулиана, и Господь призрел на смирение Василия и низложил нечестивого Иулиана. И Писание учит нас, что если такие враги хотят от нас чести и славы, — дадим им; если хотят злата и сребра, дадим и это; но за имя Христово, за веру православную, нам подобает душу свою положить и кровь свою пролить. И ты, господине, отдай им честь, и злато, и сребро, и Бог не попустит им одолеть нас: Он вознесет тебя, видя твое смирение, и низложит их непреклонную гордыню.

Все это я уже сделал, — отвечал ему великий князь, — но враг мой возносится еще более.

Если так, — сказал угодник Божий, — то его ожидает конечная гибель, а тебя, великий княже, помощь, милость и слава от Господа. Уповаем на Господа и на Пречистую Богородицу, что Они не оставят тебя.

И, осеняя преклонившегося пред ним великого князя святым крестом, Богоносный Сергий воодушевленно произнес:

— Иди, господине, небоязненно! Господь поможет тебе на безбожных врагов! — А затем, понизив голос, сказал тихо одному великому князю: — Победиши враги твоя...

С сердечным умилением внимал великий князь пророческому слову святого игумена: он прослезился от душевного волнения и стал просить себе у преподобного особого дара в благословение своему воинству и как бы в залог обещанной ему милости Божией.

В то время в обители Живоначальной Троицы в числе братии, подвизавшейся под руководством Сергия против врагов невидимых, были два инока-боярина: Александр Пересвет, бывший боярин Брянский, и Андрей Ослябя, бывший боярин Любецкий. Их мужество, храбрость и искусство воинское были еще у всех в свежей памяти: до принятия монашества оба они славились как доблестные воины, храбрые богатыри и люди очень опытные в военном деле. Вот этих-то иноков-богатырей и просил себе в свои полки великий князь у преподобного Сергия: он надеялся, что эти люди, посвятившие себя всецело Богу, своим мужеством могут служить примером для его воинства и тем самым сослужат ему великую службу. И преподобный Сергий не задумался исполнить просьбу великого князя, на вере основанную: он тотчас же повелел Пересвету и Ослябе изготовляться на дело ратное. С радостию приняли доблестные иноки повеление своего любимого старца-игумена, а он приказал им, в замену лат и шлемов, возложить на себя схимы, украшенные изображением креста Христова.

— Вот вам, дети мои, оружие не тленное, — говорил при сем преподобный. — Да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!

Поручая их великому князю, святой старец сказал ему:

— Вот тебе, возлюбленный княже, мои оруженосцы и послушники, а твои избранники! — А им сказал: — Мир вам, возлюбленные мои о Христе братия! Мужайтесь, яко доблии воины Христовы! Приспело время вашей купли!

Благословив крестом и окропив еще раз освященною водою великого князя, своих иноков-витязей и всю дружину княжескую, преподобный Сергий сказал великому князю:

— Господь Бог да будет твой помощник и заступник: Он победит и низложит супостатов твоих и прославит тебя!

Тронутый до глубины души пророчественными речами старца, великий князь отвечал ему:

— Если Господь и Пресвятая Матерь Его пошлет мне помощь противу врага, то я построю монастырь во имя Пресвятой Богородицы.

Есть предание, что в это время преподобный Сергий вручил великому князю икону Господа Вседержителя, которая и поныне хранится в Московском Симоновом монастыре, близь коего, на Старом Симонове, погребены сподвижники Донского, Пересвет и Ослябя. Предание говорит, что сюда принесена была эта икона при гробе славного Пересвета после битвы Куликовской. Икона богато украшена золотом, жемчугом и дорогими камнями. Кроме Спасителя на ней изображены: святитель Николай Чудотворец и святой Кирилл Иерусалимский, а на дверцах киота — Богоматерь и Предтеча. В подтверждение этого предания можно было бы указать на древний характер письма этой иконы, походный створчатый киот и богатые украшения, приложенные, может быть, впоследствии к иконе, а также и на то, что в обители преподобного Сергия еще при его жизни занимались иконописанием. Но в недавнее время, именно в 1888 году, в

Церковно-археологический музей при Киевской Духовной академии в числе прочих древних вещей был пожертвован деревянный восьмиконечный крест длиною около полуаршина в серебряном вызолоченном окладе. На этом окладе ученые любители старины разобрали такую надпись: «Сим крестом благословил преподобный игумен Сергий князя Димитрия на погана царя Мамая и река: сим побеждай врага. В лето 1380 августа 27 дня». Если этот крест есть действительно благословение преподобного Сергия великому князю Димитрию Иоанновичу, то упомянутый выше складень мог быть просто походного иконою великого князя, к которой позднейшее предание приложило имя преподобного Сергия только потому, что крест был уже утрачен, а предание о вещественном знамении благословения угодника Божия осталось в памяти потомства.

Преподобный Сергий проводил гостей своих до святых ворот обители и, преподав в лице их мир и благословение всему православному воинству, отпустил их с молитвенными благожеланиями.

По возвращении в Москву великий князь рассказал митрополиту Киприану о своем путешествии в Троицкую обитель, о беседе с великим старцем и о его предсказании. С сердечным участием выслушал святитель его рассказ и посоветовал ему хранить эту тайну в глубоком молчании, особенно же слова святого старца: «Победиши супостаты твоя», — до тех пор, пока событие оправдает прозорливость угодника Божия и Бог благословит дело счастливым успехом.

Между тем быстро пронеслась по лицу Русской земли молва о том, что великий князь ходил к Троице и получил благословение и ободрение на брань с Мамаем от великого старца, Радонежского пустынника; светлый луч надежды

блеснул в сердцах русских людей, а те, которые готовы были стать противу великого князя московского заодно с Мамаем, поколебались... Таков был старый рязанский князь Олег: он уже готовился соединиться с Мамаем, чтобы поживиться на счет московского князя, со стороны коего не ожидал большого сопротивления такому сильному врагу, как вдруг получил известие, что московские силы уже переправились чрез Оку. Это известие так его опечалило, что он стал упрекать своих бояр:

— Почему вы не предупредили меня об этом? Как мы теперь будем сноситься с нашим другом-союзником — литовским князем Ягайлом Ольгердовичем? Все пути теперь заняты...

Бояре на это сказали ему:

— Мы боялись тебе говорить об этом, хотя давно об этом слышали. Говорят, что в отчине московского князя есть один инок-подвижник, зовут его Сергием; он имеет от Бога дар пророчества; говорят, что этот инок благословил московского князя идти против Мамая.

Когда Олег услышал об этом, то очень встревожился:

— Что же вы раньше ничего не сказали мне об этом? Тогда я пошел бы к Мамаю навстречу и стал бы умолять его не ходить на сей раз на Москву, и не было бы беды никому тогда...

Так высоко ставили благословение преподобного Сергия даже сами враги московского князя. Благословение такого святого старца даже в их глазах считалось уже достаточным ручательством победы великого князя московского. И Олег отложил всякую мысль идти на помощь татарам против московских полков.

Скоро под личным начальством великого князя Димитрия Иоанновича и его брата — сподвижника князя серпуховского Владимира Андреевича русские войска достигли Куликова поля (в нынешней Тульской губернии, в Епифанском уезде). 8 сентября 1380 года с раннего утра они стали в боевой порядок между рек Дона и Непрядвы, готовые встретить безбожного врага. В это самое время является перед великим князем инок Нектарий, посланный с другими братиями от преподобного Сергия, нося мир и благословение ему и всему христолюбивому его воинству. Святой старец провидел духом нужду еще раз укрепить мужество великого князя перед самою битвою и прислал ему в благословение Богородичную просфору и своеручную грамотку, конец которой сохранила для потомства одна из наших летописей. Грамотка эта, увещевая великого князя сражаться мужественно за дело Божие и пребывать в несомненном уповании, что Бог увенчает их дело счастливым успехом, оканчивалась следующим изречением: «Чтобы ты, господине, таки пошел, а поможет ти Бог и Троица». Великий князь прочитал грамотку, вкусил от святой просфоры и, воздев руки, громко произнес молитву из чина Панагии: «Велико имя Пресвятой Троицы! Пресвятая Госпожа Богородице, спаси нас! Тоя молитвами Христе Боже, и за молитвы святых чудотворцев Петра и Алексия и преподобного игумена Сергия, помогай нам на сопротивныя силы и спаси нас!»

Быстро разнеслась по полкам весть о посланцах Сергиевых; в лице их великий печальник Русской земли как бы сам посетил и благословил русское воинство, и это посещение в такую важную и решительную для всех минуту было сколько неожиданно, столько же и благовременно. Теперь и слабые духом воодушевились мужеством, и каждый воин, ободренный надеждою на молитвы великого старца,

бесстрашно шел на битву, готовый положить душу свою за святую веру православную, за своего князя любимого, за дорогое свое отечество.

С честию отпустил великий князь посланцев Сергиевых и стал на высоком холме. Пред ним стояли стройные необозримые ряды войск; легким ветром развевались бесчисленные знамена; на ярком осеннем солнце блестели оружие и доспехи; слышны были громкие восклицания:

— Боже, даруй победу государю нашему!..

При мысли, что многие тысячи этих храбрых витязей падут чрез несколько часов, как усердные жертвы любви к отечеству, Димитрий Иоаннович в умилении преклонил колена и, простирая руки к золотому образу Спасителя, сиявшему вдали на черном знамени великокняжеском, в последний раз горячо молился за христиан и Россию...

Потом он сел на коня, объехал все полки, воодушевляя их и называя воинов «верными товарищами и милыми братьями».

— Готовы головы наши сложить за Христа и отечество и за тебя, великий княже! — отвечали ему со всех сторон дружины храбрых героев.

Вооружившись железною палицею, великий князь выступил из полка вперед, чтобы лично подать пример другим и собственною особою начать бой.

— Мне должно, — говорил он, — общую с вами пить чашу, — смерть ли или живот — едино с вами вкушу!..

Но усиленные просьбы всех русских князей и воевод — не вдаваться без нужды в опасность и щадить свою дорогую жизнь для общей пользы, — едва удержали его от такого

великодушного порыва. На время он покорился их желанию и оставил за собою только общее распоряжение ходом битвы.

Наступил грозный час этой битвы, которая должна была решить участь тогдашней России. Солнце переходит шестую степень дня (12-й час — полдень); лишь небольшое пространство отделяет русские передовые полки, при которых находился сам великий князь, от несметных полчищ татарских; уж начались небольшие сшибки под начальством какого-то Тулина... В самый полдень оба войска сошлись лицом к лицу при устье реки Непрядвы... Вдруг с татарской стороны выехал вперед богатырь огромного роста, крепкого сложения, страшной наружности; звали его Челибей Тамир-Мурза, а родом он был печенег. Тщеславный своею силою, подобно древнему Голиафу, грозно потрясал он копьем и вызывал на единоборство кого-либо из русских витязей... Страшно было смотреть на этого великана, и русские думали про себя: «Ах, если бы нашелся кто-нибудь из наших, который бы поразил его!» И хотя было немало среди них храбрых воинов, но никто не решался сам добровольно вызваться на такой подвиг.

Прошло несколько минут томительного ожидания, и вот из полка Владимира Всеволодовича выступает один из Сергиевых иноков — его усердный послушник схимонах Александр Пересвет... Пламенея ревностью по вере Христовой и любовью к дорогой родине, он не стерпел поношения от дерзкого татарина всему воинству православному, — выехал вперед и, обратившись к великому князю и другим князьям, сказал:

— Не смущайтесь этим нисколько: велик Бог наш, и велика крепость Его! Гордый татарин не мнит найти среди нас равного себе витязя; но я желаю с ним переведаться, я

выхожу против него во имя Господа Сил! Готов воспринять венец Царства небесного!

Вместо брони и шлема Александр облечен был, по завету своего старца игумена Сергия, в схиму ангельского образа; на этой одежде — на челе, на груди и назади — было нашито знамение воина Христова — Господень крест. Доблестный инок-воин, выходя на единоборство, окропил себя святою водою, заочно простился с отцом своим духовным — Сергием, простился с своим собратом Андреем Ослябею, с великим князем, со всеми вождями и воинством православным и громко воскликнул:

Отцы и братия! Простите меня, грешного!

Бог тебя простит, благословит и молитвами Сергия да поможет тебе! — было ему всеобщим ответом.

Все были тронуты до слез самоотвержением инока; все молили Бога, да поможет ему, как древле Давиду на Голиафа. А он в одном схимническом одеянии без лат и шлема, вооруженный тяжеловесным копьем, подобно молнии устремился на своем быстром коне противу страшного татарина... Раздались громкие восклицания с той и другой стороны; оба противника сближаются, ударяют друг друга

тяжелыми копьями — столь крепко, столь громко и сильно, что казалось, потряслось самое место их битвы, и — оба богатыря пали мертвыми на землю!..

Тогда-то «закипела битва кровавая, заблестели мечи острые, как молнии, затрещали копья, полилась, — повествует святитель Димитрий Ростовский, — кровь богатырская под седлами, покатились шлемы золоченые под ноги конские, а за шлемами и головы богатырские...»

Не выдержал и великий князь: он сошел с коня великокняжеского, отдал его своему любимому боярину (Михаилу Бренку), повелел ему вместо себя быть под знаменем, а сам достал бывший у него на персях под одеждою крест с частицами Животворящего Древа, поцеловал его и ринулся в битву с татарами наравне с простыми воинами...

И много доблестных русских воинов полегло костьми на поле том. Летописи говорят, что из ста пятидесяти тысяч воинов вернулось в Москву не более сорока тысяч; многие воеводы также сложили свои головы в этом кровавом бою. Но вдвое более побито татар, и битва окончилась совершенным поражением полчищ Мамая и бегством его самого с поля, усеянного на много верст трупами ордынскими.

Между тем как длилась грозная битва Куликовская, в обители Живоначальной Троицы святой игумен Сергий собрал всю свою братию и возносил Богу молитвы сердечные за успех великого дела. Телом стоял он на молитве во храме Пресвятой Троицы, а духом был на поле Куликовом: прозревая очами веры все, что совершалось там, он, как очевидец, поведал предстоявшей братии о постепенных успехах нашего воинства; от времени до времени он называл павших героев по имени, сам приносил за них заупокойные молитвы и

повелевал то же делать братии. Наконец он возвестил им совершенное поражение врагов и прославил Бога, поборающего русскому оружию.

Мы имеем основание думать, что этим не ограничились заботы великого печальника земли Русской в тяжкую годину Мамаева нашествия об умиротворении родной земли; Куликовская победа настолько обессилила русское войско, что ему необходимо было дать отдых, а у московского князя, как мы уже видели, тогда было немало врагов и кроме татар. На одной пергаменной рукописи, хранящейся в библиотеке Троицкой лавры, писанной именно в 1380 году, в тревожные дни борьбы с Мамаем, осталась замечательная приписка.

«Вчитываясь в эту запись, — говорит один исследователь старины, невольно замечаешь в ней набросок для памяти чего-то такого, что казалось автору обильным последствиями, невольно усматриваешь тесную связь между отрывочно намеченными событиями дня...» Кто этот Симоновский? Должно думать, что никто иной, как симоновский настоятель, будущий святитель Ростовский, святой Феодор, племянник и ученик преподобного Сергия. Каким образом приезд святого Феодора мог вызвать отъезд келаря в Рязань?.. Все дело по записи представляется так: святой Феодор приехал после обедни, прямо направился к преподобному Сергию, о чем-то переговорил с ним. Позвали келаря, дали ему какое-то поручение. Келарь поспешно собрался и отправился в Рязань; за ним или с ним, кажется, обратно выехал святой Феодор, как показывает слово: приездил в отличие от слова приехал. Приехал позже, уже под вечер Исакий Андрейков и привез, по-видимому, весть о литве и агарянах; к ночи весть эта распространилась в неясной форме и заставила испугаться «многого скрипения» двух телег среди ночи. Стало быть, приезд Симоновского

настоятеля был по важному и спешному делу, с поручением от кого-то из Москвы. От кого же? Великий князь в то время стоял с своим победоносным воинством в Коломне; в Москве оставались — его супруга и митрополит Киприан. Весьма вероятно, что святитель Киприан при известии о движении литовцев решился предотвратить столкновение великого князя по крайней мере с Олегом Рязанским; но, не надеясь на собственный авторитет, как еще только что вступивший на митрополию, обратился для этого к содействию великого старца Божия, преподобного Сергия, чрез посредство своего друга — его племянника святого Феодора. И вот преподобный Сергий тотчас же посылает в Рязань своего келаря. И не напрасно было это посольство: летопись говорит о раскаянии Олега, хотя и ненадолго; еще сильнее убеждения троицкого келаря подействовали на рязанских бояр, и Олег, готовый прежде «кому Господь Бог поможет, к тому» и сам «своинственная показати», стало быть, имевший наготове войско, теперь «отбежа от града своего Рязани и побеже» одинокий «к Ягаилу, князю литовскому». Возможно ли, чтобы Олег, имея близкую помощь от Литвы, испугался сорокатысячного остатка московской рати, если и сам Донской тщательно избегал всякого повода к столкновению, если одна весть — «литва грядут» заставляла тогда дрожать москвичей? Очевидно, Олег боялся не Донского, а того впечатления, которое произвел келарь Сергиев в Рязани. Так вот кому обязана Русь своим спасением и после знаменитой Куликовской битвы, когда ее враги зорко следили за ней, готовые воспользоваться ее ослаблением от великого боя с Мамаем! И тут преподобный Сергий явился заступником Руси, и тут он предупредил страшное кровопролитие, тем более страшное, что это было бы пролитие родной, братской, русской же крови...

Так можно заключать на основании вышеупомянутой краткой приписки на лаврской рукописи.

Возвратись в Москву и распустив по домам воинов-победителей, великий князь Димитрий Иоаннович, прозванный за эту победу Донским, с своим братом и сподвижником Владимиром Андреевичем, получившим прозвание Храброго, снова прибыл в обитель Живоначальной Троицы, чтобы воздать благодарение сильному во бранех Господу, лично поведать великому старцу о Богодарованной победе и вместе поблагодарить его за теплые молитвы и за помощь, оказанную его ратниками, от ангельского лика данными. Радостно было это свидание благоверного князя с святым старцем! Преподобный встретил его у святых ворот обители с святыми иконами и святою водою и, осенив его крестом, поздравил с победою. Великий князь поведал старцу о ходе битвы, рассказал и о геройской смерти доблестного его послушника, Александра Пересвета, примолвив:

— Если бы, отче святый, твой послушник Пересвет не убил татарина-богатыря, сколь бы многие испили от него чашу смертную! И без этого великое множество христианского воинства избито татарами: помолись о них, честный отче!

В бытность свою на этот раз в Троицкой обители, великий князь велел петь панихиды и служить заупокойные литургии по всем убиенным на Куликовом поле. Это поминовение совершается и теперь ежегодно по всей православной России под именем Дмитриевской субботы, пред 26-м числом октября (день Ангела великого князя Димитрия Иоанновича) и, конечно, установлено не без совета с преподобным Сергием. Может быть, потому-то нигде оно не совершается так торжественно, как в Троицкой Сергиевой лавре, причем

поминаются по имени все главные подвижники сего боя, и в числе их схимонахи Александр Пересвет и Андрей Ослябя.

В это посещение великий князь наделил монастырь Сергиев щедрыми дарами, раздал много милостыни народу, который собрался со всех окрестных селений навстречу ему; учредил для преподобного Сергия и его братии обильную трапезу, в которой и сам принимал участие со всеми своими спутниками, и с радостным духом возвратился в Москву. Впоследствии он исполнил и обет свой: при пособии преподобного Сергия им был построен Стромынский Успенский монастырь на реке Дубенке, где первым настоятелем был ученик преподобного Сергия — Савва Одноокий; не забыто было и место славной победы над Мамаем: на Куликовом поле тоже был построен монастырь в честь Рождества Богородицы на том месте, где теперь село Монастырщина. В церкви этого села и доселе хранятся, как драгоценная святыня, простые деревянные царские врата, очень небольшого размера, по преданию, пожертвованные сюда Богонос-ным Сергием.

Не успела Русская земля оправиться от страшных потерь в Куликовскую битву, как явился новый враг, Тохтамыш. Разбив Мамая и овладев престолом в Золотой Орде, он потребовал себе покорности от русских князей. Некоторые приняли его послов; но в Москву эти послы не решились идти: татары не забыли еще Куликовского поражения. Тогда Тохтамыш решился разогнать этот страх и двинулся на Москву окольными путями, избегая встречи с великим князем, который поспешно собирал войско в Костроме, Переславле и других городах. 23 августа 1382 года Тохтамыш внезапно появился под Москвой. Защиты не было: Москва пала. Новооснованные монастыри: Чудов, Симонов, Андрониев и другие — были разорены. Можайск, Звенигород, Руза,

Боровск, Дмитров были опустошены... Преподобный Сергий на это время удалился из своей обители в Тверь, куда выехал и митрополит Киприан. Но вражья рука не коснулась пустыни Сергиевой. Тохтамыш так же скоро ушел, как и пришел: великий князь заходил ему с тыла...

Глава XVI

УМИРОТВОРИТЕЛЬ КНЯЗЕЙ

После описанных событий 1380 года обитель Сергиева стала еще более близка сердцу великого князя Димитрия Иоанновича. Лишившись в святителе Алексии отца и благодетеля, он всею душою расположился к смиренному игумену Радонежскому. В нем он нашел мудрого советника и теплого молитвенника; к нему не раз обращался за помощию в делах государственных, его приглашал быть восприемником от купели святого крещения детей своих: Юрия (родившегося 26 ноября 1374 года) и Петра (родился в 1385 году июня 29-го). По смерти Митяя он избрал себе в духовники племянника и ученика преподобного Сергия — игумена Феодора Симоновского, который крестил и его сына Андрея (родился в 1382 году августа 14-го, — вероятно, Феодор в сем случае заменил Сергия, находившегося в это время в Твери). Примеру великого князя следовали — серпуховский князь Владимир Андреевич (преподобный крестил у него сына Иоанна в 1381 году) и некоторые другие удельные князья и бояре, — «мысль, — по справедливому замечанию святителя Филарета, — достойная мужей, разумеющих силу христианских установлений — избирать в восприемники испытанного духовного наставника и молитвенника».

В 1384 году к великому князю Димитрию из Пруссии приехал служить «державец» терновский, Воейко Войтегович, в сопровождении ста пятидесяти человек сербов, болгар и пруссаков. Воейко был родом из Болгарии, из города Тернова; по смерти отца оставив город Тернов своему брату Фрианду, он переселился сначала в Пруссию, где было также имение его отца, а оттуда прибыл в Россию. По своему вероисповеданию он принадлежал к Аполлинариевой ереси; святитель Киприан убедил его принять православную веру, и великий князь повелел дяде своему, князю Андрею Ивановичу, восприять его от святой купели. Священнодействие крещения и миропомазания совершал сам святитель Киприан с прилучившимся тогда в Москве преподобным Сергием, в церкви Архангела Михаила, в Чудовом монастыре, причем преподобный игумен Сергий благословил новокрещенного Прокопия Воейкова иконою святителя Николая Чудотворца, а митрополит Киприан — золотым крестом с святыми мощами, украшенным драгоценными каменьями и жемчугом. Предание это записано в родословной книге рода Воейковых, а устное предание дополняет, что преподобный Сергий выразил при этом свою волю, чтобы сия икона передаваема была из рода в род, от отца к сыну, дотоле, пока род Воейковых будет продолжаться по прямой линии, а в случае прекращения рода икона была бы возвращена в обитель его, «если милостию Божиею сия обитель будет существовать до того времени». Переходя из рода в род, благоговейно чтимая икона святителя Николая наконец дошла до последнего в роде Воейковых, Сергия Феодоровича Воейкова, который, будучи совершенно одиноким, почел долгом совести исполнить завещание преподобного Сергия и в 1895 году возвратил благословение угодника Божия в его родную обитель. Теперь эта святая икона находится в южном притворе Троицкого собора, где, по преданию, была келлия

преподобного Сергия, и пред нею горит неугасимая лампада. Она покрыта золотою ризою и украшена жемчугом и драгоценными камнями.

Смутное, тревожное было то время. Читая летописные сказания, то и дело встречаешь известия, что такой-то князь поехал в Орду добывать себе титул великокняжеский, другой разорил или совсем отнял удел соседа, третий подговорил Литву или тех же татар идти ратью на Москву... Кровь лилась потоками в этих ссорах и раздорах княжеских, и только мудрое, властное слово святителей да таких великих подвижников, как преподобный Сергий, удерживало князей, и то не всегда, от этих гибельных усобиц и кровопролитных войн. Так, есть сведение, что еще в малолетство Донского героя, при жизни великого князя Иоанна Иоанновича, в 1358 году, преподобный Сергий путешествовал в свой родной город Ростов, чтобы уговорить ростовского князя Константина Васильевича признать над собою власть великого князя московского. В 1363 году мы видим святого игумена опять путешествующим в Ростов на «богомолие к Ростовским чудотворцам»; сопоставляя это путешествие, с одной стороны, с тем, что ходить на богомолие, хотя бы и по святым местам, без особенной нужды и повода, кажется, не было в правилах преподобного Сергия, — с другой — с известием летописцев, что ростовский князь в 1360 году выходил себе в Орде грамоту, чтобы самовольно распоряжаться в своем уделе, думают, что преподобный Сергий приходил в Ростов не на богомолие только, но имел еще поручение убедить старого ростовского князя ничего не затевать ко вреду великого князя московского. Действительно, мы видим, что князь Константин обязался после сего быть в совершенной зависимости от великого князя московского.

Прошел год, и пустынник — примиритель князей снова должен был отправиться в путь, на этот раз уже в Нижний Новгород. Дело было так: по смерти великого князя Иоанна Иоанновича, в 1359 году, суздальский князь Димитрий Константинович добыл себе у хана великокняжеский ярлык. Честолюбивый князь вовсе не ожидал, чтобы малолетний князь московский (Димитрию Иоанновичу было тогда всего девять лет) решился отбивать у него этот титул. Не видя возможности отстоять права Димитрия Иоанновича своим личным влиянием, мудрый воспитатель юного князя святитель Алексий благословил Димитрия Константиновича во Владимирском соборе; но, во внимание к пророчественному слову святителя Петра относительно будущего величия Москвы и по любви к роду Калиты, он не согласился перенести митрополичий престол из Москвы во Владимир. Вполне сознавая всю опасность для только что начинавшей тогда слагаться единодержавной власти московского князя, святитель побудил молодого князя отправиться в Орду, чтобы там дорогими подарками возвратить себе у хана великое княжение. Это путешествие увенчалось желанным успехом, и суздальский князь смирился. Но скоро хан Мурат, утвердивший Димитрия Московского на великом княжении, умер, и суздальский князь пытался снова овладеть великокняжеским титулом, — он занял было Владимир, но чрез неделю был изгнан оттуда Димитрием Московским. Этот великодушный юноша-князь позволил побежденному сопернику спокойно владеть своим Суздальским уделом и через то так расположил к себе последнего, что когда сын суздальского князя Василий Димитриевич привез отцу из Орды ярлык на великое княжение, то благоразумный отец отказался от него добровольно, в пользу князя московского. Спустя два года, в 1366 году, князь суздальский выдал за московского князя

Димитрия свою дочь, благочестивую княжну Евдокию, и с того времени стал навсегда верным союзником великого князя. Но брат его, Борис Константинович, не захотел признать власти московского князя и самовольно захватил у брата Нижний Новгород. Димитрий Суздальский жаловался на него московскому князю. Не желая прибегать к кровопролитию, великий князь просил святителя Алексия послать преподобного Сергия в Нижний, чтобы вызвать Бориса в Москву. Сергий исполнил послушание, но Борис не послушался его и в Москву не пошел. На увещания Сергия он отвечал, что князей судит только Бог, что он знает только хана, который утвердил за ним Нижний Новгород, и больше не желает подчиняться никому. Приходилось смирять гордого князя более строгими мерами. По данной от митрополита власти преподобный Сергий затворил все храмы в Нижнем; Богослужение прекратилось. Борис вынужден был покориться, тем более что из Москвы под начальством его брата Димитрия Суздальского пришла сильная рать. И Борис вышел навстречу брату с повинною. Это было в 1365 году.

Особенно много хлопотал из-за великокняжеского ярлыка тверской князь Михаил Александрович. Он не раз путешествовал в Орду, не раз нападал на пределы Московские; два раза он поднимал против великого князя Димитрия — Ольгерда Литовского, который был женат на родной сестре Михаила; оба раза Ольгерд подступал к самой Москве и опустошал ее окрестности. Чтобы положить конец происках тверского князя, великий князь московский вынужден был опять путешествовать в Орду (1371 год), где получил новое подтверждение своего великокняжеского достоинства. В это путешествие провожал его до Оки митрополит Алексий. Думают, что умиротворению тверского князя с московским

содействовал своим благодатным словом игумен Радонежский.

Другой беспокойный сосед московского князя был Олег, князь рязанский. Хитрый и вероломный, он не раз нарушал договоры, входил в сношения то с Ольгердом и тверским князем, то с Мамаем и Тохтамышем. Великий князь не раз посылал к нему доверенных лиц с мирными предложениями, но Олег не хотел и слышать о мире. Тогда великий князь призвал преподобного Сергия и лично просил его принять на себя труд убедить упрямого князя рязанского к примирению. Позднею осенью 1385 года смиренный старец отправился, по своему обыкновению пешком, в Рязань. Олег уже много слышал о Радонежском игумене: еще пять лет назад он не решился присоединиться к полчищам Мамая только потому, что московский князь получил от преподобного Сергия благословение на битву с Мамаем, и теперь рад был видеть святого старца своим гостем и благословиться у него. Кроткие увещания Богомудрого Сергия смягчили сердце сурового князя рязанского, и он чистосердечно открылся преподобному в своих замыслах и «взял с великим князем Димитрием вечный мир и любовь в род и род». Этот мир впоследствии скреплен был семейным союзом: сын Олега Феодор взял за себя дочь великого князя Софию Димитриевну.

Так, при неусыпном попечении и отеческом руководстве святителя Алексия и благодаря деятельному участию игумена Радонежского, преподобного отца нашего Сергия, постепенно возрастала власть великого князя московского, а под ее знаменем стала постепенно объединяться и Русская земля, обессиленная раздорами удельных князей. Мало-помалу эти князья свыклись с мыслию о необходимости подчиниться власти московского князя, а в народе пробуждалось сознание

нужды сплотиться воедино, дабы общими силами сбросить с себя ненавистное иго татарское. Бог знает, мог ли бы достигнуть какого-нибудь успеха в этом великом деле великий князь московский, предоставленный самому себе, без содействия Церкви в лице таких святых мужей, исполненных Духа и силы, каковы были угодники Божий — митрополит Алексий и Богоносный Сергий, игумен Радонежский.

Преподобный Сергий присутствовал при кончине и погребении угасшего во цвете лет великого князя Димитрия Иоанновича: он умер в 1389 году, 19 мая. В его прекрасном по духу христианскому завещании нельзя не ощущать веяния духа Сергиева.

— Вы, дети мои, — говорил благочестивый князь, — живите заодно, а матери своей слушайтесь во всем... Кому что даст она, то тому и есть; дети мои из воли ее не выйдут... Который сын не станет слушаться матери своей, на том не будет моего благословения... Вот я отхожу к Богу, и вас поручаю Богу и матери вашей: под страхом ее будьте всегда... Бойтесь Бога; бояр своих любите, будьте приветливы ко всем своим слугам. А вы, бояре, знаете мой обычай и нрав, — я родился у вас на глазах, при вас я возрос, с вами ходил на врагов, с вами свою отчину защищал... Я любил вас и детей ваших, с вами делил и радость и горе... Вспомните, что говорили вы мне всегда: на службе тебе и детям твоим мы должны сложить и свои головы... Будьте же верны слову своему, послужите княгине моей и чадам моим, повеселитесь с ними в их радости, не оставьте их и во время скорби... Так говорил умирающий Донской герой; а в своей духовной грамоте он навсегда заповедал своим детям и потомству своему, чтобы после отца наследовал великокняжеский престол старший сын его, помимо других

лиц, старших в роде, и таким образом установил новый порядок престолонаследия, не допускавший никаких споров и претензий со стороны братьев усопшего великого князя. И вот, охранение этого, столь важного постановления, которому не только Москва, но и вся Россия навеки обязана укреплением единой самодержавной власти, было вверено промыслом Божиим не иному кому, как великому печальнику земли Русской преподобному Сергию!.. Его драгоценная для нас подпись украшает и скрепляет это великое по своему значению государственное законоположение, которому в 1889 году, мая 19-го, исполнилось ровно пятьсот лет... «Как не признать, — замечает один внимательный к путям промысла Божия исследователь, — как не признать в этом особого благоволения Божия к самодержавию и ко всем, верным оному, сынам России! Русский народ так и понял это и доселе в лице преподобного Сергия чтит особенно великого и сильного молитвенника за своего самодержавного царя, его августейшую супругу и старшую Богорасленную ветвь, именуемую, в отличие от всех других, государем наследником цесаревичем».

Глава XVII

БЛАГОДАТНЫЙ СТАРЕЦ

Святые отцы строго различают в духовной жизни две степени, два состояния: крест деятельный и крест созерцательный. Первое состояние есть страдный, многоскорбный, узкий путь креста, время подвига, усилий и борьбы с самим собою — с ветхим человеком, и с врагами спасения — миром и диаволом. Второе состояние есть упокоение сердца в Боге, глубокий мир души, Христовою благодатию победившей страсти, очищенной, просветленной и в таинственном общении с Богом обретшей еще здесь, на земле, залог блаженства небесного. Первый путь есть общий, для всех спасаемых неизбежный; второй — удел только особых избранников благодати, о котором святые отцы не позволяют и мечтать тому, кто не очистил сердца от страстей. Нам, страстным, никогда не постигнуть своим воистину слепотствующим умом дивной тайны облагодатствован-ного состояния души, обновленной, освященной, восстановленной в своей первобытной Богоподобной красоте и совершенстве. Это мир — для нас, грешных, сокровенный, мир, в котором действуют свои законы, не подходящие под нашу земную мерку, под мерку на-шего ограниченного разумения, и мы можем наблюдать только внешние проявления этого небесного еще на земле,

одухотворенного еще во плоти состояния святых Божиих избранников; мы можем благоговейно созерцать только те слабые лучи их светлой, Богоподобной чистоты, которые противу их воли как бы прорываются наружу в их необычных поступках, словах и движениях. Ударяя в наше страстное сердце теплотою благодатною, они поражают и смиряют наш ум необычайным для него сиянием иного, высшего порядка вещей, и влекут наши души к этим дивным избранникам благодати...

И преподобный отец наш Сергий прошел общим путем скорбей и подвига крестного прежде, чем явился тем дивным благодатным мужем, каким мы видим его во второй половине и особенно в последние годы его жизни. Мы видели его в подвиге и борьбе, в борьбе неустанной, для мира непонятной, но для Христова послушника — неизбежной. Победа наконец одержана. Стихли страсти. Убито себялюбие, повержен в прах идол плотоугодия, не смеет подступиться мир с своими соблазнами. «Рубище прикрывало его святое тело, — говорит митрополит Платон, — тесная хижина была собеседницею в его Богомыслии, и простой жезл подкреплял подвигами добродетели ослабленную плоть. Но его дух был преисполнен обилием благодати, его сердце вкушало те сладости, коих вкус есть вкус манны животной и нетленной». В смиренном сердце подвижника тихо сиял неизреченный свет благодати Божией, согревая все его духовное существо. Ему преизобильно сообщены все дары Божий: и дар чудотворении, и дар пророчества, и дар утешения и назидания, совета и разума духовного. Для его духовного взора как бы не существует — ни преград вещественных, ни расстояния, ни самого времени: он видит далече отстоящее яко близь сущее, зрит будущее как бы настоящее... Мы уже говорили о том, как прозорливый старец

предсказал несбыточность мечтаний гордого Митяя, как он успокоил великого князя обетованием победы над Мамаем, как в самый час битвы созерцал он духовными очами то, что совершалось на поле сражения. Вот еще случаи этой дивной прозорливости старца, записанные его преподобным учеником.

В 1390 году просветитель Пермии и святой епископ Стефан путешествовал в Москву. Путь его лежал мимо славной обители Сергиевой, всего в десяти верстах от нее, и святому Стефану очень захотелось видеться с святым ее игуменом. Но обстоятельства требовали спешить в столицу, и он решил посетить преподобного на обратном пути. И вот, поравнявшись с обителью, святой епископ прочитал *Достойно есть яко воистинну...* и издали поклонился в ту сторону, где стояла обитель Сергиева, проговорив:

— Мир тебе, духовный брат мой!.. Справедливо говорят, что «сердце сердцу весть подает». Так бывает иногда даже с нами, грешными; а сердца святых Божиих еще более связаны союзом любви и потому еще скорее отзываются на привет любви.

Преподобный Сергий сидел за трапезою с братией: вдруг он встает из-за стола и, после краткой молитвы, делает поклон к западу, тихо промолвив:

— Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобою!..

Братия была очень удивлена таким необычайным поступком своего игумена; более опытные старцы поняли, что он имел какое-нибудь видение, и по окончании трапезы спросили его о случившемся. Преподобный не скрыл от них своего духовного видения.

— В этот самый час, — сказал он, — епископ Стефан, на пути в Москву, остановился противу нашего монастыря и поклонился Святой Троице и нас, смиренных, благословил.

Преподобный Сергий назвал даже место, где это произошло, и некоторые из братии тотчас поспешили туда и еще застали там людей, сопровождавших святителя Стефана. Троицкие иноки спросили их: как было дело? И, услышав их рассказ, прославили Бога, прославляющего их святого старца даром прозорливости.

Памятником сего необычайного взаимного приветствия святых друзей служит и поныне каменная часовня на одиннадцатой версте Московской дороги, с большим деревянным крестом, на том месте, где останавливался святитель Стефан Пермский. <...> А в обители преподобного Сергия и доселе свято соблюдается, в воспоминание этого заочного свидания святых, такой обычай: во время трапезования, пред последним блюдом, ударяют в колокольчик, братия встают, и чередной иеромонах произносит:

— Молитвами святителя Стефана и преподобного Сергия, Господи Иисусе Христе, помилуй нас! — после чего все садятся оканчивать трапезу.

Вот другой случай прозорливости старца. Серпуховской князь Владимир Андреевич, сын князя Андрея Радонежского, в отчине которого находилась обитель Сергиева, часто сам посещал преподобного Сергия, а иногда посылал ему в подарок что-нибудь из житейских потребностей. Раз он послал своего слугу с съестными припасами на утешение братии. Дорогою слуга соблазнился и украдкою что-то съел из посланных князем гостинцев. Вот он является к святому игумену, но прозорливый старец не принимает от него по-

дарков князя. Слуга упрашивает, боясь гнева княжеского; тогда преподобный говорит ему: «Зачем ты, брат мой, послушался врага? Зачем отведал брашен, которых тебе, без благословения, не подобало есть?» Обличенный слуга упал в ноги святому старцу и со слезами стал просить у него прощения, сознавая вину свою. Тогда только преподобный Сергий принял от него гостинцы, простил его и отпустил с миром, поручив передать благоверному князю благодарность за его любовь и благословение от обители Пресвятой Троицы.

Но не в прозорливости только давала себя видеть благодать Божия, обитавшая в святой душе Радонежского игумена. Для тех, чьи очи духовные были чище, кто сам шел по стопам святого старца в подвигах духовных, — для присных учеников Богоносного Сергия было дано видеть высокое благодатное состояние его души в чувственных образах и особенно в те священные минуты, когда святая душа старца как бы отрешалась от всего видимого мира и, вся пламенеющая любовию ко Господу, уносилась к Нему всем духовным существом своим. Это были святейшие минуты совершения им Божественной литургии.

Так, когда один из любимых учеников его, преподобный Исаакий, любитель безмолвия, просил святого старца благословить его на подвиг совершенного молчания, то он сказал ему:

— Если желаешь, чадо, безмолвствовать, то завтра, когда совершим Божественную литургию, стань у северных дверей, и там я благословлю тебя.

Старец желал благословить ученика именно после литургии, после приобщения Святых Христовых Тайн, когда сам ощущал в себе особенное действие благодати Божией, — желал так потому, что самый подвиг молчания столь высок

и столь многотруден со стороны искушений вражеских, что нужно было оградить ученика от этих искушений особенною молитвою.

На другой день, по слову игумена, Исаакий встретил его в назначенном месте; преподобный Сергий осенил его крестным знамением и сказал:

— Господь да исполнит желание твое!

И вот в самую минуту благословения Исаакий видит, что чудный пламень исходит от руки благодатного старца и объемлет его, Исаакия...

И с той минуты, огражденный молитвами старца, ученик вступил в избранный им подвиг; и если иногда молчальник хотел бы тихо произнести какое-либо слово, и тогда возбраняла ему это молитва Сергиева; и молча пребыл Исаакий до конца дней своих, по слову Божественного Писания: *яко глух не слышай, и яко нем не отверзаяй уст своих* (Пс. 37, 14).

В другое время преподобный Сергий совершал Божественную литургию вместе с братом своим Стефаном и племянником Феодором, уже посвященным тогда в сан пресвитерский. Молчальник Исаакий стоял в церкви. Вдруг он видит в алтаре четвертого, чудного образом мужа, сослужащего сим трем и сияющего необычайным светом, в блистающих ризах... В малом входе с Евангелием чудный муж шел вслед за Сергием, и лицо его сияло как солнце, так что Исаакий не мог даже взирать на него... Это чудное видение разрешило ему уста, и он обратился к стоявшему подле него благоговейному старцу Макарию с вопросом:

— Что это за чудное видение, отче? Кто этот дивный муж?

Макарий и сам был поражен чудом и отвечал:

— Не знаю, чадо, но и меня объемлет страх... Разве не пришел ли какой священнослужитель с князем Владимиром?

А князь Владимир Андреевич гостил тогда в обители, и тут же, в церкви, стоял его боярин. Иноки спросили его: нет ли священнослужителя с князем? Боярин сказал, что нет. Тогда блаженные ученики Сергиевы уразумели, что с их аввою служит Ангел Божий, ибо «Ангелы любят себе подобных».

Литургия окончилась, и чудный оный муж стал невидим. Оба ученика, удостоенные видения, улучив удобную минуту, наедине спросили преподобного о его таинственном сослужителе. Смиренный старец сначала уклонялся от объяснений.

— Что чудное видели вы, дети мои? — говорил он. — Служил брат мой с сыном своим и с ними я, недостойный, а еще никого с нами не было.

Но ученики не переставали упрашивать его:

— Господа ради не скрой от нас, честный отче, ведь мы своими очами видели четвертого, точно Ангела Божия, служившего с тобою.

Тогда преподобный сказал им:

— Дети мои любезные! Если уж Сам Господь Бог открыл вам эту тайну, то могу ли я скрыть ее от вас? Тот, кого видели вы, действительно — Ангел Господень: и не теперь только, а и всегда, когда я совершаю Божественную литургию, мне, недостойному, бывает такое посещение. Но вы строго храните это втайне, пока я жив.

А вот и еще неложный свидетель благодатного видения — это блаженный Симон-экклесиарх, муж испытанной добродетели, о котором с похвалою отзывался сам преподобный Сергий. Однажды, когда святой игумен совершал Божественную литургию, он видел, как небесный огонь сошел на Святые Тайны в минуту их освящения, как этот огонь ходил по святому престолу, озаряя весь алтарь, обвиваясь около святой трапезы и окружая всего священнодействующего Сергия. А когда преподобный хотел причаститься Святых Тайн, Божественный огонь свился, «как бы некая чудная пелена», и вошел внутрь святого потира. Таким образом угодник Божий причастился сего огня «неопально, как древле купина неопально горевшая...».

Ужаснулся Симон от такого видения, и в трепете безмолвствовал; но не укрылось от преподобного, что ученик его сподобился видения. Причастившись Святых Христовых Тайн, он отошел от святого престола и спросил Симона:

Чего так устрашился дух твой, чадо мое?

Я видел благодать Святого Духа, действующую с тобою, отче, — отвечал тот.

Смотри же, никому не говори о том, что ты видел, пока Господь не позовет меня из этой жизни, — заповедал ему смиренный авва.

Долго было бы повествовать, замечает списатель жития Сергиева, о многих других знамениях, в которых, по разнообразной потребности утешения и назидания, разнообразно являлась пребывавшая с блаженным Сергием благодать Духа Господня; но не должно умолчать еще об одном чудесном видении, которое не только самого Сергия исполнило утешением, но и всех пребывающих в его лавре

не престает исполнять сердечною радостию, надеждою и благодарностию к Господу Богу. «Сама Царица небесная, сопровождаемая ближними Царя царствующих, нисходила в его святое уединение, чтобы утвердить в его пустыне благословение неба, которое, впоследствии времени, враждебные силы мира, при всем видимом их могуществе, тщетно покушались разрушить». Вот что поведает об этом посещении небесной Гостьи преподобный Епифаний.

Однажды, в глубокую ночь, преподобный Сергий совершал свое келейное правило и перед иконою Богоматери пел акафист — что он делал, по своему обычаю, ежедневно. Часто взирал он на святую икону и усердно молил Матерь Божию о своей обители.

— Пречистая Мати Христа моего, — взывал святой старец, — ходатаица и заступница и крепкая помощница роду человеческому! Буди и нам, недостойным, ходатаицей, — присно моли Сына Твоего и Бога нашего, да призрит Он милостиво на святое место сие, посвященное в похвалу и честь Его святого имени навеки! Тебя, Матерь сладчайшего моего Христа Иисуса, призываем на помощь рабы Твои, ибо Ты имеешь великое дерзновение у Сына Твоего и Бога! Будь же всем спасительное упокоение и пристанище!

Так молился преподобный; его чистое сердце горело благодатным пламенем, его смиренный ум весь погружен был в молитву, и он, как дитя, в простоте души, беседовал с Пречистой Материю всех, возлюбивших чистым сердцем Ее Божественного Сына.

Окончив молитву, он сел для отдохновения; но вдруг его святая душа ощутила приближение небесного явления, и он сказал своему келейному ученику, преподобному Михею:

— Бодрствуй, чадо; мы будем в сей час иметь чудесное посещение.

Едва сказал он это, как послышался голос:

— Се, Пречистая грядет!..

Тогда старец встал и поспешно вышел в сени; здесь осиял его свет паче солнечного, и он узрел Преблагословенную Деву, сопровождаемую апостолами Петром первоверховным и Иоанном девственником-Богословом... Не в силах будучи вынести этого чудного сияния и неизреченной славы Матери Света, преподобный Сергий пал ниц; но благая Матерь прикоснулась к нему рукою и ободрила его словами благодати.

— Не бойся, избранниче Мой, — изрекла Она. — Я пришла посетить тебя; услышана молитва твоя об учениках твоих; не скорби больше и об обители твоей: отныне она будет иметь изобилие во всем, и не только при жизни твоей, но и по отшествии твоем к Богу Я неотступна буду от места сего, и всегда буду покрывать его...

Сказала так и — стала невидима...

Вострепетал старец от страха и радости; несколько минут он был как бы в восторженном состоянии, а когда пришел в себя, то увидел ученика своего Михея лежащим на полу, как бы умершим: великий наставник мог видеть Царицу Небесную и слышал голос Ее; а ученик, пораженный ужасом, не в состоянии был видеть все и видел только свет небесный...

— Встань, чадо мое, — кротко сказал старец.

Михей пришел в чувство, поднялся, но тут же упал к ногам преподобного Сергия.

— Скажи, отче, Господа ради, — говорил он, — что это за чудное видение? Душа моя едва не разделилась от тела...

Но Сергий и сам еще не мог говорить от волнения душевного, только лицо его цвело небесною радостию.

— Подожди, чадо, — сказал он ученику, — и моя душа трепещет от этого видения.

Когда наконец старец несколько успокоился, то послал Михея пригласить двоих благоговейнейших мужей из братии — Исаакия-молчальника и Симона-экклесиарха. Те поспешили на зов своего старца-игумена, и он рассказал им все, что сейчас было у него в келлии. И все вместе совершили они молебное пение Богоматери, а преподобный Сергий всю ночь провел без сна, внимая умом Божественному видению, которое было венцом его подвигов еще здесь, на земле. «Не гаданием, не в сонном видении, а наяву видел он Матерь Божию, как видел Ее некогда преподобный Афанасий Афонский», — замечает при сем летописец.

По древнему преданию, записанному в Никоновой летописи, это небесное посещение было в пост Рождества Христова, в ночь с пятницы на субботу и, как думают, в 1384 году; по другому предположению, это событие относят к Рождественскому посту 1379 года, указывая на то, что в наступавших летом 1380 года трудных обстоятельствах (нашествие Мамая) сам великий заступник земли Русской преподобный Сергий имел духовную нужду в особенном подкреплении, и обращают внимание на то, что преподобный послал на поле Куликово именно Богородичную просфору. В благодарное воспоминание сего чудного посещения в обители преподобного Сергия установлено каждую пятницу,

с вечера, совершать всенощное бдение, с акафистом Богоматери, в юго-западном притворе Троицкого собора, на том месте, где, по преданию, стояла келлия преподобного Сергия и где красуется теперь величественная икона, изображающая это чудное пришествие небесной Гостьи. А каждую субботу, после ранней литургии в церкви преподобного Никона, в том же притворе, совершается молебное пение во славу Богоматери, причем поется нарочито составленный, по образу пасхального, канон в воспоминание сего посещения (попеременно с двумя другими канонами).

Рассказав о сем таинственном событии, блаженный Епифаний сообщает два чудесных случая, которые показывают, что та же всемогущая сила Божия, которая обильно действовала чрез святого старца в утешение скорбящих, во исцеление болящих, — она же, когда то было потребно, вразумляла неверующих, наказывала не покоряющихся слову благодати, исходившему из уст Богоносного Сергия. Вот эти случаи. Прибыл из Царьграда в Москву, вероятно, за сбором милостыни, — что часто бывало тогда, — один епископ и пожелал видеть святого старца в его пустынной обители. Нужно думать, что сюда влекло его только любопытство, потому что в душе он не верил рассказам о дивных подвигах преподобного и о чудесных знамениях, чрез него бывающих. Может быть, тут замешано было безотчетное чувство превозношения грека пред русским: его ослепленному самолюбию не хотелось верить рассказам о таких подвигах, которые русского инока ставили в ряд древних великих подвижников Греческой Церкви; по крайней мере, вот как он рассуждал, по словам Епифания: «Может ли быть, чтобы в сих дальних и недавно обращенных к свету Христову странах воссиял такой светильник, которому подивились бы и наши

древние отцы?» Грек, по-видимому, не знал или не хотел знать о подвигах русских киево-печерских преподобных отцов; как бы то ни было, однако же его неверие не было так упорно, чтобы совсем не могло подчиниться смиряющей деснице Божией. Последствия показали, что заблуждения его ума еще не совсем омрачили сердце, способное к смирению. Епископ уже подходил к обители, как вдруг им овладел непонятный страх; а когда он вошел в ограду монастырскую и впервые взглянул на святого старца, то внезапно поражен был слепотою, так что преподобный игумен, встретив его, должен был взять его за руку и вести таким образом в свою келлию. Это наказание, или, лучше сказать, прикосновение вразумляющей десницы Божией, так подействовало на епископа, что он со слезами исповедал пред старцем свое неверие и, сознавая свою вину, просил исцеления. Смиренный Сергий с молитвою прикоснулся к его зеницам, и тотчас же от очей его отпали как бы чешуи, и он прозрел.

Тогда сказал старец смирившемуся епископу с кротким упреком:

— Вам, премудрым учителям, подобает учить нас — не высокая мудрствовать и не превозноситься над смиренными; а вы пришли искушать неразумие наше... Какую же вы получите пользу от нас, простых невежд? Но праведный Господь зрит сердца человеческие...

И епископ, прежде колебавшийся сомнением, с того времени стал всех открыто уверять, что нашел в преподобном Сергие истинного человека Божия и что Господь сподобил его видеть земного ангела и небесного человека. С подобающей его сану честию проводил его Сергий из своей обители, и он возвратился в свое место, прославляя Бога и Его угодника.

Так наказано было горделивое самомнение.

А вот какое наказание понесла жадность человеческая.

Один скупой человек, живший близь обители, отнял у своего соседа — круглого сироты откормленную им свинку, не уплатив за нее денег. Обиженный прибегнул к посредничеству святого старца, на которого все смотрели как на миротворца и судию помышлений человеческих. Милостивая душа — угодник Божий сжалился над бедняком и пригласил к себе обидчика.

— Сын мой, — сказал ему кротко старец, — веришь ли ты, что есть Бог? Знай же, что Он — Судия праведным и грешным, Отец сиротам и вдовицам; Он всегда готов на отмщение неправды людской, и страшно впасть в Его руки... Как же мы не страшимся отнимать чужое, обижать ближнего и творить всякое зло? Ужели мы еще недовольны тем, что дает Он нам по благости Своей, когда засматриваемся на чужое добро? Или ни во что ставим Его долготерпение? Разве не видим мы, как у нас на виду — творящие неправду становятся нищими, их домы пустеют и память о них исчезает навсегда?.. А в будущей жизни их ждет вечное мучение! Отдай же, сын мой, отдай сироте то, что ему следует, и впредь так не делай!

Долго увещевал преподобный жестокосердого скупца; и тот как будто устыдился своего поступка и даже обещался уплатить обиженному, что стоит свинка; но, возвратясь домой, легкомысленный пожалел денег и не сдержал своего слова. Дело было зимою. Вот он входит в клеть, где хранилась зарезанная им свинка, и с изумлением видит, что все мясо, несмотря на мороз, уже изъедено червями... На него напал такой страх, что он и после долго боялся показаться на глаза святому игумену. Между тем он тогда же уплатил бедняку цену

свинки, а испорченное мясо выбросил собакам, но и те не польстились на его лихоимную добычу.

Так восходил от силы в силу, преуспевая в духовном просветлении и приближаясь к Богу, благодатный старец. Сбылось над ним таинственное слово таинственного инока — Ангела, просветившего в детстве его ум к уразумению слова Божия: он стал воистину обителию Пресвятой Троицы! Сбылось дивное обетование Господа: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его* (Ин. 14, 23), *и Аз возлюблю его* (21), *и к нему приидема, и обитель у него сотворима* (23)... Справедливо замечает его ученик и списатель жития его, что Сергий был «яко един от древних великих отцов». За свою крепкую веру он удостоился лицезреть камня веры — Петра; за свою девственную чистоту — девственника и друга Христова Иоанна, а за свое величайшее смирение — смиреннейшую из земнородных Владычицу мира, Пресвятую Богородицу... С раннего детства и до глубокой старости во всех его действиях мы видим прежде всего два прекрасных свойства его святой души: глубокое смирение и детскую простоту. Эти две добродетели составляют основные черты его нравственного облика; они, так сказать, окрашивают в свой цвет все прочие его добродетели: его благостное ко всем отношение, его голубиное незлобие, все его великие подвиги. В соединении с духовным рассуждением они образуют в нем тот цельный нравственный характер, красота которого невольно влечет к себе человеческое сердце. Когда ближе всматриваешься в святолепный образ сего старца Божия, каким изображает его жизнеописатель, то сердце переполняется каким-то неземным чувством красоты и душа рвется упасть к стопам угодника Божия! Это чувствовали добрым сердцем еще его современники: «Еще в жизни сей, — говорит святитель Платон, — за святость жития своего он

был почти от всех любим и почитаем и уважаем более, чем сколько позволяло это его тогдашнее смиренное состояние. А ведь в этой жизни как часто добродетель бывает закрыта, как часто бросают на нее тень и даже преследуют!.. Если же его добродетель еще в сей жизни сияла так светло, что ни развращение мира, ни страсти злых, ни слепота гордых не могли помрачить ее, то какова же ее светлость там, где нет ни страстей, ни мрака, где все праведники сияют яко солнце в Царствии Небесном? (Мф. 13, 43)».

И льется этот тихий свет с высоты небесной на нас, грешных обитателей их земной родины; и пробуждается в душе чувство горького упрека нашей немощи: вот, думается, каковы были наши духовные предки — истинные последователи Христова учения! А мы что?.. Господи, какая пропасть отделяет нас — плотяных — от них — одухотворенных, нас — оземленившихся рабов греха — от них — святых, чистых, свободных граждан горнего Иерусалима! И кто ж тому виною, братие-читатели мои?.. Кто, кроме нас же самих?.., Ведь святые Божий такие же люди были, что и мы, тою же плотью были облечены, те же немощи имели, те же скорби несли; значит, и нам никто не помешал бы такими же стать, какими они были, если б только сами мы того пожелали, — да пожелали всем сердцем, всею душой, всем помышлением своим!..

Будем же чаще всматриваться в дивные образы их, — о, недаром ведь сказано в Писании: с преподобным и сам преподобен будеши — с благодатным и сам облагоухаешься ароматом благодати, исходящим от одеяния души его!..

Глава XVIII

КОНЧИНА ПРАВЕДНИКА

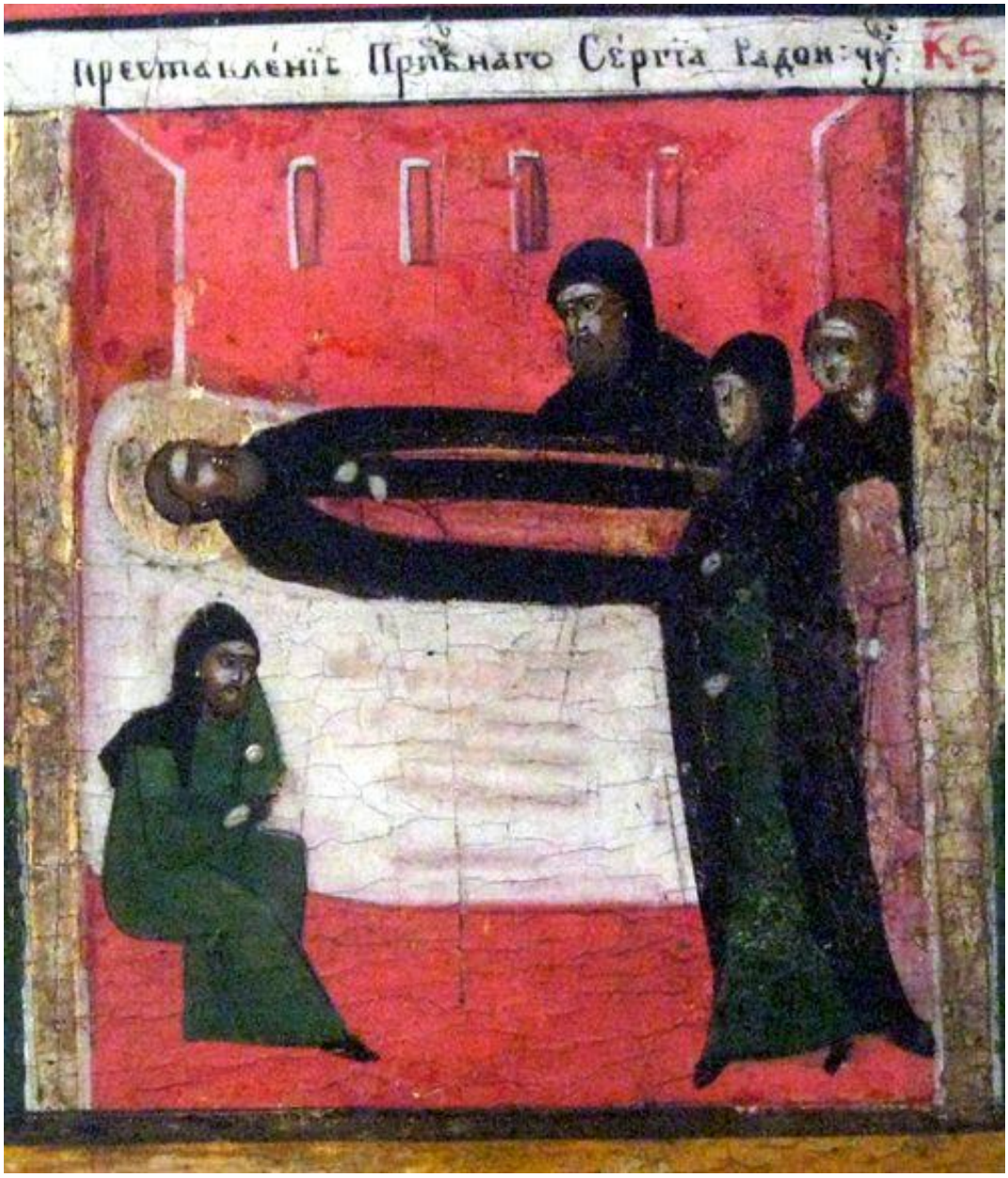
Как корабль, обремененный множеством сокровищ, тихо приближается к доброму пристанищу, так Богоносный Сергий приближался к исходу из сей временной жизни. Вид смерти не страшил его, потому что он готовился к ней подвигами всей своей жизни. Ему было уже за семьдесят лет; непрестанные труды изнурили его старческие силы, но он никогда не опускал ни одной службы Божией и «чем больше состаревался возрастом, тем больше обновлялся усердием», подавая собою юным поучительный пример.

За полгода до кончины великий подвижник удостоился откровения о времени своего отшествия к Богу. Он созвал к себе братию и в присутствии всех передал управление обителию присному ученику своему преподобному Никону, а сам начал безмолвствовать. Наступил сентябрь 1391 года, и преподобный старец тяжко заболел... Еще раз собрал он вокруг своего смертного ложа всех учеников своих и еще раз простер к ним свое последнее отеческое поучение... Сколько простоты и силы в этом предсмертном поучении умирающего отца иноков! Сколько любви к тем, которых оставляет! Он желает и заповедует, чтобы его духовные дети шли тем же путем к Царству небесному, каким шествовал он сам в продолжение всей своей жизни. Прежде всего он учит их

пребывать в Православии. «Высокая черта духа апостольского в преподающем завещание!» — замечает один учитель церковный. Основанием всякого доброго дела, всякого доброго намерения, по учению слова Божия, должна быть вера: без веры угодить Богу невозможно. Но вера должна быть православная, основанная на учении апостолов и святых отцов, чуждая высокомудрствования, которое часто ведет к маловерию и неверию и сбивает с пути спасения. Далее преподобный завещавает братии хранить единомыслие, блюсти чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, советует удаляться от злых похотей, предписывает умеренность в пище и питии, смирение, страннолюбие («Страннолюбия не забывайте!» — эти слова апостола, кажется, особенно любил повторять угодник Божий, и мы читаем их на многих древних иконах его в развернутой хартии начертанные) и всецелое искание горнего, небесного, с презрением суеты житейской. Вот достолюбезный венец добродетелей, которыми украшал себя сам Сергий и которые он, как бесценное сокровище, завещавал своим возлюбленным ученикам! В своей последней, прощальной беседе умирающий старец со всею силою отеческой любви заботился напечатлеть в детски преданных ему сердцах спасительные правила иноческой жизни; он многое напомнил им из того, что говорил прежде, и наконец заповедал не погребать его в церкви, а положить на общем кладбище, вместе с прочими усопшими отцами и братиями...

Безмолвно стояли с поникшими главами скорбящие чада Сергиевы и с болью сердечной внимали последним наставлениям любимого старца. О, как тяжело было им расставаться с своим отцом, под молитвенным кровом которого им так тепло и уютно жилось! Кто без него утешит их в монашеской скорби — так, как он умел утешать? Кто понесет их

немощи так, как носил любвеобильный их авва? Кто с такою горячею любовью будет пещись о спасении душ их? Нежнее матери был для них Сергий, и кто ж в состоянии его заменить?..



Особенно грустно было им слышать последнюю волю своего смиренного игумена относительно места его последнего покоя. Один вид могилы его в храме Божием, среди собора молящихся братии, мог бы служить для них некоторым утешением; «нет, он не покинул нас, — духом он с нами: вот и залог его незримого присутствия между нас, вот тут покоится его многотрудное тело...» Так могли бы утешать себя

осиротевшие дети. Но старец не желал быть погребенным в храме, и ученики лишались сего утешения... Не хотели они огорчать его смирения своим противоречием, а может быть, и боялись, чтобы это противоречие не побудило старца сделать более строгое (например — с заклятием, как делали некоторые подвижники) распоряжение относительно места его погребения, и вот всякое слово замирало невольно на их дрожащих устах...

А старец между тем с любовью смотрел на них; он видел их горе сердечное и тихим, изнемогающим голосом утешал их:

— Не скорбите, чада мои! Я отхожу к Богу, меня призывающему, и вас поручаю Всемогущему Господу и Пречистой Его Матери: Она будет вам прибежищем и стеною от стрел вражиих!..

Перед самым исходом души своей старец пожелал в последний раз приобщиться пречистого Тела и Крови Христовой. Руки учеников поддерживали его ослабевшие члены; с помощью их он приподнялся с своей убогой постели, чтобы встретить грядущего во Святых Тайнах Господа; с глубоким благоговением вкусил он от Чаши Христовой и в изнеможении опустился на смертное ложе...

Весь исполненный благодатного утешения, он возвел горе свои слезящие от радости очи и еще раз, при помощи учеников, простер к Богу свои преподобные руки...

— В руце Твои предаю дух мой, Господи! — тихо произнес святой старец и в дыхании сей молитвы отошел чистою своею душою ко Господу, Которого от юности возлюбил...

Это было 25 сентября 1391 года.

Лишь только преподобный Сергий испустил последний вздох, несказанное благоухание разлилось по его келлии... Лицо усопшего праведника сияло небесным блаженством, и смерть не посмела наложить свою мрачную печать на святолепный лик новопреставленного старца Божия...

Немедленно старейшие из братии отправились в Москву со скорбною вестью к митрополиту Киприану. Они сообщили ему как завещание старца о месте погребения, так и усердное желание всей братии положить его в церкви Пресвятой Троицы, им самим созданной, и просили его архипастырского о том распоряжения. И святитель не затруднился благословить их на погребение смиренного игумена в церкви, хотя сам он не желал того. И вот с горькими слезами и рыданиями, которые заглушали псалмопения, братия понесли честное и многотрудное тело своего великого отца и наставника в храм Живоначальной Троицы... Весть о его преставлении привлекла в обитель множество народа не только из окрестных селений, но и из ближайших городов; каждому хотелось приблизиться и прикоснуться если не к самому телу Богоносного старца, то, по крайней мере, ко гробу его, или же взять себе на память и на благословение что-нибудь из его одежды и келейных вещей. Тут были и князья и бояре, и почтенные старцы-игумены и честные иереи столицы, и множество иноков, кто со свечами, кто с кадилами и святыми иконами, провожая святые останки блаженного старца к месту последнего их упокоения. И похоронили его у правого клироса в церкви Пресвятой Троицы.

Трогательными чертами изображает скорбь осиротевших учеников Сергеевых блаженный списатель жития его, сам свидетель и участник этой скорби.

Все сетовали, — говорит он, — все плакали, воздыхали, ходили с поникшей головой... Встречаясь друг с другом, братия обливались слезами и в умилении скорбящего сердца изливали друг перед другом свои печальные чувства.

Прости, отче, благослови, возлюбленный о Господе брате! — так говорили они. — Вот добрый и блаженный старец наш покинул нас — ко Господу отошел, сиротами оставил нас... Он ушел туда, где ждет его великая награда и воздаяние за все его труды и подвиги, — ушел с миром ко Господу, Которого возлюбил!.. Он уснул сном вечным и почил от трудов своих, а мы осиротели, мы вот оплакиваем его, — нет его больше с нами, остались мы как овцы без пастыря, как корабль без кормчего, сад без сторожа, больной без врача!.. О, горе нам, бедным, сиротам безутешным!..

И в горести души своей часто приходили они на могилу старца, и здесь, в слезной молитве, припадали к его мощам святым и беседовали с ним, как бы с живым, поверяя ему скорбь свою...

— О, Святче Божий, угодниче Спасов, избранниче Христов! — говорили они. — О, священная главо, преблаженный авво Сергие великий! Не забуди нас, убогих рабов твоих, — не забуди нас, сирот своих; поминай нас всегда во святых твоих и благоприятных молитвах ко Господу, — поминай стадо, тобою собранное, — молись за нас, отче священный, за детей твоих: ты имеешь дерзновение у Царя небесного, — не премолчи же, вопия за нас ко Господу! Тебе дана благодать за нас молитися... Мы не считаем тебя умершим, — нет: хотя телом ты и преставился от нас, но дух твой с нами; не отступай же от нас, пастырь наш добрый!..

Так оплакивали святые ученики святого старца; так крепко веровали они в его благодатное сопребывание духом — с ними.

И по вере их угодник Божий не оставлял их без утешения: так однажды благочестивый инок Игнатий видел наяву, во время всенощного бдения, что преподобный Сергий стоит на своем месте игуменском и поет вместе с братией. Это видение было как бы ответом любвеобильного старца своим присным ученикам из загробного мира, ответом на их сердечный молитвенный плач над гробом его... И поныне слышится этот трогательный плач у гроба Сергиева — каждый раз после молебного пения.

И много говорит этот плач душе богомольца, и каждый внимательный читатель жития Сергиева не может не согласиться с блаженным Епифанием, который говорит: «Покажите мне жизнеописания древлепрославленных угодников Божиих, и мы увидим, что воистину ничем не уступал Сергий Божественным мужам, в древности просиявшим; ибо и сам он был великим подвижником на пути к Царствию Небесному, и пустыню населил добродетельными иноками. Похваляем его не потому, как будто он требует от нас похвал; нет, мы только просим, чтобы помолился за нас сей истинный подражатель Христов!»

Заключим наше сказание о житии и подвигах преподобного и Богоносного отца нашего Сергия словами святителя Платона, обращенными к самому угоднику Божию:

«Святый муж, ныне и присно нами прославляемый! *Скончався вмале исполни лета долга* (Прем. 4, 13). Се уже около четырехсот (теперь уже пятисот) лет Церковь празднует память твою: но пройдут и тысячи лет, а имя твое останется незабвенно. Да хотя б люди и дошли до такого развращения, что имя твое предали бы забвению; но оно у Бога вечно, в блаженной вечности записано в книгах животных и из оных никогда не будет изглаждено... Хотя б

чудесные силы, от тебя текущие, по судьбам Божиим, и иссякли, но истина евангельская пребывает вовеки, а она говорит: *не радуйтеся, яко дуси вам повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесех»* (Лк. 10, 20)...

Глава XIX

УЧЕНИКИ СЕРГИЕВЫ В РОДНОЙ ОБИТЕЛИ

В пророческом видении преподобному Сергию показаны были прекрасные птицы, во множестве летавшие в стенах его обители и вокруг ее. Под руководством великого наставника действительно образовались дивные ученики. Одни из них до гроба подвизались в родной обители, другие, по внутреннему влечению благодати Божией или за послушание к своему великому авве, вышли из нее, чтобы основать новые обители в разных местах. Скажем кратко сначала о первых.

Первыми сподвижниками преподобного Сергия в его тяжелой отшельнической жизни, как известно из предшествующего рассказа, были:

1. Василий Сухой.

2. Онисим.

3. Елисей, сын Онисима.

4. Иаков, прозванием Якута. Позднее пришли под его благодатный кров:

5. Архимандрит Симон, променявший власть на звание послушника Сергиева и за то удостоившийся быть участником видения преподобного о судьбе его учеников.

6. Михей. Это был любимый келейник преподобного Сергия, «возливавший, — по выражению Епифания, — воду на руце его». Под руководством великого старца он взошел на высокую ступень духовного совершенства, как сие особенно видно из того, что он один из всех сподвижников Сергиевых удостоился видеть Матерь Божию, посетившую своего избранника. Кроткий ученик кроткого старца преставился еще при жизни своего аввы, в 1385 году, мая 6-го. Мощи его почивают под спудом в небольшой церкви, устроенной в честь явления Богоматери преподобному Сергию, свидетелем коего (видения) удостоился быть преподобный Михей.

7. Исаакий Молчальник. Преподобный Сергий желал поставить его строителем новооснованной обители на Киржаче, но любитель безмолвия упросил старца благословить его на подвиг молчания. По отзыву летописца, преподобный Исаакий отличался незлобием, необыкновенною крото-стию и послушанием, любил читать Священное Писание, и, смиряя тело свое строгим постом, стяжал благодатный дар слез. Он удостоился видеть Ангела, сослужившего преподобному Сергию, скончался зимою 1388 года, за три года до кончины своего блаженного наставника, и погребен близь Троицкого собора к востоку.

8. Макарий, соучастник Исаакия в видении Ангела.

9. Келарь Илия, «старец добрый и послушный»; скончался 1384 года, на Троицкой неделе.

10. Экклесиарх Симон, видевший благодатный огонь, коим причащался преподобный Сергий. О нем с похвалою отзывался сам преподобный.

11. Игнатий, вскоре после смерти преподобного Сергия удостоившийся видеть его стоящим в церкви на своем месте и поющим с братией.

12 и 13. Варфоломей и Наум, известные по явлению преподобного Сергия во время осады лавры.

14. Александр Пересвет и

15. Андрей Ослябя, названные в древних рукописных святцах препо-добномучениками.

16. Иоанникий, не упоминаемый в житии, но изображенный на древней иконе вместе с другими учениками преподобного Сергия.

17. Епифаний Премудрый, также изображен купно с своим наставником и прочими его учениками на иконе Троицкого собора. Епифаний впоследствии был духовником в обители Сергиевой и оставил нам описание жития своего великого старца. Это был человек образованный для своего времени, много путешествовавший по святым местам и написавший кроме жития преподобного Сергия похвальное ему слово, житие и похвальное слово в честь святителя Стефана Пермского, с которым он вместе жил, в молодости своей, в Ростове, в монастыре Григория Богослова, именуемом «Затвор».

18. Никон, подобно Михею удостоившийся сожития в одной келлии с святым старцем и бывший потом его преемником по игуменству. Древний жизнеописатель, говоря о его строго-подвижнической жизни, выражается, что его

имя «яко священие некое обношашеся» еще во время его земной жизни. Имя сего ученика Сергиева так тесно связано с историей обители Сергиевой в первое время по кончине ее основателя, что о нем следует сказать подробнее, чем о прочих учениках великого старца. Никон был продолжателем дела Сергиева в его обители, и, как видно из жития его, отошедший ко Господу наставник не переставал и по кончине своей благодатно руководить своего достойного ученика.

Преподобный Никон

Родиною преподобного Никона (родился в 1355 году) был город Юрьев-Польской, не в дальнем расстоянии от

обители Сергиевой. В ранней молодости слышал он о равноангельной жизни святого старца и пожелал видеть его и последовать по его стопам. И вот приходит он в обитель Пресвятой Троицы и просит Сергия принять его в число своих учеников. Но случилось то, чего, конечно, не ожидал проситель: Сергий не принял в лавру своего будущего преемника. «Дела святых, — замечает по сему случаю святитель Филарет, — и в малом велики, и в виде недоразумений премудры. Точно так же некогда поступил Евфимий Великий с Саввою Освященным, когда сей пришел в его лавру в юном возрасте, и отослал его в подчиненный монастырь к преподобному Феоктисту. Несообразным находил он причислить к собору старейших иноков юношу, который требовал иногда отдельного руководства. Так, вероятно, рассуждал и преподобный Сергий о юном Никоне. А может быть, провидя его особенные достоинства, старец пожелал поставить его в неожиданный подвиг послушания и смирения и вместе с тем хотел, чтобы тот, кому суждено — младшему начальствовать над старейшими подвижниками лавры, явился к ним, по крайней мере, не юношею, а уже пресвитером. Как бы то ни было, авва послал юношу к ученику своему Афанасию, в Высоцкий монастырь, что в городе Серпухове.

Нелегко было юному Никону понести это испытание его послушания. Святость и мудрость Сергия он знал; в Сергие он надеялся найти себе совершенного руководителя. Афанасия, по всей вероятности, Никон не знал и не мог иметь к нему такой веры, какую имел к Сергию. Кто в подобных обстоятельствах не поколебался бы? Но Никон не прекословил. Он согласился быть в удалении от Сергия, чтобы исполнить подвиг послушания Сергию, согласился быть учеником ученика, чтобы достигнуть

большего смирения. Зато впоследствии никто не пользовался такою близостью к Сергию, как он, из послушания удалившийся от него! «Таков жребий беспрекословного послушника!» — замечает святитель Московский Филарет.

И Афанасий не без испытания принял Никона. Он устрашал его трудностями монашеского жития; но, видя его твердую решимость на все, наконец принял и облек в ангельский образ. Никон отдал себя руководству Афанасия, как бы самого Сергия, и за то скоро почтен был саном священства. Афанасий любил Никона как сына, но душа Никона стремилась в пустыню великого Сергия. Года через два после прибытия к Афанасию Никон стал просить своего наставника отпустить его к Сергию, и Афанасий охотно согласился. Старец с радостию встретил Никона и уже навсегда оставил в своей обители. Здесь он сначала проходил келарское послушание, а потом старец взял его в свою келлию. В этой убогой келлии Никон нашел для себя и высшее училище духовного любомудрия в беседах Богомудрого Сергия, и новое поощрение к подвигам в близком примере святого старца, и ограждение от искушений в его прозорливом руководстве, и подкрепление против немощей в его сильной молитве, и райское утешение в общении сей молитвы. Любящее сердце Сергия было для Никона отверстою дверию, откуда исходил к нему благодатный свет и мир; верное сердце Никона было также отверстою дверию для открытия Сергию помыслов и душевных движений, дабы никакое сомнение или смущение не уменьшило чистоты совести. Так почил на Никоне дух Сергия, и Сергий в последние годы сложил на Никона часть своих забот о братии а потом, за шесть месяцев до кончины, и совсем передал Никону начальство над своею лаврою. — Кто мог наполнить безмерную пустоту, оставленную в

лавре кончиною преподобного Сергия? — вопрошает святитель Филарет и отвечает: по крайней мере, никто лучше преподобного Никона не мог уменьшить чувства сего лишения. Между прочим, он положил себе за непременное правило: во-первых, в точности и с любовию выполнять все то, что учредил и заповедал святый основатель обители, и во-вторых, был первым на общих братских трудах. Он часто предлагал братии поучения в церкви, и его слово дышало отеческою любовию и духовною мудростию. Кротостию в обращении, заботливым управлением и отеческими советами он не только приобрел любовь и уважение всей братии, но и далеко за ограду обители распространилось о нем благоговейное мнение и слава. Но эта слава очень тяготила его и устрашала. От своего великого наставника Сергия он научился только поневоле, ради блага других, начальствовать; а по влечению собственной души уединяться и безмолвствовать. И вот от молвы дел начальнических он удалился в особую келлию, а как братия много скорбела о том, то он предоставил им избрать другого игумена. Избран был Савва, бывший дотоле братским духовником, но через 6 лет и тот оставил начальствование в обители Сергиевой, и по просьбе звенигородского князя Юрия Димитриевича удалился в его удел, чтобы там основать новую обитель «на Стороже». Тогда братия слезными молениями убедили преподобного Никона снова принять на себя труды управления, и преподобный, из любви к братии, уступил их желанию, но с условием, чтобы ему не препятствовали известную часть дня посвящать Богомыслию и слезной молитве.

Великий Сергий шел путем жестким, путем крайних лишений по своей доброй воле. Ученикам его пришлось идти путем нужд и лишений поневоле. В ноябре 1408 года к

Москве подступил свирепый Едигей. Преподобный Никон молил Господа о защите обители и призывал на помощь своего наставника, дабы не погибли плоды трудов его пустынных. Раз, после долгой ночной молитвы, сел он для отдыха и задремал. Вдруг явились ему святители Петр и Алексий, и с ними преподобный Сергий. «Так угодно судьбам Божиим, — сказал Сергий, — чтобы нашествие иноплеменных коснулось сего места. Но ты, чадо, не скорби, не смущайся: искушение будет непродолжительно и обитель не запустеет, а распространится еще более». Преподав мир, святые стали невидимы. Преподобный Никон пришел в себя, поспешил к дверям келлии и нашел их запертыми. Он отпер и вышел и увидел святых, идущих от его келлии к церкви, чем и удостоверился, что это был не простой сон, а истинное видение.

Предсказание исполнилось. Обитель сожжена. Предупрежденные небесным известием, преподобный Никон и братия временно удалились из нее и сберегли от расхищения некоторые святыни, книги и келейные вещи преподобного Сергия. 20 декабря, в день памяти святителя Петра, Едигей отступил от Москвы и скрылся в степях. Никон и братия возвратились на пепелище обители, которая через три года была обстроена вся заново, кроме церкви. Место, где погребен был преподобный Сергий и где ныне стоит Троицкий собор, преподобный Никон сберегал для будущего каменного храма, почему деревянный храм и был построен на том месте, где теперь церковь Сошествия Святого Духа. Этот храм был освящен в 1412 году, 25 сентября, в день памяти преподобного Сергия. И достойные видели, как святитель Алексий с преподобным Сергием приходил освящать новые здания обители.

Преподобный Никон пользовался любовию и уважением князей: в 1401 году он крестил сына Димитрия у князя кашинского Василия Михайловича; в 1410 году, по просьбе серпуховского князя Владимира Андреевича, он свидетельствовал его духовное завещание; великий князь Василий Димитриевич дал на его имя несколько жалованных грамот обители, которая при Никоне приобрела несколько земель частию вкладами, частию покупкою. Но всего более заботился преподобный об устроении душевного спасения себе и другим. Под его руководством братия усердно занималась списыванием Богослужебных и отеческих книг.

Сладостнейшею наградою Никону за его труды для обители было открытие святых мощей великого учителя преподобного Сергия. Это совершилось при копании рвов для каменного храма Пресвятой Троицы. Незадолго пред тем преподобный Сергий сам повелел в видении одному благочестивому мужу, жившему близь обители, возвестить игумену и братии:

— Векую мя остависте толико время во гробе, землею покровена, воде утесняющей тело мое?

И вот, 5 июля 1422 года в присутствии крестного сына Сергиева — князя звенигородского Юрия Димитриевича преподобный Никон изнес из земли нетленные мощи отца своего и временно поставил их в деревянном храме. С благоговейною любовию и усердными молитвами созидался и украшался каменный храм, как место покоя для мощей великого Сергия, которые и были перенесены в него по освящении храма. Над украшением сего святилища потрудились преподобные иконописцы Даниил и Андрей Рублев, вызванные для сего из обители преподобного Андроника. И доныне стоит этот храм Никонова строения, не потрясаемый

веками, освящая и ныне молящихся в нем. И до сих пор красуется в нем чудотворный образ Пресвятой Троицы, написанный преподобным Андреем.

Преподобный Никон скончался на семьдесят третьем году своей жизни. Почувствовав приближение кончины, он призвал братию и дал ей последние наставления, в которых как бы слышалось завещание великого Сергия. Никон завещал братии строго соблюдать чин молитвы дневной и ночной, нечасто выходить из обители, быть мужественными в искушениях, повиноваться начальствующим, любить труд и безмолвие и ни одного бедного пришельца не отпускать с пустыми руками.

Наконец, приобщившись Святых Христовых Тайн, уже в крайнем изнеможении, умирающий старец благословил каждого и сказал:

— Отнесите же меня в светлую храмину, уготованную мне молитвами отца моего, — не хочу более здесь оставаться!

Видно, в откровении ему был показан блаженный покой, ему уготованный, хотя смиренный подвижник никому о том ясно не говорил.

— Изыди, душа моя, — тихо промолвил он наконец, — идеже ти уготовано пребывалище; пойди радующися, Христос зовет тя!

И, оградив себя крестным знамением, мирно почил о Господе 17 ноября 1428 года.

Его святое тело положено близь мощей преподобного Сергия, и Богу дивному во святых Своих, угодно было, чтобы это служило не только памятником их взаимной близости в жизни временной, но и знамением их взаимного общения в

жизни вечной, ибо любовь святых, как любовь Божественная, не подлежит закону времени. Неоднократно Сергий и Никон оба вместе являлись и вместе чудодействовали...

Глава XX

УЧЕНИКИ И СОБЕСЕДНИКИ СЕРГИЕВЫ В СВОИХ ОБИТЕЛЯХ

Учениками и духовными друзьями преподобного Сергия основано до сорока монастырей; из них, в свою очередь, вышли основатели еще до пятидесяти монастырей, так что духовное потомство великого Радонежского подвижника распространилось по всей северовосточной Руси, повсюду зажигая благодатный огонек духовной жизни и разливая свет просвещения христианского. В настоящем очерке мы не можем представить полной картины распространения монашества из обители Сергиевой и ограничимся здесь краткими сведениями об учениках и собеседниках преподобного Сергия, основавших свои обители и имевших к нему личные отношения.

1. Одним из первых учеников и постриженцев преподобного Сергия был преподобный Авраамий Галицкий, называемый в наших месяцесловах также Городецким и Чухломским. Судя по тому, что он, по свидетельству рукописного жития, скончался 20 июля 1375 года в глубокой старости, надо полагать, что он был летами много старше преподобного Сергия, которому в это время было только пятьдесят шесть лет. В обители Радонежской Авраамий трудился в хлебне и поварне, носил дрова и воду для братии,

а потом был удостоен сана пресвитерского. Желая высшего подвига, он испросил у великого старца благословение и удалился в дикую тогда страну Галицкую. Здесь на одной горе, близь Галицкого озера, он обрел чудотворную икону Богоматери «Умиление сердец» и поставил себе часовню и келлию. Когда его убежище стало известно галицкому князю Димитрию Феодоровичу, он принес, по просьбе сего князя, обретенную им святыню в Галич, куда прибыл по озеру в рыбачьей лодке. Народное предание говорит, что там, где плыл преподобный, еще и теперь видна струя, отличающаяся от прочих и называемая Авраамиевою. В Галиче от святой иконы было много чудес, почему усердный князь дал средства преподобному построить на месте явления сей иконы монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы, а самого Авраамия убедил быть игуменом сей обители. Много потрудился здесь святой игумен над обращением дикого племени чудского к Христовой вере, и Матерь Божия, видимо, помогала ему в том обильными чудесами от святой Своей иконы. Когда обитель стала очень многолюдна, преподобный удалился верст за семьдесят; ученики нашли его и здесь, и скоро основана была другая обитель — Положения пояса Богоматери (ныне село Озерки). Затем Авраамий удалился на реку Вига и основал там монастырь во имя Собора Богоматери. Наконец он ушел и отсюда, и в двадцати верстах от Вигской обители построил четвертую обитель, в честь Покрова Пресвятой Богородицы, где и почил о Господе. Так переносим был сей светильник смирения с одного места на другое и везде возжигал светочи духовной жизни.

2. Преподобный Павел Обнорский, или Комельский, родом москвич, постриженец одного из приволжских монастырей, был также одним из первых учеников преподобного Сергия. Подобно Авраамию он проходил в обители великого

старца послушания и в кухне, и в трапезе, — был и в келейном послушании у самого игумена Сергия. Так трудился он несколько лет. Потом испросил у старца благословение жить в уединении в окрестных лесах. Чрез пятнадцать лет такой жизни, когда его стали посещать братия, он снова просил у преподобного Сергия благословения идти в пустыню уже более отдаленную. Святой старец дал ревностному ученику — любителю безмолвия медный крест на благословение, и Павел после долгих странствий по пустынным местам остановился наконец в Комельском лесу. Над речкою Грязовицею Павел избрал себе дупло старой липы вместо келлии и три года подвизался тут, никому неведомый. Потом он перешел на реку Нурму и здесь поставил келлию немного просторнее оставленного дупла. Преподобный Сергий Нуромский, также ученик Сергия Радонежского, однажды пришел к нему и увидел вот что: стаи птиц вились около Павла, иные из них сидели на голове и на плечах его, и он кормил их из рук; тут же стоял медведь, ожидая себе пищи от пустынника; лисицы и зайцы бегали кругом, ожидая того же... Вот жизнь невинного первого человека! Когда стали и сюда приходить к нему любители безмолвия и просили позволения жить с ним, то он сначала не соглашался, а потом, вспомнив советы наставника своего преподобного Сергия Радонежского, испросил у митрополита Фотия благословение на устроение общежительного монастыря во имя Живоначальной Троицы. По глубокому смирению он не принял священного сана. Стодвенадцатилетним старцем, лежа на смертном одре, 6 января 1429 года, он со слезами поведал братии о сожжении в тот день Костромы татарами, а 10 января отошел ко Господу. В его обители и поныне хранится крест, данный ему преподобным Сергием на благословение.

3. В четырех верстах от пустынного жилища преподобного Павла подвизался его друг и духовный отец преподобный Сергий Нуромский. Он был родом грек, пришел в Радонежскую пустыню к преподобному Сергию с Афонской горы и долго жил под руководством великого отца иноков. По его благословению он основал на реке Нурме монастырь Преображения Господня. Сергий и Павел часто посещали друг друга, причем Павел из уважения к Сергию провожал его обыкновенно на две трети расстояния от своей обители. Место, где расставались святые друзья, ознаменовано часовнею. Преподобный Сергий скончался 7 октября 1412 года.

4. В двадцати верстах от обители преподобного Павла была обитель Воскресения Христова, основанная еще раньше Павловой учеником преподобного Сергия Радонежского — Сильвестром Обнорским. Долго подвизался здесь на берегу Обноры, в глухом лесу этот угодник Божий, пока не нашел его один заблудившийся поселянин. После того около его пустынной келлии стали селиться ревнители духовного подвига, и основалась обитель. Святитель Алексий благословил построить храм во имя Воскресения Христова. Преподобный Сильвестр часто удалялся в глухое место дремучего леса, которое и теперь называется заповедною рощей. Оттуда по временам выходил он для беседы с посетителями на то место, где теперь часовня. Скончался он в 1379 году, апреля 25-го дня.

5 и 6. Преподобные Андроник и Савва. Преподобный Андроник, «тихий, кроткий, смиренный», по отзыву летописца, был родом из той же Ростовской области, из которой происходил его великий авва. Святой наставник очень любил своего святого ученика за его добродетели и безответное послушание и особенно молил о нем Бога, чтобы покрыл эту

невинную душу от вражеских козней и помог ему довершить свое течение до конца. Андроник давно питал в душе желание основать свою общежительную обитель и не таил сего желания от старца. Мы видели выше, как это святое желание исполнилось, когда святитель Алексий испросил у преподобного Сергия сего ученика для устроения обители Всемилостивого Спаса. Место было избрано в семи верстах от Кремля, на речке Яузе, и сам преподобный Сергий приходил благословить это место. В 1361 году обитель была окончена строением. Великий старец не раз приходил сюда к любимому своему ученику и подкреплял его в подвиге своими беседами. Однажды великий подвижник зашел сюда поклониться образу Спаса (который был принесен святителем Алексием из Царьграда) перед отправлением в дальний путь в Нижний Новгород (в 1365 году), и при прощании долго беседовал с Андроником. Впоследствии на месте их разлуки поставлена часовня: это на пути во Владимир. Под руководством преподобного Андроника воспитались: его спостник и преемник по игуменству — преподобный Савва и знаменитые иконописцы: Андрей Рублев и Даниил, которые расписывали придворный Благовещенский собор и соборные храмы: во Владимире и Сергиевой лавре. И поныне стоит на правой стороне царских врат Троицкого собора чудотворная икона Пресвятой Троицы, написанная преподобным Андреем...

7. В одно время с Андрониковым монастырем (в 1361 году) возникла обитель Пешношская, основанная пустыннолюбивым Мефодием. В молодых летах пришел он к преподобному Сергию и жил несколько лет под его руководством. Потом, по благословению старца, он уединился в глушь дубового леса за рекою Яхромою и на небольшом возвышении среди болота поставил себе келлию. Когда около него стали собираться братия, преподобный Сергий,

посетив его, посоветовал ему построить обитель и храм на другом, более сухом месте и благословил то самое, где теперь стоит эта обитель. Преподобный Мефодий сам трудился при ее построении, пеш(е) нося деревья через реку. Оттого обитель получила наименование Пешношской, а речку прозвали Пешношей. По временам преподобный Мефодий для безмолвия уединялся за две версты от обители, и сюда приходил к нему для духовной беседы преподобный Сергий. Отсюда эта местность названа Беседою, и здесь стоит часовня. «Собеседник и спостник» преподобного Сергия Мефодий преставился спустя восемь месяцев после кончины своего великого старца, 14 июня 1392 года. В его обители честно хранится деревянный потир, в коем он священнодействовал, и ковчежец с частию мощей преподобного Сергия.

8. Преподобный Феодор, в мире Иоанн, родной племянник преподобного Сергия, в юности постриженный им, был одним из самых усердных и любимых его учеников. Удостоенный сана священства, он возымел желание основать свой общежительный монастырь и открыл свою мысль Богомудрому дяде-наставнику. Преподобный Сергий благословил его на это дело и даже сам пришел осмотреть избранное им на высоком берегу Москвы-реки место для обители. Это было около 1370 года. Слава о святой жизни Феодора скоро собрала около него много братии. Великий князь избрал себе Феодора в духовники и посылал с поручениями по делам церковным к Вселенскому Патриарху; митрополит Алексий относился к нему с отеческою любовию, и Киприан писал ему послания вместе с преподобным Сергием. Высокое положение, в какое был поставлен Феодор, тревожило его святого дядю, который «болезновал о чести и славе его» и молился, «во еже совершити ему течение без преткновения». Великий отец иноков почитал обитель Симоновскую — род-

ственною о Христе своей Радонежской обители, и когда потребность и польза вызывали его в Москву, он приходил прямо в Симонов монастырь, где для него устроена была даже особая келлия. Любитель смирения и труда, он и здесь вместе с братиею возделывал собственными руками землю для огородов, насаждал деревья, копал пруды и кладязи (колодцы). И теперь еще видны здесь плоды его труженической жизни: недалеко от монастыря, на ровном возвышенном песчаном месте находится обширный (в окружности до 150 сажен) и глубокий (на средине до 6 аршин) пруд, обнесенный валом и обсаженный березами. Общее предание Москвы уверяет, что этот пруд ископан руками первых святых подвижников на Симонове и что в сих трудах принимал живое участие преподобный Сергий. Оттого и зовут этот пруд Сер-гиевым. И московские старожилы говорят, что многие страждущие, несмотря на время года, погружаясь в воде сего пруда с верою и молитвою об исцелении, получали просимое. С древних лет в день Преполовения Пятидесятницы сюда бывает крестный ход для освящения воды.

Преподобный Феодор впоследствии был архиепископом в Ростове, где, несмотря на кратковременное управление паствою, оставил по себе вековечный памятник основанием Богородице-Рождественского женского монастыря. Он скончался 28 ноября 1394 года.

9 и 10. Из Симоновской обители вышли два подвижника Белозерские, Кирилл и Ферапонт, которые оба пользовались наставлениями преподобного Сергия. Первого из них привел сюда друг Сергиев, преподобный Стефан Махрищский. Когда преподобный Сергий приходил в Симонов, он прежде всех посещал Кирилла в хлебне. Прозорливый старец видел, что будет Кирилл впоследствии, и с любовию беседовал с ним о

спасении души. После Феодора Кирилл некоторое время был настоятелем Симоновской обители, но потом, по любви к безмолвию, удалился в свою уединенную келлию на Старом Симонове, а оттуда, вместе с другом своим Ферапонтом, ушел в пределы Белозерские. Там Кирилл положил основание общежительной обители Успения Пресвятой Богородицы (в 1397 году), а Ферапонт основал тоже общежительный монастырь Рождества Богородицы (1398 год). В 1408 году преподобный Ферапонт, по желанию можайского князя Андрея Димитриевича, перешел в Можайск и здесь, в версте от города, основал Лужецкии монастырь, в котором и почил в 1426 году, 27 мая. А преподобный Кирилл скончался в 1427 году, 9 июля.

11. Около 1373 года князь Владимир Андреевич, основатель Серпухова, пожелал устроить в этом городе иноческую обитель как лучшее училище благочестия. Он пригласил к себе преподобного Сергия и просил его совета. Святой старец благословил доброе намерение князя и вместе с ним осмотрел место будущей обители. Место это называлось Высоким, потому что находилось на возвышенном берегу Нары, близь Оки, в лесу, в версте от города. 2 декабря 1373 года преподобный Сергий заложил храм обители в честь зачатия Богоматери праведною Анною. Князь просил старца оставить строителем новой обители пришедшего с ним ученика, преподобного Афанасия. Афанасий, в мире Андрей, еще в юности пришел к угоднику Божию в его Радонежскую пустыню, и старец очень любил его за его безответное послушание и смирение. Преподобному Сергию жаль было отпустить от себя Афанасия, а блаженному Афанасию не хотелось расстаться с Богомудрым Сергием; но «так угодно Господу», — сказал старец, и Афанасий повиновался. При содействии

благочестивого князя обитель скоро окончена была строением, и к Афанасию собралось много братии. Преподобный Сергий не раз посещал своего ученика в Серпухове, и прислал сюда своего будущего преемника — преподобного Никона, который и был здесь первым иноком, а потом и пресвитером. Князь построил в обители каменный храм, и митрополит Киприан сам освятил его. С этого времени между святителем и Высоцким игуменом установилась самая тесная духовная дружба: Киприан не раз писал Афанасию самые дружеские послания, а искренно преданный ему игумен разделял скорби святителя, сопутствуя ему в Киев и Царьград. В 1387 году преподобный Афанасий купил себе в константинопольском Предтечевском монастыре келлию и остался там с несколькими учениками своими навсегда. Он много потрудился над переводом и списыванием святоотеческих творений (известен написанный им устав «Око Церковное»), присылал из Царьграда в свою обитель иконы и скончался там около 1401 года. В Высоцком монастыре его преемником по игуменству был соименный ему ученик Афанасий, прославившийся по кончине чудотворениями. Из других его учеников известен преподобный Никита. В этой обители сохранились крашенинные ризы преподобного Сергия.

12. Год спустя после основания Серпуховской обители преподобный Сергий положил начало уже известной читателям обители на Киржаче. Здесь первым игуменом был его ученик преподобный Роман, скончавшийся 1392 года, июля 29-го дня.

13 и 14. В 1378 году был основан Стромынский монастырь Успения Богоматери на реке Дубенке; первым его игуменом, или строителем, был преподобный Леонтий,

ученик преподобного Сергия. Спустя три года, в 1381 году после славной победы Куликовской, великий князь Димитрий Иоаннович основал другой Дубенский Успенский монастырь, что «на острову», где игуменствовал преподобный Савва, также ученик преподобного Сергия, изображенный в Успенском соборе Троицкой лавры с закрытым правым глазом. В благословение сей обители великий старец дал, как гласит предание, икону Пресвятой Богородицы Кипрскую, которая и поныне чтится в приходской церкви села Стромыни.

15. Преподобный Афанасий пустынник, «зовомый железный посох», подвизался на месте, где потом был основан череповецкий Воскресенский монастырь и где теперь Воскресенский собор в Череповце.

16. Преподобный Ксенофонт Тутанский основал Тутанский Вознесенский монастырь на берегу реки Тьмы, в тридцати верстах от Твери, где ныне село Тутань. Память его местно чтится 26 января.

17. Преподобный Ферапонт Боровенский, основатель Успенского Боровенского монастыря, в 10 верстах от города Мосальска (Калужской губернии). По преданию, преподобный Сергий благословил Ферапонта иконою Успения Богоматери; Ферапонт пришел с нею в окрестности нынешнего погоста Боровенска; утружденный от пути, он лег под тению одного из вековых деревьев, поставив на нем образ. Но, проснувшись, не нашел его на своем месте; долго искал он икону и наконец нашел в лесной чаще, на одной сосне. До трех раз повторялось чудесное исчезновение иконы и обретение ее в одном и том же месте. Преподобный принял это событие за указание, что Пресвятая Богородица благоволила избрать сие место для обители, и поселился тут. Скоро собрались около него

любители отшельничества, и обитель основалась. Год кончины преподобного Ферапонта неизвестен. Святая икона Успения Богоматери и поныне стоит в церкви Боровенского погоста.

18. Преподобный Савва Сторожевский, по кончине преподобного Сергия и по удалении преподобного Никона на безмолвие, шесть лет управлял лаврою преподобного Сергия. Памятником его попечений об обители преподобного Сергия служит источник, изведенный его молитвами и поныне называемый Саввиным (близь церкви Воскресения Христова в Кокуеве). По желанию звенигородского князя Юрия Димитриевича в 1398 году Савва основал близь Звенигорода на горе Стороже монастырь во имя Рождества Богородицы, в котором и почил 3 декабря 1406 года.

19. Преподобный Иаков Железноборский, или Галицкий, родом из галицких дворян Амосовых, почти до самой кончины преподобного Сергия жил в его обители, а потом поселился в глухом лесу у железных рудников, в тридцати верстах от Галича. В 1415 году случилось ему быть в Москве, где имел он пребывание в Предтеченском, под Бором, монастыре. В то время великая княгиня Софья Витовтовна, супруга великого князя Василия Димитриевича, страдала родами; великий князь послал просить молитв у подвижника Иакова, и преподобный предсказал посланным, что супруга великого князя родит ему наследника престола. София родила сына, и благодарный великий князь дал Иакову средства построить монастырь во имя Предтечи на месте его подвигов. Иаков скончался 1422 года, 11 апреля.

20. Преподобный Григорий Голутвинский — первый игумен Голутвинского монастыря в Коломне. В этой обители, основанной около 1385 года в честь Богоявления Господня, хранится посох преподобного Сергия, с которым он, по

преданию, встречал после победы Димитрия Донского. К ученикам преподобного Сергия причисляют:

21. Преподобного Пахомия Нерехтского, основателя Троицкого Сыпанова монастыря, близь Нерехты, Костромской губернии. Скончался в 1384 году 23 марта.

22. Преподобного Никиту Костромского, основателя Богоявленского монастыря в городе Костроме, и

23. Преподобного Никифора Боровского, изображенного на иконе Троицкого собора.

Современные преподобному Сергию подвижники благочестия высоко ценили его духовную опытность и дорожили его мудрыми советами и наставлениями. Отсюда — целый сонм его святых друзей и «собеседников».

И как сладостно звучит для сердца это умилительное наименование! Все они более или менее от него заимствовали свое иноческое образование, потому что «не в меру излилась благодать Божия на сего избранника, и он, смиренно стараясь быть ниже других, невольно превозмогал их обилием своих духовных дарований, которые так высоко и, можно сказать, одиноко поставили его над ликами иночествующих своего века и последующих». Поименуем здесь более известных из них:

1. Преподобный Димитрий Прилуцкий, основатель обители Прилуцкои близь самой Вологды. В первый раз он познакомился с преподобным Сергием, вероятно, в 1354 году, когда преподобный Сергий приходил в Переяславль просить игумена для своей обители и, сколько ни отказывался, был сам посвящен в сан игумена епископом Афанасием. Преподобный Димитрий в то время подвизался в основанном им Никольском монастыре на берегу Переяславского озера.

Весьма вероятно, что он упросил преподобного Сергия и остановиться в его обители. С того времени он часто ходил к преподобному Сергию. Из Переяславля в 1371 году он удалился в Вологодские пределы и там основал — первую в той области — общежительную обитель во имя Спасителя. Почил 11 февраля 1392 года.

2. Преподобный Стефан Махрищский. О нем уже говорено было выше (гл. XIII). Подобное тому, что потерпел преподобный Сергий в своей обители, случилось и с его святым другом: против него вооружились соседние жители, братья Юрковские, и грозили его убить. Давая место гневу, кроткий Стефан тайно ушел в вологодские леса, и здесь, на реке Авнеже, основал пустынную обитель Пресвятой Троицы. Вызванный великим князем московским опять на Махру, он оставил там двух учеников: Григория и Кассиана. Преставился 15 июля 1406 года.

3 и 4. Преподобные Павел и Феодор Ростовские. Когда преподобный Сергий (в 1363 году) был на своей родине в Великом Ростове, сии подвижники просили его избрать им место для обители и благословить начало их святого дела. Углубившись в непроходимые тогда лесные дебри, окружавшие Ростов, преподобный Сергий избрал место на берегу реки Устья и сказал пустынникам: «Призрит Бог и Пресвятая Богородица на место сие». Тут и был основан Борисоглебский монастырь. Феодор основал еще Никольский монастырь на реке Ковже, впадающей в Белое озеро. Он скончался 22 октября 1419 года. Вскоре после него преставился и Павел.

5. Преподобный Дионисий, архиепископ Суздальский, постриженец киевский, основатель Печерского Вознесенского

монастыря на берегу Волги, в пяти верстах от Нижнего Новгорода. Скончался 15 октября 1384 года в Киеве.

6. Преподобный Евфимий, ученик Дионисия, во время своего пребывания в Суздале неоднократно приходивший к преподобному Сергию для духовного собеседования с ним. Он основал две обители: Васильевскую, в пяти верстах от Гороховца, и известный Спасо-Ев-фимиев монастырь в Суздале. Почил 1 апреля 1405 года.

7. Святитель Стефан Пермский основал три обители: на устьях Выми, Вычегды и Сысоли.

8. Святитель Михаил Смоленский, ученик преподобного Феодора Симоновского, или Ростовского чудотворца.

Блаженный Епифаний, упомянув об основании преподобным Сергием некоторых монастырей, замечает: «Не толико же святый Сергий монастырей постави, елико зде написахом, но многи монастыри воздвиже на славу Божию и Пречистыя Богородицы, и своя ученики постави в тех монастырех на-чальствовати». Из вышеприведенного списка учеников и собеседников преподобного Сергия видно, что действительно Епифаний о многих из них не упоминает вовсе. Но и наш список, конечно, далеко не полон. Так, известно, например, что на обратном пути из Нижнего Новгорода в 1365 году преподобный Сергий положил основание Ге-оргиевской пустыни в Гороховецком уезде, на берегу реки Клязьмы. Нет сомнения, что в этой пустыни первыми подвижниками были ученики или собеседники великого отца иноков, но кто именно — сведений не сохранилось. Известно также, что еще великий князь Димитрий Иоаннович Донской пожаловал преподобному Сергию в самом Кремле, близь своего дворца, место для келлии и церкви, на случай пре-бывания его в Москве, и что впоследствии тут существовал

Богоявленский монастырь; но кто был строителем сего монастыря — неизвестно. В Рязанском Троицком монастыре сохранилось предание об основании его преподобным Сергием в то время, когда он приходил в Рязань для примирения князя Олега с московским великим князем, но никаких подробностей об его построении не сохранилось. О многих обителях, вероятно, до нас не дошло и преданий. Есть, например, села, в которых находят могильные плиты с именами погребенных под ними иноков, хотя никаких воспоминаний исторических, никаких даже преданий о существовании в этих местах монастырей нет. Но уже одни эти надгробные плиты свидетельствуют, что тут были «монас-тырьки», которые, конечно, имели свое благотворное действие на окрестных жителей и служили проводниками духа православного подвижничества в народную среду, и это действие, как бы оно ни было ограничено в смысле пространства, было важно уже потому, что сказывалось постоянно, становилось повседневным... А если мы примем во внимание вышеприведенный список учеников и собеседников Сергеевых, то с большою вероятностию можем предположить, что и число духовных питомцев преподобного Сергия, и число обителей, основанных ими и их учениками, было несравненно более, чем сколько нам известно на основании свидетельств исторического предания.

Древнему избраннику Божию, великому отцу верующих было некогда сказано: *воззри на небо и изочти звезды, аще возможеши исчести я... тако будет семя твое* (Быт. 15, 5). И преподобному Сергию, великому отцу иноков, было показано в видении множество птиц и сказано: «Посмотри кругом!., так умножится стадо учеников твоих!» И сбылось это обетование небесное. Точно птички райские разлетелись птенцы

Сергиевы из родного гнезда Радонежского по всему востоку и северу Русской земли и прославили Господа своею дивною жизнию, — будто звезды по небу полуночному рассыпались они по лицу родной земли и ярко горят по всему необъятному пространству ее пределов северных. И пока не заслонят собою этого дивного сияния суетные облака мудрований человеческих, пока будет веять на Руси дух истинного подвижничества, дотоле не будут страшны ей никакие напасти, ибо *семя свято — стояние ее!..*

Архиепископ Никон Рождественский

Житие, чудеса и подвиги
преподобного и Богоносного
отца нашего Сергия,
игумена Радонежского и всея России
чудотворца